ВИКТОР ИЛЬИН

СМОЛЯНЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

издательство
2012
маджента
СМОЛЕНСК

ББК 83.3(2)
И46

Ильин В. В.
И46 **Смоляне Древней Руси**. – Смоленск: Маджента, 2012. – 240 с.
ISBN 978–5–98156–489–5

ББК 83.3(2)

Профессор Ильин В. В. в своей монографии представляет славную историю Смоленщины и её людей, какой она предстаёт со страниц летописных сводов и других разных по виду и жанру памятников художественной литературы и устного народного творчества. Персонажи его книги отображены непременно в конкретных условиях их исторического развития, раскрываются в сложном процессе национального духовного становления и развития.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, написана просто, доступным языком. Её с большим интересом и пользой прочтут и взрослые, и дети.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Администрации Смоленской области

Виктор Васильевич Ильин

СМОЛЯНЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Редактор *Е. А. Минина*
Компьютерная верстка *А. А. Младченков*
Корректоры *Т. А. Быкова, И. М. Левина*

Подписано в печать 25.10.2012. Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Журнальная. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 15 п. л. Тираж 400 экз.

ООО «Издательство «Маджента»
214000, г. Смоленск, пер. Чуриловский, д. 19.
Тел.: (4812) 38–59–80 E-mail: izdat@magenta-l.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов на ОАО ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр. им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN: 978-5-98156-489-5
9 785981 564895

© Составитель. В. В. Ильин, 2012
ISBN 978–5–98156–489–5 © Оформление. ООО «Издательство «Маджента», 2012

Содержание

Введение. У истоков Великой Руси 4
Глава первая. Смоленск изначальный 8
Глава вторая. Хождения апостола Андрея 18
Глава третья. Смоленская агиография 27
Глава четвертая. Патриарх литературы Древней Руси 45
Глава пятая. Писатель и государственный деятель Древней Руси ... 57
Глава шестая. Основатель смоленского княжеского рода 67
Глава седьмая. Князь просветитель и книжник 74
Глава восьмая. Князь Мстислав Храбрый 82
Глава девятая. Отважный отпрыск Мономаха 88
Глава десятая. Князь-градостроитель 97
Глава одиннадцатая. Мстислав Удатный 106
Глава двенадцатая. Герой битвы на реке Калке 116
Глава тринадцатая. Выдающийся просветитель Руси 123
Глава четырнадцатая. Смоленский учёный-монах 135
Глава пятнадцатая. Подвиг Меркурия Смоленского 151
Глава шестнадцатая. Люди Смоленщины в летописи Авраамки 161
Глава семнадцатая. Смоляне в Радзивиловской летописи 169
Глава восемнадцатая. Смоленские воины на поле Куликове 182
Глава девятнадцатая. Смоленщина «смутного времени» 202
Глава двадцатая. Смоленские люди после «смуты» 217
Заключение. «Не в худой земле, не в неведомой» 236

ВВЕДЕНИЕ. У ИСТОКОВ ВЕЛИКОЙ РУСИ

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

С. Есенин

Юбилейные торжества по случаю 1150-летия государственности Руси и первого упоминания в летописи «богоизбранного града» Смоленска, который с незапамятных времён был форпостом Смоленской земли, одним из основных и главных славянских городов, пройдут в 2013 году.

Надо сказать, что из всех славянских городов Смоленск — самый древний. Он старше Киева и Новгорода. Городище Рюрика в Новгороде находится на другой стороне реки Волхова, вне нынешнего города. Это место теперь поражает своей таинственностью, некоей пустынностью и заброшенностью. Новый город (Новгород) возник, как видно, уже позже и на другом месте. Что касается Киева, основанного, по преданию, тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом, то известный на Смоленщине дореволюционный историк И. И. Орловский высказал по этому поводу такое суждение: «Об основании Киева древняя летопись приводит народное предание, а об основании Смоленска к его времени уже и предания были позабыты» (настолько он старше других русских городов). Спустившийся вниз по Днепру варяжский воевода Аскольд, как утверждает «Повесть временных лет», без особого труда захватил Киев, в то время как насчёт Смоленска подумал, что час побережёшься — век проживешь, и не рискнул напасть на город, потому что тот уже был велик и «мног людми».

Профессор Н. В. Голубовский, киевский историк XIX века, полагал, что Смоленск существует с «доисторических времён». Археологические источники подтверждают это заключение: на прилегающей к городу территории в отдалённые времена существовала густая сеть поселений каменного, бронзового и железного веков. Смоленщина насчитывает около 4000 памятников археологии, архитектуры, истории и искусства. Среди них, прежде всего, следует выделить могильник Гнёздово — один из значительнейших археологических комплексов в Европе.

Древнейший Смоленск отразился также в глубинных слоях народной памяти — в легендах, сагах, былинах, исторических песнях. Пренебрегать этими «живыми» источниками нельзя, потому что они подчас гораздо шире, чем даже материальные памятники культуры, охватывают народную жизнь и сохраняют её не только веками, но и тысячелетиями. Из времён язычества дошли до нашего времени легенды и былины, в которых фигурируют Смоленск и Смоленщина. Это былины о Михайле Потоке и Марии Белой Лебеде, о «корбах тёмных, грязях-то чёрных, смоленских», а также легенда о беснующихся смоленских девицах, которых Георгий Победоносец, герой христианского эпоса, превратил в камни.

Из зарубежных художественных памятников стоит отметить «Сагу о Тидрике Бернском» — произведение немецкого фольклора, записанное на юге Германии 900 лет тому назад. Главные герои её — смелый и храбрый предводитель смолян Вольдемар (Владимир) и военачальники гуннов Тидрик и Аттила. В Саге речь идёт о нашествии в первом веке нашей эры гуннов на славянские города Смоленск и Полоцк. Полоцк они взять приступом не смогли, потому что город был укреплён неприступными крепостными стенами. Смоленск же, после длительной осады, они взяли, перебили много людей и захватили несчётную добычу. Стоявший на торговом пути «из варяг в греки», он был богатым городом.

Смоленск имеет явное преимущество перед другими нашими городами потому, что он в течение веков отражал вражеские нашествия. В первом веке от Рождества Христова, в 315 году, он в смертельной схватке остановил продвижение гуннов на запад. «Сказание о Меркурии Смоленском» повествует о том, как смоляне остановили татар на Долгом мосту. Смоленские князья активно участвовали в Куликовской битве 1380 года против татарского тёмника Мамая. Они считали, что менять веру — менять и совесть. В 1410 году смоленские полки стояли насмерть в Грюнвальдской битве против Тевтонского ордена крестоносцев. В 1812 году в Смоленске была приостановлена полумиллионная армия Наполеона; двум соединённым русским армиям представилась возможность

подготовиться к Бородинскому сражению. В 1941 году Смоленск задержал продвижение немецко-фашистских армий, рвавшихся к Москве. В сражении за Ельню родилась советская гвардия.

Смолянам есть чем гордиться и что показывать гостям, которые прибудут на празднование 1150-летия города. Много достопримечательностей найдут они здесь: знаменитый некрополь Гнёздово, останки древнего Смоленска, музей и картинную галерею, древнейшие памятники города и стелу на берегу Днепра, где был убит первый русский святой – муромский князь Глеб Владимирович. А сколько достопамятных мест на Смоленщине! Город первого космонавта Юрия Гагарина – Хмелита, где не раз бывал Грибоедов; Вязьма с её памятниками; Новоспасское – родина М. И. Глинки; родина А. Т. Твардовского – хутор Загорье; Пржевальское и, наконец, Тушемля – городище V–VII веков в Починковском районе. К тому же у смолян уже есть опыт приёма такого большого количества гостей. Достаточно вспомнить 1991 год, когда древний город на Днепре принимал более тысячи посетителей: из Белоруссии, Украины, Польши, Чехословакии, Болгарии, Словении, Сербии, Хорватии, Черногории. Тогда звучали песни на всех славянских языках, гремела музыка. На научной конференции выступали крупнейшие учёные славянских стран. В дни этих торжеств был установлен памятник великому русскому зодчему Фёдору Коню, создателю чуда архитектурного искусства – смоленской крепостной стены. Была освящена стела на месте гибели святого князя Глеба и установлен барельеф славянским первоучителям Кириллу и Мефодию (братский подарок от Болгарии). Словом, это был поистине настоящий праздник славянского единства.

Смоленск известен сегодня во всём мире. Сама по себе история его возникновения и развития увлекательна и поучительна. Смоленщина всегда вызывала и вызывает гордость у её жителей. А. С. Грибоедов, юность которого прошла в Хмелите, неоднократно говорил Ф. Булгарину: «Только в храмах Божьих собираются русские люди, думают и молятся по-русски. В русской церкви, я в отечестве, в России. Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Дмитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение трогало их сердца, те же чувства одушевляли набожные души. Мы русские только в церкви, – а я хочу быть русским!..» [1. 664].

Недавно ушедший из жизни смоленский поэт А. Мишин оставил стихотворение «Смоленщина» с такими строками:

Мой трудный край
Не тихая обочина.
Полёт судьбы его высок…
Я припаду к тебе, моя землица,
Где над цветком
Плывет пчелиный гуд,
Напьюсь воды,
Взгляну в родные лица –
И силы добрые по жилам потекут…
О, как был прав
Твардовский в час покоя,
Сказав негромко,
Но на всю страну:
– Какое это счастье дорогое –
Иметь свою родную сторону! [2. 28].

Библиографический список

1. Булгарин Ф. Сочинения. М., 1980.
2. Мишин А. Избранное. В 2 т. Смоленск: Смядынь, 2001. Т. 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СМОЛЕНСК ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

И прежде чем встали московские дали,
Смоленск возвели на Днепре.

А. Бодренков

Старинный русский город Смоленск таит в себе множество загадок, до сего времени не прояснённых из-за отсутствия надёжных исторических источников. Но, как глаголет пословица, не то лестно, что известно, или: Что скажешь? — А что услышишь. Тот факт, что город на Днепре существует с незапамятных времен, ни у кого теперь уже не вызывает сомнений. О возрасте городов обычно судят по сохранившимся памятникам. Некоторые из них существовали и до появления письменности, о чём свидетельствуют наскальные изображения, высеченные из камня скульптуры, берестяные грамоты, древнейшие рукописи, передаваемые из уст в уста сказы, былины, сказания и другие единицы устного и письменного происхождения. Пренебрегать ими нельзя. Это — наша история в коллективной памяти народа.

В последние десятилетия стали полнее использоваться лингвистические и фольклорные источники, результаты археологических раскопок. В результате учёные сумели добиться заметных успехов, значительно углубились в историческое прошлое ряда городов и весей. И всё же доисторическая жизнь многих из них остается истиной, скрытой за семью печатями. Пока они находятся в зоне недосягаемости современной науки.

Тем не менее, несмотря на неимоверные трудности, учёным всё-таки удалось в какой-то мере проникнуть в историю древнейшей языческой культуры Руси, используя крохотные, чудом сохранившиеся отечественные и иностранные источники. В этом

плане велика заслуга таких исследователей прошлого и настоящего, как Игнатий Гануш (чешский учёный XIX века), Ян Коллар, П. П. Орешкин, Тадеуш Воланский, Е. И. Классен, Г. С. Гриневич, Б. А. Рыбаков, В. А. Чудинов.

Капитальные труды по освоению языческой культуры принадлежат академику Б. А. Рыбакову, создавшему уникальный в своём роде труд «Язычество Древней Руси», а также академику В. А. Чудинову, автору 14 монографий по медивисткой проблематике («Вернём этрусков Руси», «Загадки славянской письменности», «Вагрия. Варяги Руси Яра» и др.). Именно после дешифровки этрусской письменности учёный пришёл к выводу, что «история этрусков самым непосредственным образом связана с историей Северной Руси, в частности Смоленщины и расположенных рядом земель Белоруссии». Все находки старинной культуры «везде были праславянскими. Это означает, что с точки зрения существовавшего тогда населения Италия была заселена славянской народностью» [11]. И всё же нынешнего исследователя поражает явный недостаток письменных материалов доисторического развития русских городов, хотя на Руси руническая письменность существовала задолго до принятия христианства. Великий Нестор, составитель «Повести временных лет», серьёзно помог нам в какой-то мере проникнуть и в эту тайну. Он рассказал, как после крещения Руси системно уничтожались памятники прошлой славянской культуры, существование которых исчислялось тысячелетиями; поведал, как в Киеве ниспровергали Перуна, главное языческое божество; как громили капища и кумирни. Деревянную скульптуру верховного божества «повеле привязати коневи къ хвосту и влеши с горы по Боричеву на Ручей, 12 мужа пристави тети жезльем… И привлекшее, вринуша и въ Днепр. И пристави Володимир, рек: „Аще кде пристанеть, вы отревайте его отъ берега; дондеже порогы проидеть, то тогда охабитеся его“. Они же повеления створиша» [8].

Из этого рассказа древнерусского историографа можно заключить, что подобным образом уничтожались не только скульптурные изображения языческих божеств, но и другие виды прошлой дохристианской материальной и духовной культуры Древней Руси («вчера чтимъ от человекъ, а днесь поругаемъ») [8].

Поэтому неудивительно, что ранняя христианская литература до предела насыщена острой полемикой, нацеленной на полное искоренение язычества, в каких бы формах оно ни проявлялось. Вот почему так трудно восстановить, хотя бы спонтанно, историю изначального Смоленска и других древних городов.

Чтобы приблизиться в какой-то мере к решению этой чрезвычайно важной проблемы, надлежит, прежде всего, выяснить смысл

их названия, так как именно в названии, очевидно, скрывается великая тайна, ведь безымянных городов и весей не бывает.

Н. А. Мурзакевич (1769–1834), которого по праву считают у нас первым смоленским историком, полагал, что своё имя наш город на Днепре получил от славянского племени — «смолян». Они жили по берегам Днепра и занимались сбором смолы, благо берега реки были покрыты девственными хвойными лесами. Добытчики этого продукта, который использовался при изготовлении лодок, именовали себя «смольнянами», а место, где жили, называли Смоленцем.

Академик О. Н. Трубачёв в книге «В поисках единства» (1992 г.) подкрепляет эту версию своими наблюдениями. Имя города, по его мнению, восходит к словам «смолижи» и «выжигать». Смоляне (смолене) для расширения посевных площадей выжигали лес, т. е. занимались подсечно-огневым земледелием.

Так выглядит первый цикл предположений о происхождении названия города Смоленска. Создатели его, очевидно, опирались на хозяйственную деятельность жителей, поэтому на первом плане у них оказались производственные отношения древних смолян.

Второй цикл легенд и сказаний о Смоленске основан на названии рек, речек, ручьёв и других географических топонимов.

В Смоленском губернском архиве в начале XIX века хранилась рукопись с описанием хозяйственной и культурной деятельности смолян. Она была составлена Иосафом Шупинским в 1780 году, вероятно, по случаю посещения Смоленщины императрицей Екатериной II. В ней затрагивается и вопрос о названии города. Автор приводит разные толкования. Одни, по его мнению, толкуют, что «название оное город получил от Смолигова колодезя», другие — «от предводителя Смолига», который когда-то заселил город людьми, третьи — от речки Смолянки, как именовали в глубокую старину Егорьевский ручей [12].

В данном случае невольно возникают встречные вопросы: почему предводителя звали Смолиг и почему колодец носил его имя? На второй вопрос ответить нетрудно: колодец принадлежал предводителю города. А вот в ответе на первый вопрос, вероятно, содержится намёк на цвет лица или волос предводителя города Смоленска. Ведь говорят же: чёрный как смоль. Человек, заселивший город людьми после какой-то произошедшей катастрофы или после взятия города врагом, был темноликий и темноволосый. Видимо, город был полностью уничтожен, сожжён, поскольку был «деревянным»; его могли «сровнять с землей». А потом, как птица феникс, город восстал из пепла, был восстановлен. Недаром же изображение этой птицы начертано на гербе города.

Известный на Смоленщине историк И. И. Орловский в книге «Смоленск и его стены. Краткая история Смоленска и его крепости» тоже поднимает вопрос о времени возникновения города и о его названии. Он пишет: «Как и когда он построен, никому не известно. Об основании Киева древняя летопись приводит народное предание, а об основании Смоленска к его времени уже и предания были позабыты» [6].

Конечно, предания не могут подвергнуться полному забвению: коллективная народная память на века сохраняет всё наиболее ценное и значительное. Например, известно сохранившееся предание об Андрее Первозванном, который в то отдалённое время посетил место, где затем возник город Киев. В XVIII веке смоленский иеромонах Шупинский составил справку для императрицы по истории своего города, учтя всё, что он знал из народных преданий.

С. П. Писарев, смоленский историк XIX — начала XX века, оставил без внимания предания, легенды и сказания о названии города — а может быть, к его времени они уже действительно были забыты — и поддержал гипотезу, высказанную Н. А. Мурзакевичем. По этой обновленной версии своё имя наш город на Днепре получил от славянского племени — «смолян». Вполне вероятно, что так оно и было или вполне могло быть: в Киеве, как утверждает летопись, жили поляне, в Новгороде — северяне, в Смоленске — смоляне. Город Киев получил своё название в честь предводителя Кия, старшего из трёх братьев. Вполне вероятно, что в Смоленске таким человеком мог быть Смолиг, именем которого и назвали город. Его имя получил и колодец, и речка Смолянка, переименованная в христианскую пору в Егорьевский ручей — в честь Георгия Победоносца. В этом случае не исключена и существующая традиция замены старых названий новыми, а также поиски сходных ситуаций: если Киев основал предводитель рода, то и относительно Смоленска была сделана попытка по аналогии найти своего пассионария.

Однако надо сказать, что версия С. П. Писарева, подтверждённая через сто лет академиком О. Н. Трубачёвым, не объясняет полноценно и однозначно этимологию названия города. «Смоленск» — от «смолян». А «смоляне»? Не от рыжего же кота! В силу этого стремление исследователей дойти до самых «штреков» ни на минуту не покидает истовых энтузиастов, которые определённо нацелены на окончательное, эвристическое решение проблемы. Тот же О. Н. Трубачёв, подтвердив гипотезу С. П. Писарева по расшифровке топонима «Смоленск», продвинулся дальше своего предшественника, умело и талантливо использовав лингвистические методы исследования. Такого рода поисковая работа идёт и по другим каналам — с использованием разных подходов и научных приёмов.

Академик В. Данилов, например, в двухтомной монографии «Арийская империя. Гибель и возрождение», которая вышла в свет первым изданием в 2000-м году, проведя сопоставительный анализ русского языка с санскритским, дал совершенно необычное толкование обозначенному топониму. Санскрит, разумеется, оказал решающее влияние на развитие европейских языков. Еще В. Даль заметил, что если сосчитать иностранные слова в «живом великорусском языке», то почти 50% из них будут санскритские. В расшифровке В. Данилова Смоленск — макушка головы Бога, находящегося «в невидимом теле при любовных играх» [5].

И это не очень ясное определение топонима — не последнее слово в научном объяснении названия города.

Старейший брянский писатель И. В. Абрамов высказал, на наш взгляд, довольно оригинальную гипотезу, объясняющую слово Смоленск. В сути своей она затрагивает наиболее глубокие пласты истории. Писатель решительно отвергает все те предположения, в которых наименования старинных городов исследователи связывают с производственными занятиями его жителей. Конечно, по его словам, очень просто решить, что люди гнали смолу и год, и два, и десяток лет, облюбовали место и поставили город. Или, по другой версии, они сжигали лес, чтобы освободить под посев участки земли, а потом, естественно, основали город и дали ему имя. Вроде бы всё выглядит убедительно, но ведь лес выжигали не только на территории нынешней Смоленщины, а повсеместно, однако существует лишь один город с названием Смоленск.

По гипотезе И. В. Абрамова, Смоленск — как селение, а затем и город — возник в доисторические времена на берегу большого рыбного озера. На языке наших далёких по времени прародителей (антов) слово это звучало как «Су-мо». Это не единственный случай подобного рода: на Украине существует областной город Сумы, в Подмосковье — Мосальск, да и в слове «Москва» видна эта же первоначальная основа. Наименование рек, озёр восходит к очень далеким временам; их отделяет от нас не одно тысячелетие. К большому сожалению, в наше время язык антов совершенно не изучен — ни со стороны его лексического состава, ни с точки зрения грамматического строя.

Топоним «Смоленск» обращает нас к очень древнему периоду славянской цивилизации. Согласно гипотезе академика А. А. Шахматова, когда наши далекие предки получили возможность покинуть так называемое тёплое место в Семиречье (Казахстан), где остановился ледник и где они чувствовали себя крайне стеснёнными, они устремились на запад, вслед за медленно отступавшим ледником. Эти люди называли себя утами или антами. Именно они и дали

свои названия рекам и озёрам. Поэтому совершенно не исключена возможность того, что и топоним «Смоленск» — как название большого рыбного водоема, образовавшегося от таяния льда, — восходит к этому времени. Русская летопись в своей недатированной части утверждает, что город в верховье Днепра существует «исстари», а значит, с незапамятных времён. Киевский профессор XIX века П. В. Голубовский без всякого сомнения утверждал, что Смоленск возник в «доисторические времена» [2]. Произведённые археологические раскопки подтверждают, что на прилегающей к современному Смоленску территории существовала густая сеть поселений каменного, бронзового и железного веков. Древнейшие легенды и сказания — и отечественные, и зарубежные — в какой-то мере воспроизводят изначальный Смоленск.

Самым значительным и значимым произведением в этом плане является былина о Михайле Потоке, принадлежащая к русскому героическому эпосу. По размеру она почти равна «Илиаде». Существует несколько её вариантов, что в фольклоре не считается чем-то необычным, совершенно новым.

Былина затрагивает злободневную проблему противостояния язычества христианству, раскрывает борьбу между ними как наяву, так и в сознании людей. Произведение дошло до нас, очевидно, уже в своей позднейшей редакции и в обработке христианских сказителей и исполнителей.

Илья Муромец, как начальник богатырской заставы, направляет своё богатырское воинство на защиту рубежей Русской земли. Одному из удальцов своих, Михайле Потоку, он поручает покорить «корму тёмную у грязи у чёрной», а «чёрные грязи» — «грязи-то смоленские». Грязи — так в наши дни названо место в районе современного Гнёздова, подтверждающее былинную конкретику и гипотезу о том, что город Смоленск располагался когда-то на этом месте, о чём свидетельствуют археологические раскопки.

Известный археолог Л. В. Алексеев в монографии «Смоленская земля в IX — XIII вв.» пришёл к выводу, что древний Смоленск «нужно видеть в Гнёздовском комплексе курганов; 950 раскопанных курганов в сочетании с раскопками селища и городища должны дать в самое ближайшее время яркую картину одного из древнейших и крупнейших городов Руси — древнего Смоленска на его гнездовской стадии» [1].

«Гнёздовская стадия» обозначена и выделена им, как и другими учёными, в качестве важнейшего звена в движении древнего Смоленска к его современному местоположению.

Если принять во внимание гипотезу И. В. Абрамова о «Сумо»-ленске как о большом рыбном озере, то древнейшая фаза

становления и развития города — Купринская. Восемь групп курганов простираются от Купринского озера вдоль реки Катынки (50 единиц), 88 курганов находится возле деревни Коробино, 33 — у Старого Куприна. Кроме того, надо иметь в виду городище и селище, расположенные севернее заболоченной низины Купринского озера размером 40 на 29 метров, на холме.

Археологи А. И. Лявданский и В. Р. Тарасенко при раскопках городища в 1920-х годах обнаружили остатки валов и рвов, а также много глиняной посуды и других предметов раннего железного века. Раскопки на территории, примыкающей к Купринскому озеру, дали, таким образом, очень ценные экспонаты в виде остаточной керамики и кремневых орудий, что, безусловно, подтверждает существование здесь поселений в доисторические времена. Очевидно, именно в этих местах и следует видеть зачатки города Смоленска.

Что касается его территориального перемещения, то это не такое уж редкое явление в истории. Подобное случилось с древней Рязанью во времена татарщины. С лица исторической карты стирались целые города и веси. Так, например, исчез на Смоленщине город Вержавск, плативший еще в XII веке в казну смоленского князя Ростислава Мстиславича большую дань в тысячу гривен серебром. Смоленск, и в этом его особенность, мог всякий раз восстанавливать себя. Недаром на его гербе изображена небесная птица Гамаюн, сидящая на пушке, способная сжигать себя и возрождаться вновь.

Немецкая «Сага о Тидрике Бернском» — хотя и голосом чужого повествователя, но довольно чётко и правдиво — рассказывает о героической обороне Смоленска в IV веке. Конунги готов и гуннов, Тидрик и Аттила, долго осаждали город. Были у них «большие битвы с горожанами», однако противостоять превосходящим силам врага смоляне не смогли: «Гунны вошли в город <…> перебили много людей и взяли несчётную добычу, почти весь город сровняли с землей» [9]. Народная мудрость гласит: «Нужды не увидишь, и в добре не походишь». Как вещая птица Гамаюн, Смоленск возродился из пепла и снова зажил своей полноценной жизнью.

Сага позволяет углубиться в историю Смоленска до IV века. Выходит, что много веков тому назад город на Днепре был уже многолюден, богат и вёл обширную торговлю: каждая копейка здесь не ребром шла. Овладев им, враги, как сказано в фольклорном произведении, захватили «несчётную добычу», а затем разрушили его до основания. Вполне может быть, что после этой или какой-то другой трагедии смоляне вынуждены были искать более удобные и оптимальные варианты местоположения своего города. По этой

причине из Куприна он мог переместиться в другое место, скажем, в Гнёздово, а из Гнездова — на теперешние «смоленские кручи».

Историки предположительно считают, что Олег в 882 году привёл с собой «воя многи, варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде къ Смоленску с кривичи, и прия град, и посади мужь свои» [8. 132]. Судя по записи, кривичи выступают здесь как завоеватели; Олег посадил их на правление.

До захвата Олегом Смоленск был, очевидно, независимым городом с вечевым управлением. В политическом плане он представлял собой союз отдельных общин или братств. Каждая община посылала в городское вече выборного, «лучшего мужа». Вече, или «обчий суд», упоминается в договоре смолян с немцами и ряде других документов. Как высшая государственная инстанция, вече в Смоленске решало не только военные, но и гражданские вопросы большинством голосов.

Существуют и другие толкования. «Книга Велеса», написанная в дохристианскую пору, повествует о героической борьбе славян (в том числе и смоленских людей) против многочисленных внешних врагов. «И вот приходили варяги к Днепру, и забирали землю нашу, и убивали людей. И земля теперь под сими людьми. „Братья! Не должны мы ныне соглашаться ни на что иное, — только на меч! Отвадьте Рюрика от земель наших, гоните его назад — туда, откуда пришёл“» [3].

И в других летописных источниках Рюрик предстает хитрым, вероломным, коварным, лживым и злым человеком. Недаром его ненавидели даже на родине, не любили ни отец, ни мать, ни братья, добывавшие неустанным трудом хлеб свой насущный. Односельчане также презирали его за то, что он погряз в грабежах, разбоях и насилии, добывая золото и другие богатства мечом и кровью. Под его предводительством разбойничья шайка рыскала по всему северу Руси, грабила торговые караваны, которые шли по великому пути «из варяг в греки». Новгородцы пригласили его ватагу охранять при перевозке товары. Наперёд ведь не узнаешь, где найдёшь, а где потеряешь. Победив новгородского воеводу Вадима в нечестном бою, он затем стал единолично управлять великим вольным городом.

Если варяг Рюрик вызывает неприязнь своими коварными думами и действиями, то его современник Олег Вещий показан как справедливый и честный воитель. Он не варяг, а рус по своему рождению, сын Синеуса из Старой Русы. Когда Рюрик лишился двух своих родных сыновей, погибших в битвах, то усыновил его. Игорь был поздним ребенком и не знал матери, потому что она умерла при родах. И Олег должен был постоянно быть при нём, чтобы

оберегать его, охранять, учить военному ремеслу и воспитывать. Новгородцы, недовольные Рюриком, отказались признать маленького Игоря своим князем, и поэтому он вместе с Олегом отплыл вниз по Днепру. Из деяний князя Олега летописцы отмечают захват им Смоленска, а затем Киева, борьбу против греков и кончину от коня своего.

В историческом романе «Вещий Олег» Б. Васильева приводятся некоторые подробности, не зарегистрированные современной историографией. Один из волоков на пути «из варяг в греки», как повествуется в романе, охраняла вольная ватага под предводительством сына смоленского военачальника Воислава. Смоленщина в то время держала ключевой волок на Днепре, имевший выходы к Западной Двине. Лукавство для него было стихией, в которой он чувствовал себя свободно, а вот хитрость «оставалась неизвестной его простодушной натуре» [2. 304]. Поэтому Хальвард, коварный и властолюбивый воевода князя Игоря, придя в Смоленск с многочисленным посольством, усыпил бдительность Воислава, затем обезоружил его охрану, а самого его препроводил в подземелье. Узнав о его самоуправстве, Олег пришёл в ярость и немедленно восстановил справедливость, вернул Воиславу его земли, так как хотел в предстоящей борьбе с конунгами Аскольдом и Диром, захватившими Киев и обложившими Русь тяжёлой данью, видеть в его лице союзника, а не врага.

Составленная в Смоленске Радзивиловская летопись несколько иначе повествует о захвате города: «В год 882. Выступил в поход Олег, взял с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, кривичей, и пришёл к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нём своих мужей» [10].

Став князем всей Руси после смерти Рюрика, Олег изменился. Он уже стал нарушать данные ранее клятвы: примучил древлян, заставил северян и радимичей платить дань ему, а не хазарам, отчего им, естественно, легче не стало. Это вызвало недовольство среди его верных союзников и помощников, в том числе и смолян.

Посадив в Смоленске «муж свой», преимущественно из кривичей, Олег наделил их властью. С. временем смоляне слились с кривичами, образовав единую этническую группу. После заметного ослабления Полоцка, а затем и Изборска, Смоленск с XV века становится фактическим центром кривичей, о чём не преминула упомянуть летопись. О высоком уровне развития культуры в древней Смоленщине можно судить по Гнёздовской археологической находке: слово «гороуща», начертанное на найденном здесь глиняном горшке докириллическими письменами-рунами, свидетельствует о раннем развитии письменности на Смоленщине. Не лишним будет

сказать, что первым писателем в жанре житийной историографии, которая считается самым древним видом в литературе, был Иаков Мних, выходец из Смоленской земли. Он был создателем ярких художественных произведений о княгине Ольге, о Владимире, крестившем Русь, и о Борисе и Глебе, его сыновьях, рождённых в христианском браке, которые стали первыми святыми русской православной церкви.

«Сказание о Борисе и Глебе» содержит очень важную деталь. В нём речь идёт о Смоленске с его нынешними географическими границами: расположен на семи крутых холмах, окружён глубоким рвом и прочной крепостной стеной, почти недоступен для внешних врагов.

Помимо Иакова Мниха, громко заявили о себе преподобные Исаакий (затворник Печерский) и Прохор, творивший чудеса в самом городе. Всё это были талантливые люди. Они прославили Смоленщину христианской поры.

Библиографический список

1. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. С. 31–32.
2. Васильев Б. Вещий Олег. М.: Вагриус, 2004.
3. Свято-Русские веды. Книга Велеса. М.: Гранд, 2002.
4. Голубовский П. В. История Смоленской земли. До начала XV века. Киев, 1909. С. 46.
5. Данилов Вл. Арийская империя. Гибель и возрождение. Кн. первая. Евангелие от Ариев. М: Воля России, 2000. С. 255.
6. Орловский И. И. Смоленск и его стены. Смоленск: Воля России, 2000. С. 255.
7. Памятники литературы Древней Руси. XV – начало XIII веков. М.: Художественная литература, 1978. С. 38.
8. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 130–132.
9. Сага о Тидрике Бернском // Откуда есть пошла Русская земля. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 621, 625, 627.
10. Радзивиловская лицевая летопись. С. 17.
11. Чудинов В. А. Откуда есть пошла Русская земля: предыстория: этнолингвистические истоки и национальное самосознание как основа самоидентификации / Национальная безопасность России в условиях глобализации. Под общей редакцией Ю. И. Ходуненкова. Смоленск: Смоленская городская типография, 2010. С. 35–36.
12. Шупинский Иосаф. Историческое и географическое описание города Смоленска. Смоленск: Край Смоленский, 1991. С. 6.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ХОЖДЕНИЕ АПОСТОЛА АНДРЕЯ

Один же из этих двоих,
которые после слов Иоанна
(об Иисусе) последовали за Ним,
был Андрей, брат Симона Петра.

Евангелие от Иоанна 40:233

В богословской литературе апостол Андрей считается самым последовательным учеником Иисуса Христа. Он первым принял его учение и привёл к нему своего брата, впоследствии святого апостола Петра. Однако если Пётр трижды отрекался от своего учителя, то Андрей, напротив, прошёл свой тяжкий путь до конца: был распят в Греции, за проповедь Евангелия, по приказу Петра Эгеата на своеобразном кресте в виде буквы Х, получившем название Андреевского [1].

Пропитанная историческим материализмом современная историография давно поставила под сомнение существование апостола Андрея, считая его вымышленным, мистическим библейским персонажем. М. П. Новиков в монографии «Христианизация Киевской Руси: методологический аспект» полагает, что помещённый в «Повести временных лет» рассказ об апостоле Андрее затем оброс подробностями и деталями о чудесах муки, полученной от язычников, удостоивших его «крестной смерти». М. Э. Поснов в «Истории христианской церкви» пишет, что вместо истории об апостольском движении первого века нашей эры «принялись составлять миссионерские легенды, развитие которых продолжалось до XVI века» [2]. Историк XIX века Е. Е. Голубинский считал рассказ об апостоле Андрее «неразумным вымыслом» [3]. Его точку зрения разделяют современные историки И. А. Крывелёв [4] и М. П. Новиков,

считающие легенду об апостоле бездоказательной [5]. Церковная историография и экзегетика, как и другие священные книги, вообще ими не принимаются в расчёт, хотя фактически имеют свою, не менее надёжную, научную ценность.

Имя Андрея впервые упоминает Евангелие. Когда Иисус Христос, как пишет евангелист Марк, «наедине с Петром, Иаковом, Иоанном и Андреем сидели против храма на горе Елеонской, Он сказал им: „Многие придут под именем Моим, утверждая, что это Я, и многие обманут. Из Мены вас будут предавать в судилища, избивать в синагогах, выставлять перед правителями и царями, чтобы они осудили вас“» (Марк 13:6. 9.). «Призвав двенадцать учеников, стал посылать их по двое, дав им власть над нечистыми духами… И сказал им: в какой бы дом ни вошли вы, оставайтесь там до тех пор, пока не решите уйти оттуда» (Марк 6:7, 8, 9). В Евангелии от Иоанна записано, что одним из двоих, кто последовал за Иисусом, «был Андрей, брат Симона Петра из Вифсалды, города, в котором жили Андрей и Пётр (Иоанн 1:44). И ещё запись: «Один из учеников его, Андрей, брат Симеона Петра, говорит ему: „Здесь у одного мальчика есть пять ячменных хлебов и две рыбки, но что для такого множества“. Тогда Иисус взял эти хлебы и, воздав благодарение (Богу), раздал ученикам, а ученики сидящим, каждому вдоволь; так же роздали рыбу» (Иоанн 6:11).

«Исполнившись святого духа», Андрей, по поручению Христа, совершил паломничество на Север. Выйдя из Палестины, он направился на Кавказ. Именно там начиналась послепотопная история человечества. На горе Арарат, согласно библейскому преданию, застрял ковчег праотца Ноя. Экспедиции в горы и снимки с космоса питают версию, будто бы там и поныне сохраняются остатки ковчега. Поэтому не случайно на Кавказ двинулось «колесо Даново» — дикие «чужие» народы тюркского происхождения (мосхи), прародителем которых был шестой (неизвестный) сын Ноя — Дан. Это был свирепый воинственный народ, считавшийся предками хазар, которые в VIII веке основали империю. Хазария включала в себя северный Кавказ, Приазовье, значительную часть Крыма и Приднепровскую степь. Столицей империи был сначала город Семендер в Дагестане, а потом Итиль, расположенный в устье Волги. В конце VIII — начале IX века хазарская знать приняла иудейскую веру как государственную религию. Известный историк Л. Гумилёв в книге «Зигзаг истории» считал Хазарию «государством — химерой», когда «на теле одного народа сидит голова, состоящая из представителей другого народа». По сути, это был государственный переворот с диархической системой управления кагана и бека-царя. Утвердив иудейскую веру, «хазары — по замечанию современного

исследователя, — уподобляясь евреям, стали претендовать на статус избранного народа и были намерены утвердить своё превосходство как мировой силы и абсолютного гегемона в кавказском регионе» [12. 151].

Экспансивные планы хазарской верхушки пресёк киевский князь Святослав. Он разгромил кагана и его войско, захватил Белую Вежу Саркал, столицу Итиль и город Семендер и поставил хазарский каганат перед неминуемой катастрофой. В начале IX века Хазария прекратила своё существование. Всё началось с массовых миграций хазар-иудеев на запад.

В книге «Тринадцатое колено» Артур Кестлер утверждает, что из 13 иудейских колен последнее было хазарским. Этнически оно не связано с 12 другими еврейско-семитскими племенами. В силу этого современное европейское еврейское население имеет хазарское происхождение. В какой бы стране ни оказались эти люди, они всегда стремятся занять важные государственные, финансовые и общественные посты, лелея при этом мечту о реанимации прежней, теперь уже невидимой, Хазарии. Поскольку киевский князь Святослав стёр её с лица земли, то теперь хазарские потомки хотят взять исторический реванш. Их главной мишенью, конечно, является Россия. Победив её, они намереваются утвердить своё превосходство в качестве мировой силы и абсолютного гегемона.

Предвидя это в историческом плане, Иисус Христос и послал своего самого преданного ученика, Андрея, на Кавказ, где возникла видимая, а затем и невидимая Хазария — как главное препятствие на пути спасения человечества. Маршрут Андрея Первозванного был обозначен теми регионами, где впоследствии и развернулась битва за христианскую веру. Он прошёл Кавказ, побережье Чёрного моря, поднялся по Днепру и пошёл на север.

«Повесть временных лет» представляет так этот сюжет: «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришёл и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: „Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божья, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей“. И взошёл на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошёл с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришёл к славянам, где ныне стоит Новгород, и увидел живущих там людей, каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришёл в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: „Удивительное видел

я в славянской земле на пути своём сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем не мучимые, но сами себя мучат. И то совершают омовение себе, а не мученье“».

Те же, услышав об этом, удивились. Андрей же, побыв в Риме, пришёл в Синоп [6].

Путь апостола Андрея по Новгородской земле уточняет другой древнерусский памятник: «Продвигаясь далее на Север, апостол Андрей дошёл до поселений славян на месте будущего Новгорода и у нынешнего села Грузино водрузил свой крест» [7].

Валаамские монахи ссылаются на древнюю рукопись, бывшую в начале XIX века в распоряжении А. И. Сулакадзева, известную как «Оповедь». Она находилась когда-то в библиотеке монастыря. В ней утверждалось с полным убеждением, что «святой Андрей от Иерусалима прошед Голяд, Касог, Родень, Скеф, Скиф и Словен смежными лугами (степями), достиг Смоленска и ополчений Скеф и Словянска Великого и Ладогу оставя, в ладью сев, в бурное вращающееся озеро на Валаам пошёл, крестя повсюду, и поставил по всем местам кресты каменные. Ученики же его Сила, Фирс, Елисей, Лукослав, Иосиф, Косма повсюду сделали ограды, и все посадники доезжали до Словенска и Смоленска, и многие жрецы окрестились и капища Перуна и Велеса разрушили и уничтожили» (26–27).

С. А. Шумов, составитель книги о Валааме, пишет, что пребывание святого апостола Андрея на Валааме подтверждает, кроме «Оповеди», и другой памятник древности — «Вселетник» Киевского митрополита Илариона, лета 1051. В нём говорится: «Ноября 30 святого апостола всехвального Андрея Первозванного и церкви поборника восхвалим: за не, якоже древле тому приити в Киев, Смоленск, Новград, Друзино (Грузино) и Валаамо». Нельзя отказать в достоверности этому свидетельству, которое явилось в дни процветания Валаамской обители, где сведение о сём могло сохраниться разными путями, и явилось из-под пера всероссийского митрополита, к которому Валаам мог иметь иерархическое отношение. Итак, устные и письменные предания Валаама и свидетельство внешнее одинаково утверждают, что Православную веру Христову на Валааме основал святой апостол Андрей [27]. Он и послан был на крайний Север Евразии, на русскую землю, на Валаам, который, по утверждению современного исследователя, «представлял собою в те времена сакральную столицу ведической, православной

Правь, религию» [8]. Волхвы, которых крестил апостол, стали первыми христианскими священниками на Руси. От них идёт, не прерываясь, рукоположение в этот церковный сан. На Руси вполне нормальным вплоть до XVII в. считалось и поклонение Пресвятой Троице, и почитание 12 богов младших. Это воспринималось как две различные ступени единого православия. Оно было разрушено в результате реформы Никона, когда церковные служебные книги были переписаны по византийскому образцу, теперь уже почитание младших богов считалось делом предосудительным для христианина».

Поскольку ряд устных и письменных источников утверждает, что апостол Андрей посетил те места, на которых потом выросли русские города и Валаамский монастырь, то вполне вероятно, что он, держа путь на Север от Киева, не мог пройти мимо тех мест, где уже стоял город Смоленск.

О том, что апостол Андрей был в этих местах, свидетельствуют разные источники: и «Оповедь», и «Вселенник» первого русского митрополита Илариона, создателя гениального литературного памятника «Слова о законе и благодати», и другие источники.

Коллективная память народа сохранила следы пребывания Андрея Первозванного вместе с учениками, проповедовавшими идеи Христа, в пределах Смоленской земли. Так, известно сказание устного поэтического творчества «Об Андрее Призванном». Собиратель фольклора В. Н. Добровольский записал это произведение из уст сказителя в одной из деревень Смоленской области. Легенда уходит в глубокую старину язычества; события в ней происходили до принятия Андреем христианской веры. Повествование в легенде начинается с чуда. Герой ещё в чреве матери прокричал: «Атца забью, на матке женюсь». Его появление на свет осуществилось при чрезвычайных обстоятельствах. Чтобы избавиться от ребёнка, родителя посадили его в пустую бочку и пустили в море, как в известных русских сказках. Но, как и в сказках, ребенок не пропал. Он вырос на чужой стороне и, когда стал совершеннолетним, возвратился в отчий дом. Не узнав его, отец нанял пришельца стеречь сад. Подкараулив хозяина дома, спрятавшись в кроне яблони, он убил отца и занял ложе жены. Ночью она по пупку узнала в нём своего сына и пришла в ужас. Потрясённая содеянным и тем, что сбылась утробная угроза сына, она ушла из дому, скиталась по монастырям, чтобы замолить свой страшный грех кровосмешения. Андрей тоже ушёл в монастырь и усердно днём и ночью молился в келье тридцать лет. Настоятель монастыря отправил его в пожизненное заточение, а ключ от его кельи выбросил в море. Прошло много лет, и в чреве пойманной щуки рыбаки обнаружили ключ

от монашеской кельи, открыли дверь и выпустили отшельника, проведшего в молитвах тридцать лет.

Смысл притчи таков: дьявол «змустил» одного человека, и тот убил отца и женился на матери, как поступали в языческие времена. Видимо, с тех пор и начали люди употреблять скверные ругательные слова, упоминая в брани имя матери; с тех пор пошла гулять по земле эта «распута». И вторая мораль притчи: у каждого человека есть три великих матери: мать родная, мать-сыра земля и мать Богородица [9]. Характерно, что все три морали связаны с именем апостола Андрея, прошедшего тяжкий путь испытания, — от злобного язычника до апостола, единомышленника самого Бога, закончившего свой жизненный путь так, как завершил его учитель, Иисус Христос, то есть на кресте, защищая христианскую веру. Такие внутренние процессы совершились в его сознании при длительном служении Богу; он стал другим человеком.

Второе свидетельство о пребывании апостола Андрея на Смоленской земле — топонимическое: по известному пути «из варяг в греки» только в этом регионе насчитывается 27 старинных сёл с соответствующими, «говорящими» названиями — «Андреевские». В Гнёздове, которое считают началом древнего Смоленска, существует так называемый Андреев луг (по лугу от Киевских гор апостол шёл мимо Смоленска до Новгородских земель). Двигаясь по Днепру на северо-восток, он оставил после себя названия поселений: Андреевка, Андреевское (в бывшем Пореченском уезде Смоленщины). Есть Андреевщина в Кардымовском муниципальном образовании. Оно числится в списках с 1811 года, а с лица земли исчезло в 1943 году, в годы Великой Отечественной войны. Андреевка значится и в Ельнинском уезде, есть и Дорогобужская Андреевка. Особенно густо представлен топоним Андрея в Вяземском, Гжатском (Гагаринском), Сычёвском, Новодугинском районах.

Все эти поселения старинного происхождения есть в перечне сёл и деревень, списки которых составлялись накануне отмены крепостного права в России. Условно они зарегистрированы с 1811 года, хотя существовали значительно ранее.

И ещё одна линия, прочно связывающая апостольское движение первого века со Смоленщиной и с миссионерской деятельностью Андрея Первозванного, — это археологические реликвии о жизни Среднего Приднепровья. Смоленск — самый древний из всех славянских городов; он старше Киева и Новгорода. Что касается Киева, основанного, по легенде, тремя братьями (Кием, Щеком и Хоривом), то известный на Смоленщине исследователь старины И. И. Орловский высказался так по этому поводу: «Об основании Киева древняя летопись приводит народное предание, а

об основании Смоленска к его времени уже и предания были позабыты». Спускавшиеся вниз по Днепру на ладьях варяжские воеводы Аскольд и Дир без особого труда овладели Киевом, но на Смоленск не рискнули напасть, потому что город был «велик и мног людми».

Город на Днепре существует с «доисторических времён», что подтверждают археологические находки. На прилегающей к нему территории в отдалённые времена существовала густая сеть поселений каменного, бронзового и железного веков. Смоленщина насчитывает около 4000 памятников археологии, архитектуры, истории и искусства. Среди них выделяется, прежде всего, могильник Гнёздово — один из значительнейших археологических комплексов в Европе. Смоленск ведёт начало от «русских славян», которых упоминает «Книга Велеса», а может быть, и раньше — от этрусков, прапрародителей наших, основавших в своё время Рим, Венецию, Трою и другие города Средиземноморья. «Эт-руски» и «русские» — слова почти тождественные. Современный исследователь В. А. Чудинов расшифровал надпись на старинном бронзовом зеркале, найденном на месте легендарной Трои. Надпись гласила, что этруски родом из кривичей, которые в глубокой древности населяли Смоленскую землю. Древнейший Смоленск отразился также в глубинных слоях народной памяти, которые шире, чем даже памятники материальной культуры, охватывают жизнь региона, сохраняя её культурные ценности. Из времён язычества до нашего времени дошли легенды и былины о Михайле Потоке и Марии Белой Лебеде, о «корбах тёмных, грязях-то чёрных, смоленских», о беснующихся смоленских девицах, которых герой христианского эпоса Георгий Победоносец превратил в камни. «Сага о Тидрике Бернском», записанная на юге Германии 900 лет тому назад, повествует о нашествии на Смоленск и Полоцк гуннов в первом веке нашей эры.

В Смоленске при раскопках находят римские монеты эпохи Трояна и Марка Аврелия, что свидетельствует о существовании славянских поселений в античную пору. По новейшим данным, Смоленская земля была частью обширной северной территории, называвшейся Белой Русью; в неё входили «не только современная Белоруссия, но также и вся Скандинавия, включая Данию» [125].

Что касается религиозных верований смолян к моменту появления апостола Андрея, то вся огромная Белая Русь проповедовала ведизм, который, в сущности, представлял собой православие, так как прославлял Правь — единство зримого и незримого, где незримым считался Господь Бог. Русские Веды конкретно представляли Даждьбога, сына Сварога, Бога Всевышнего, как затем и христиане Иисуса Христа, считая того Божьим Сыном.

Созданная Андреем Первозванным русская апостольская церковь имела с самого начала свои специфические особенности. Дело в том, что усвоение византийского христианства не было прочно связано с древнерусскими религиозными представлениями, олицетворявшими и обожествлявшими природу и человека в ней. Греческая и русская церкви возникли почти в одно и то же время, благодаря миссионерской деятельности апостола Андрея. После крещения Руси первозванный ученик Христа вернулся в Рим и погиб в Греции, распятый язычниками на кресте.

Поскольку процесс крещения проходил спонтанно, в известной степени это вело к деформации вероучения, включению в его систему элементов национальных традиционных верований. Национальное религиозное начало в православной русской вере, кстати, не отрицал и выдающийся религиозный философ И. А. Ильин [10].

Старые языческие божества трансформировались в сознании людей Древней Руси в христианских святых — с новыми именами, но со старыми функциями. Например, вера в триединого Бога (Великого Триглава) считалась на Руси вполне нормальным и благочестивым явлением вплоть до XVII века. Поклонение Пресвятой Троице, с почитанием двенадцати «младших» богов, рассматривалось в комплексе христианского учения как две разные ступени единого православия. Только с проведением никоновской реформы нарушилось это равновесие. В результате исправления богослужебных книг по греческим образцам почитание «младших» богов стало считаться делом предосудительным. Изменения произошли и в других ритуалах.

С официальным принятием в 988 году христианской веры князем Владимиром русское православие не утратило своего национального колорита, особенно в отправлении церковных обрядов. В значительной мере на них опиралось так называемое двоеверие, на которое указывали первые проповедники христианства, начиная с Луки Жидяты и кончая серьёзными учёными XIX и XX веков. Е. В. Аничков, один из авторитетнейших исследователей этого вопроса, справедливо отмечал, что двоеверие, установившееся на Руси сразу после крещения, не могло быть механическим соединением прежних верований с новыми. Скорее, это был «перенос древних поверий в новые формы» [11]. Уже с XI века проводится работа по русификации славянской Библии, перевод которой с греческого языка на славянский сделали Кирилл и Мефодий. Русская церковь создает Библию русско-славянскую. Это был первый шаг в решении задачи русского православия. «Мстиславово Евангелие», рукопись начала XII века, представляет собой лучший образец раннего этапа осуществления русского христианства. По сравнению

с Библией и Евангелием Кирилла и Мефодия оно содержало уже значительное число русских слов. В XIII – XIV веках церковная литература всё более русифицируется, упрощается с точки зрения языковой формы. В связи с русификацией русско-славянской Библии появляются явные расхождения с греческими оригиналами. В конце XIV века Московский митрополит Алексий пытается снять накопившиеся расхождения и подготавливает Чудовский Новый Завет. Это уже было шагом назад, началом грецизации текста святого писания. В XV веке архиепископ Великого Новгорода Геннадий составляет свод библейских книг, известную Геннадиевскую Библию 1499 года – грецизированную и латинизированную. Далее уже процесс идёт по заданному направлению: появляется Елизаветинская Библия, а в 1580 году выходит на Волыни Острожская Библия.

Около трёхсот лет потребовалось для того, чтобы замести следы апостольской церкви Андрея Первозванного. В XVII веке в её защиту выступил неистовый протопоп Аввакум со своими сторонниками. Произошёл раскол церкви. Однако он не ослабил, а, напротив, усилил её национальную направленность: дважды в году, 30 июня и 30 ноября по старому стилю, она чествует первого из учеников Иисуса Христа, создавшего апостольскую православную русскую церковь на Руси.

Библиографический список

1. Нюстрем Э. Библейский словарь. Торонто, 1985. С. 21.
2. Поснов М. Э. История христианской церкви. Брюссель, 1964. С. 76–77.
3. Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. С. 28.
4. Крывелёв И. А. История религии. М., 1975. Т. 1. С. 334.
5. Новиков М. П. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. М.: МГУ, 1991. С. 108–109.
6. Памятники литературы Древней Руси: литература XI – начала XII веков. М.: ГИХЛ, 1978. С. 27.
7. История Валаама. Солнце Ладоги. М.: Алгоритм, 2005. С. 540. Далее в тексте.
8. Чудинов В. А. Правда о сокровищах Ретры. М.: Альва-Первая, 2006. С. 125. Далее в тексте.
9. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. М., 1891. Т. 1. С. 276.
10. Ильин Иван. Основы христианской культуры // Славяне. Специальный выпуск. М., 1991. С. 26–30.
11. Аничков Е. В. Язычество в Древней Руси. СПб., 1914. С. 302.
12. Грачева Т. Невидимая Хазария. Рязань: Зерно, 2010.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СМОЛЕНСКАЯ АГИОГРАФИЯ

И въ едино время вся земля наша въславе
Христа съ Отцемъ съ святыим Духом.
Тогда начать мрак идольскый от нас
отходити и зори благовериа явишася, тогда
тма бесослуганиа погыбе и слово евангельское
землю нашю осиа, капища розрушаахуся,
и церкви поставляхуся, идоли съкрушаахуся,
и церкви поставляаахуся, идоли съкрушаахуся,
и иконы святыих являхуся, беси пробегааху, крест
грады священаше.

Слово о законе и благодати

Академик Д. С. Лихачёв считал, что после принятия христианства художественная литература на Руси появилась внезапно. Так это или не так, но действительно поражает мощное развитие её видов и жанров в раннее Средневековье. Конечно, до известных ныне литературных памятников, таких как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Повесть временных лет», были и другие, более ранние. К большому сожалению, многие из них не сохранились и утрачены навсегда. В пользу существования у нас дохристианской литературы свидетельствуют «Боянов гимн» (IV век) и «Книга Велеса» (IX век), написанные славянскими рунами на берёзовых или буковых дощечках.

Большой научный интерес представляет мощный пласт литературы христианской поры — агиографической, или житийной. Во-первых, она самая древняя в крещёной Руси. Во-вторых, она полнее других жанров отражает духовную сторону жизни.

Отмечая высокий художественный уровень русской агиографии, надо иметь в виду её богатейшую и разнообразнейшую жанровую палитру. В литературе Древней Руси представлены и страстотерпческие жития, такие как, например, «Сказание и страдание, и похвала святым мученикам Борису и Глебу»; произведения, раскрывающие подавление человеческих страстей («Житие Антония Великого») и литературные памятники о мудрецах городских площадей («Житие Андрея Юродивого»). На Руси существовали биографические, вероисповедные, княжеские жития святых. С нашествием монголов возникли жанры мученических житий, отшельнических: о монахах-пустынниках, каликах перехожих, преподобных. Нет ничего удивительного в том, что этот оригинальный вид словесности получил зелёную улицу: древнерусская литература — это литература глубоко верующих людей. Русь не безмолвна, она красна речами. Ведь хорошо развитая устная речь явилась одной из важнейших предпосылок появления литературы на Руси. С принятием христианства, конечно, пошатнулись ведические традиции существовавшего веками наставничества. Теперь, в крещёной Руси, для воспитания монашеской аскезы возникла острая нужда в специальных книгах, чтобы с их помощью удержать на высоте идеал духа подлинного христианина. Об этом свидетельствует летописец: «Велика бо бывает полза от учения книжнаго». Чтобы влиять на сознание и чувства своих читателей, авторы житийной литературы используют разнообразные принципы отбора материала и его литературной обработки, что характеризует их как своего рода профессионалов высокого класса. Для сбора необходимого материала они опрашивали людей, лично знавших и общавшихся с теми или иными святыми. Так работал в литературе нашей её первопроходец — Иаков Мних, творивший в то переходное время, когда устная «безыскусственная поэзия» соседствовала с исторической памятью народа, что помогло ему определить значимость накопленного опыта, позволила лучше сориентироваться в прошлом и настоящем. Именно этот монах Киево-Печерского монастыря стал одним из первых наших христианских писателей в жанре частной священной историографии, так сказать, её зачинателем и основателем.

К XI веку относится составление другого произведения агиографической русской литературы — «Жития Феодосия Печерского». Автором его был Нестор, о чём он и поведал в «Повести временных лет».

По примеру Киево-Печерской лавры русские монастыри опирались в своей повседневной жизни на Студитский устав. Как настоятель монастыря, Феодосий Печерский строго следил за соблюдением правил монастырской жизни. Если, обходя монашеские

кельи, он находил что-либо лишнее, противоречившее уставу, то приказывал бросать всё это в огонь, а провинившемуся монаху делал пространное внушение нестяжательства. При этом «говорил тихо, смиренно, с мольбою, когда обличал, слёзы текли из глаз его». Во взаимоотношениях монахов более всего поощрялось смирение и покорность.

В монастыре предусматривался обязательный физический труд. Праздность и уклонение от работ наказывались самым строгим образом. Монашеские жития составляли значительную часть агиографической древнерусской литературы, где главной заповедью было, как в известной пословице: «Так жили, что один другого по дыханию узнавали». С жанром княжеских житий связана героическая сторона жизни Руси. Последние представлены житиями князя Владимира и княгини Ольги, Александра Невского и т. п.

Развитие молодой русской церкви проходило в сложной атмосфере. Более двадцати лет шла острая борьба двух начал в ней — византийского и исконно русского. С помощью хитроумных манипуляций Византия пыталась влиять на духовную жизнь Руси. Следует отметить и внутренние противоречия в самой русской церкви. Когда Киев начал терять своё могущество, князь Андрей Боголюбский попытался открыть во Владимире свою митрополию — суверенную, независимую от существующей киевской. В отдельные времена на Руси действовали два и даже три митрополита, что, в общем, значительно ослабляло позиции русской церкви.

С принятием христианства на Руси было открыто пять епархий, потом прибавилось ещё три. А далее Константинополь чинил всяческие препятствия с целью затормозить открытие новых епархий. Дело в том, что только при 10 епископиях можно было избирать своего митрополита. И поэтому всё было направлено на то, чтобы Русь не имела своей самостоятельной церкви. Конечно, предпринимались попытки обойти все эти правила. Уже при Ярославе Мудром митрополит Иларион стал во главе русской церкви без согласия Константинопольского патриарха. Такой случай повторился и в XII веке, когда большинством епископов митрополитом был избран выдающийся политический и религиозный деятель — Климент Смолятич. Из летописи известно, что он был священником в расположенном на берегу Днепра селе Зарубе, которым владела родная сестра смоленского князя Ростислава — Рогнеда.

И Климент Смолятич, и его современник Кирилл Туровский не только аргументированно отстаивали чистоту православной веры, формируя славянскую духовность, но и, опираясь на неё, заложили основы нравственной культуры на Руси. Смысл её они сформулировали в следующих понятиях: не хвались, не жадничай,

не заносись, оставайся до конца воздержан как в большом, так и в малом. Именно к этим требованиям нравственных норм снова и снова возвращаются в своих сочинениях выдающиеся мыслители и религиозные деятели Древней Руси.

Несмотря на известную идентичность суждений митрополита и епископа, каждый из них имел свой особый голос и свой стиль в литературе, выступал в излюбленных жанрах. Митрополит Климент использовал эпистолярные формы, развёртывая их в микрорассказы, демонстрируя своё искусство прозаика в жанре русской экзегетики. Кирилл Туровский выступал преимущественно в литературно-публицистических формах. Можно говорить и о других отличительных особенностях их художественной прозы. Конечно, в их произведениях нетрудно заметить перекличку. Они выступают против аполинариев, представителей религиозного движения того времени, отрицавших в Боге человеческое и, напротив, видевшего в нём только человека до того, как он поднялся в небо. Митрополит гневно полемизирует по этому поводу: «Аполинариево безумство стыдится говорить о совершённом воплощении и вочеловечевании истинного нашего Спасителя, как будто стыдясь видеть это, и считая грехом прилагать это к Христу Спасителю, к тому, который безгрешным пришёл и принял образ раба, и вочеловечился для ослабления греховной силы. Но поскольку „везде там, где Бог, нет греха“, чем же он осквернить ся? Ибо ничего не скверно, кроме греха».

В сочинениях митрополита и епископа, если их рассматривать суммарно, даётся огромный духовный и нравственный заряд восточно-славянской культуре. Здесь определены параметры воспитания и образования подрастающих поколений. Климент Смолятич полагал, что молодёжь должна освоить не только основы православия, но и светские дисциплины. Он настаивал на том, чтобы широко открыть двери храмов для науки и литературы античного мира, чтобы ученики изучали философию Аристотеля и Платона. Об этом он писал Смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу. Об этом же свидетельствуют многочисленные ссылки его на труды мыслителей Древней Эллады.

На тех же позициях стоял и Кирилл Туровский. «Если кто слеп разумом, или хром неверием, или сух отчаянием от многих беззаконий, или расслаблен еретическим учением, — писал он, — всех вода крещения делает здоровыми» [1] . Для него главным было не осквернить душу неверием, не нарушать, не предавать православной христианской веры. «Может же и среди нынешних апостолов быть Иуда, — писал он, — но каждый из вас пусть соблюдет себя: не продадим Божье слово за ложь, не будем воровать, грабить, обижать, зло мыслить против игумена, божиться» [2].

В бессмертных трудах русских святителей бьёт чистый, кристальный родник знания и веры, величия духа и скромности, и качества эти переходят из века в век. Рассматривая жития русских святых как самый древний литературный жанр, выдающийся историк 19 века В. О. Ключевский отметил высокую книжную культуру «Жития преподобного Авраамия Смоленского» — произведения, по его словам, цельного, оригинального и высоко художественного. Смоленская письменность конца XII — начала XIII века торжественное слово о местном святом представила в самом лучшем виде, ни в чём не уступив позднейшим лучшим произведениям этого литературного жанра.

В конце XIX века в библиотеке Авраамиева монастыря в Смоленске была обнаружена рукопись «Сказания о святом мученике Меркурии, чудотворце Смоленском», составленная в начале XVI века монахом Афанасием на основе какой-то более «древней повести», а может быть, и нескольких рукописей.

В этом сказании сгруппированы и обозначены характерные особенности литературных памятников тяжёлых, трагических лет татарского нашествия.

Атрибутом поэтики житийного жанра в произведении являются образы Божьей Матери и так называемого прекрасного воина, архангела Михаила.

Культ иконы Богородицы Одигитрии сложился у смолян ещё со времени постройки Владимиром Мономахом церкви на Соборном дворе в 1111 году и перенесением из Чернигова иконы Божьей Матери, известной под именем Одигитрии Путеводительницы Смоленской.

наличие архетекста воинской повести, которая затем была обработана в агиографическом стиле и предстала как «воинское житие». Такие явления имели место в древнерусской литературе. Примером может служить «Житие Александра Невского», появившееся несколько позднее.

Конечно, между героями этих двух произведений есть и различия. Меркурий, в отличие от Александра Невского, не обладал искусством дипломата, его трудно представить в переговорах в Золотой Орде. Он воин, грезящий о ратных подвигах. Главное для него — защитить свой «богоспасаемый град Смоленск» и всю Русскую землю. В различии психологии главных героев произведений отразилась разная степень освоения темы татарского нашествия в русской литературе.

Если проследить тот тяжёлый путь, который прошло русское общественное сознание от Авраамия Смоленского, человека домонгольской поры, до Сергия Радонежского, человека, по сути,

духовно подготовившего Московскую Русь к свержению татарского ига, то вывод напрашивается один: русский человек, несмотря на труднейшие обстоятельства жизни, выстоял в лихолетье, распрямил свои богатырские плечи и подготовился к решительному бою.

Надо отметить, что у Сергея Радонежского был достойный его помощник, Симон смоленский, который прибыл в его обитель, оставив пост архимандрита в «богоизбранном граде Смоленске», и вместе с ним осуществлял великое дело по врачеванию душ в тяжёлое время татарщины.

Анализ художественных произведений той поры убеждает в том, что русский характер в течение почти ста лет оставался прочным и незыблемым, хотя на его долю за это время выпали тяжкие испытания. Это многообразное единство цементировалось «могучим и свободным» (по словам И. С. Тургенева) русским языком, который дан был «великому народу», и укреплялось художественной литературой, любовью к природе, к своему родному краю. Именно поэтому русский характер не замутился под напором печенегов, хазар, половцев, монголов. Из века в век он оставался чистым, как родниковая струя.

Примером всей своей жизни, недосягаемой высотой интеллекта Сергий Радонежский и Симон смоленский (XIV век) сумели поднять дух народа, пробудили веру в его силы, вдохнули надежду на освобождение. В этом собственно и состоял их подвиг во имя России и её многострадального народа. Не наделённый никакой властью, Сергий Радонежский тем не менее имел огромную духовную власть над людьми. Особенной статью его было воздействовать на души людские убеждающим словом. Скорбящему, униженному и оскорблённому народу своему Сергий Радонежский дал понять, что не погиб он, народ, если в тайниках души его не погасло всё доброе и здоровое. Самим своим появлением среди соотечественников, находившихся во тьме сомнений и сени смертной, он помог заглянуть в их собственный внутренний мрак и увидеть где-то вдали брезжущий свет.

Имя этого «блаженного и преподобного старца» известно сегодня «во всём подлунном мире». Слава его перешагнула через многие века, перешла через все национальные и государственные границы. По решению ЮНЕСКО в 1992 году весь мир чествовал этого великого пассионария XIV века – смиренномудрого и самоотверженного, рачительного собирателя и хранителя русской духовности.

Епифаний Премудрый, писатель конца XIV века, в своём «красно украшенном» житии о нём набрал около двадцати синонимических эпитетов, чтобы прославить его на многие годы, и все равно не добился цели, то есть не использовал всего огромного регистра

его несомненных добродетелей: «старец чюдесный, добродетелями всякими украшенный, тихий, кроткий нрав имевший, смиренный и добронравный, приветливый и благодушный, утешительный, сладкогласный и мягкий, милостивый и целомудренный, благочестивый и нищелюбивый, гостеприимный и миролюбивый...»

Согласно «Житию Сергия Радонежского» великий духовник был родом из Ростова Великого, происходил от честных родителей, знатных бояр, ибо только таким людям Господь дарует соединить в детях добро с добром и лучшее с лучшим.

Сергий — его иноческое имя. В миру святого старца звали Варфоломеем. Родился он и рос при Дмитрии Михайловиче, великом князе Тверском, и при епископе преосвященном Петре, ставшем позднее Митрополитом всея Руси. Уже с детства он отмечен был особой печатью богоизбранничества: во время литургии в местной церкви он трижды прокричал из чрева матери, чем удивил и устрашил прихожан и священнослужителей. От Бога, а не от людей получил он книжное учение. К игравшим детям он не ходил, так как мысленно был всегда сосредоточен на более важных занятиях. Его неотвязчивой и неустанной мечтой было посвятить себя всецело святому делу служения православной веры. Дождавшись своего урочного часа, похоронив с честью родителей, как и обещал им, он навсегда порвал с суетой мирской жизнью и постригся в монахи. А было ему тогда 23 года от роду. Однако, как заметил автор жития, «ему можно было дать больше двадцати лет по внешнему виду, но больше ста лет по остроте разума: ведь хотя он и молод был телом, но стар разумом и совершенен по божественной благодати».

Иноческая жизнь Сергия Радонежского была полна волнений, больших испытаний и острых неожиданностей. Облюбовав глухое место в лесу, он вместе с братом Стефаном построил келью и срубил церковь. Не выдержав суровой, полуголодной жизни, брат вернулся в город, а Сергий продолжал своё затворничество. В полном одиночестве он прожил несколько лет — под ночной вой голодных волков и рёв медведей. Но вот к его скиту стали пробиваться одиночные бродячие монахи. Он принимал их с одним условием: каждый из них должен был построить себе отдельную келью, чтобы в ней жить. Так в Троицком монастыре образовалась иноческая община. После долгих уговоров Сергий согласился стать игуменом. Его наставническая деятельность представляет собой яркую страницу его духовно богатой подвижнической жизни. Не только у себя в монастыре он вёл каждодневную, терпеливую работу по собиранию душ: подготовленные и воспитанные им учёные монахи становились настоятелями в других монастырях, продолжая и приумножая дело своего учителя.

Автор жития уделил много внимания наставничеству Сергия Радонежского, духовному врачеванию святого старца, который, как игумен, учитель и воспитатель молодёжи, кропотливо, с великим терпением возился с каждым отдельным иноком, видя в нём, прежде всего, неповторимую личность со всеми присущими ей особенностями. Никогда он не подавлял её неосторожным прикосновением или грубым словом.

Постоянно заботясь о развитии здорового духа в иноках своей обители, он, завершив молитву, каждый раз по вечерам выходил из своей скромной кельи и обходил все монастырские жилища чернецов, чтобы знать, чем живет и занимается каждый из них, какое проявляет усердие, рвение и стремление к службе. Если во время своего обхода он слышал или видел, что тот или иной инок молился тщательно и усердно Богу, совершал поклоны, или твердил в безмолвии молитву, или святые книги читал, или о грехах своих плакался и сетовал, то за таких своих воспитанников он радовался и мысленно благодарил Бога. Возвратившись в свою келью, он продолжал молиться за них, прося Всевышнего, чтобы тот сподобил их и вдохновил на добрые начинания и полезные дела. Если же при обходе он слышал в келье громкий говор или смех, то сильно печалился. Постучав в дверь или окно, он удалялся грустный и расстроенный. Своим стуком он давал знать недостойным братьям во Христе, что был невольным свидетелем их праздной болтовни и имел смелость таким образом пресечь её. На следующий день он вызывал к себе провинившихся для интимной беседы. При этом он никогда не повышал голоса, беседуя с ними, не кричал и не обличал с яростью, а говорил тихо, достойно, не наказывал под горячую руку за нарушение монастырского устава. Исподволь, «тихо и кротко», как будто притчи рассказывал, беседовал он с ними. И если провинившийся инок покорно выслушивал его наставления с искренним смирением, осознавая свою оплошность, и раскаивался в содеянном, склоняясь перед святым старцем, Сергий Радонежский светлел лицом и прощал его. На этом всё и кончалось. Но были и другие случаи, более драматичные и с тяжёлой развязкой.

Игумену случалось подчас иметь дело с гордецами, непокорными черноризцами, сердца которых были забиты «помрачением бесовским». Но и в этом случае он не обвинял провинившегося, не «распекал», а спокойно и терпеливо объяснял ему его явную ошибку. Если же и такое внушение не имело действия, он накладывал на гордеца епитимию (церковное наказание) и отпускал его, чтобы потом снова пригласить на беседу и выяснить, осознал ли тот свою вину и исправил ли свои ошибки. Публичных разборов и наказаний Сергий Радонежский не терпел и никогда не пользовался

ими, полагая, что они сильно травмируют душу человека, разъединяют его с остальной иноческой братией, разрушают интимность сложившихся в обители отношений.

Несомненные успехи настоятеля Троицкого монастыря объясняются во многом ещё и тем, что он сумел осуществить идею общежительства. Значительную помощь ему оказал в этом деле прибывший из Смоленска архимандрит Симон — человек опытный, мудрый и в вере твёрдый, с которым у преподобного с самого начала установилась большая взаимная дружба.

Особое внимание в монастыре отдавалось повседневному самосовершенствованию монахов, их образованию, церковному пению, живописи, красноречию, проповедничеству, общению с паломниками и т. п. В этом отношении архимандрит Симон стал как бы мозговым центром Троицкой лавры, необходимыми руками и внутренним зрением Сергия Радонежского, который, как видно из жития, во всём доверял ему и в трудных случаях всегда держал с ним совет, особенно если дело касалось вопросов веры. «Подвиг великий, — говаривал он, — должны мы совершить в борьбе с невидимым врагом; ведь он, как лев рыкающий, ходит, стремясь каждого растерзать».

Наставляя монастырскую братию на путь истинный, Сергий Радонежский обычно говорил мало, больше подавая пример своими делами. А жил он скромно, не любил ярких одеяний, пищу принимал самую простую — краюху хлеба чёрного, да кружку сырой воды.

Это был человек огромной духовной мощи и государственного ума, болевший не только за свою монастырскую паству, но и за общерусские дела, княжеские, церковные. Отказавшись от предложения митрополита Алексия принять высший церковный сан, он тем не менее не ушел от важных общерусских дел. Он и здесь явился духовным собирателем русских людей, живо интересовался всем, что происходило в стране. Московский князь Дмитрий Иванович приезжал к нему в обитель для душевных бесед. Именно великий старец «тихими и кроткими словами» вразумил рязанского князя Олега Ивановича не выступать против своих же братьев по крови, против русских людей, выступивших против татар. Князь внял его просьбе. Когда золотоордынский темник Мамай с огромными силами вторгся в пределы русской земли, Олег не принял участия на его стороне в Куликовской битве. Напротив, он предупредил московского князя о выступлении татар, даже сообщил ему маршрут движения и время выступления.

Болея за единую Русь, собирая её духовно, отец Сергий, несмотря на кротость характера, мог, когда было нужно, проявить

и решительность, если видел противозаконные действия со стороны некоторых князей. Когда суздальский князь Борис незаконно отнял у брата Дмитрия Нижний Новгород, Сергий Радонежский велел закрыть в этом городе все церкви, упразднил службы, чтобы вразумить «нахальника». Много и других добрых и благих дел на счету у этого «старца свята». Имея к нему великую веру, Дмитрий Иванович не раз посещал его монастырскую обитель. На духу однажды он спросил у Сергия Радонежского, следует ли ему выступать против Золотой Орды, и получил ответ: «Подобает ти, господине, пещися о врученной от Бога христоименитому стаду. Поиде против безбожных, и Богу помогающу ти, победиши и здрав в свое отечьство с великими похвалами возвратишися».

Когда русские воины увидели несметные силы татарские и засомневались в предстоящей победе, неизвестно откуда появился гонец с грамотой от святого Сергия, гласившей: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не устрашаясь, — обязательно поможет тебе Бог». Кроме святого напутствия и послания, Сергий отправил с князем на битву с татарами двух лучших своих служителей — Пересвета и Ослябю. Единоборством Александра Пересвета с татарским богатырем Челубеем открылась Куликовская битва 1380 года. Этим фактом русская церковь заявила о своём праве на активное участие в борьбе с неверными агарянами. Оба богатыря-инока, посланные Радонежским архимандритом, погибли за Русскую землю.

Преподобный Сергий скончался «в старость глубину пришед» и «чистую свою священную душу с молитвой Господу предал» 25 сентября 1392 года, в возрасте 78 лет. За годы жизни он своими душеполезными словами и делами многих людей научил, как им жить достойно и честно. Других — спас в тяжёлые годы безвременья. Третьих — сплотил для общей борьбы с врагами. И многие души к Богу привёл. Примером всей своей жизни, недосягаемой высотой дум и стремлений своих он поднял дух народа русского, вдохнул в него надежду и веру. В этом собственно и состоял его бессмертный подвиг. Вот почему при имени его — и тогда и теперь — осеняла и осеняет мысль о нашем умственном и нравственном возрождении; вот почему сам Троицкий духовник воспринимается как очень близкий свет издалека.

Из многочисленных учеников и последователей Сергия Радонежского отметить следует Герасима Болдинского, человека XVI века. «Житие преподобного Герасима, Болдинского чудотворца» создавалось разными людьми в разные времена: бывшим игуменом Болдинской обители Антонием, а также Григорием Жюковым, о котором ничего не известно, кроме фамилии и имени, и Болдинским

архимандритом Андреем. Произведение состоит из двух частей: в первой повествуется о самом святом, а во второй — о чудесах, которые случились после его смерти.

В первой части речь идёт о рождении, воспитании и становлении будущего чудотворца, о его родителях, Михаиле и Марии, «быша правиди перед Богом», о посещении церкви. Кроме церкви, богомольный мальчик посещал часто Горицкий монастырь Пресвятой Богородицы в городе Переяславле. Беседы старца Даниила о спасительных истинах православной веры всегда сильно возбуждали воображение подростка, взбудораживали его душу, привлекали глубиной и истинностью.

Двадцать лет прожил Герасим в одной келье с великим старцем, чтившим Сергия Радонежского. Многому научился от него, а главное — укрепился духом настолько, что в любую минуту мог побеждать всяческие соблазны грешного мира. И тем не менее на душе у него не было полного успокоения. Получив от Даниила благословение, он ушёл из Данилова монастыря, странствовал по свету, жил в лесах и глухих дебрях. Так забрёл он в окрестности Дорогобужа, покрытые девственными лесами. Неподалеку от Старой Смоленской дороги, ведущей к Москве, он поставил себе «хижину малу» и стал жить один как перст. Так прошло два года. На исходе их стали ему сниться одни и те же сны — с колокольным звоном монастырской церкви. И он поменял место в поисках колокольного звона. С 1530 года начался новый виток в его отшельнической жизни. На поляне, возле могучего дуба, он поставил себе новую «келейку». Пока строил её, жил под ветвистой кроной зелёного друга, который защищал его от дождей и ветров. На новом месте не всё было гладко. Местные жители не приняли «чужака», обосновавшегося рядом, и обратились к наместнику, требуя его удаления. Без всякого разбирательства его, связанного по рукам и ногам, доставили в город и заключили в тюрьму. Но тут произошло чудо: царский посланец из Москвы, оказавшийся по своим делам в Дорогобуже, увидел «арестанта» и стал перед ним на колени с просьбой благословения. Все присутствующие были поражены. Оказалось, что царский посланец видел святого подвижника в Москве и хорошо знал его учителя, старца Даниила, который, кстати сказать, крестил будущего царя Ивана Грозного. Авторитет Герасима после этого случая неимоверно возрос. Получив разрешение жить и делать что захочет, Герасим решил основать монастырь при речке Болдине и обратился к великому московскому князю за помощью. Получив из казны царской деньги, он приступил к строительству храма во имя «Животворные Троицы» им придел к нему «во имя Преподобного отца нашего Сергия, Радонежского чудотворца».

Новость о монастыре вскоре вышла за пределы Дорогобужского края. В Болдино потянулись люди разных сословий. Герасим подавал всем им пример своим неустанным трудом и длительными, почти непрерывными молитвами.

1 мая 1554 года, в зените иноческой славы, Герасим Болдинский скончался на шестьдесят шестом году жизни, оплакиваемый многочисленными учениками, поклонниками и последователями. Первая часть жития заканчивается словами: «Почил праведный старец, угас светильник Христовой веры, но не угас свет, который он принёс в мир. Этот свет оживил 127 человек братии, оставшейся в Болдинском монастыре по преставлении Преподобного, а потом и остальных учеников св. Герасима — подвижника обители с 16 века до наших дней».

Вторая часть агиографического памятника посвящена описанию чудес. Комментатор их, «Гришка Жюков», представил 24 чуда. В основном они связаны с исцелением недугов и тяжёлых болезней, а также с возвращением временных отщепенцев в лоно православной церкви.

По своему содержанию и стилю первая и вторая части разнятся между собой. Первая составлена в полном соответствии с литературными традициями агиографии: помимо точного указания времени и места рождения святого, упомянуты и соответственно охарактеризованы его родители, подчёркнуто огромное влияние церкви и монашества на формирование мировоззрения и характера главного героя. Традиционна смерть его после окончания молитвы. Заметны некоторые совпадения с житиями о русских монахах-пустынниках, особенно с житием Сергия Радонежского, которому явно подражал Герасим Болдинский. В его честь он основал два монастыря — в Болдине и на реке Жиздре.

Болдинская монашеская братия жила строго по уставу Радонежского монастыря. Сам настоятель считал Герасима своим духовником. Поскольку «Житие о Герасиме, Болдинском чудотворце» создавалось в то время, когда многие иноки этой обители ещё были живы, составитель не мог внести ничего неправдоподобного в своё повествование о великом старце. Он писал только о том, что хорошо знал, что видел, чему был свидетелем. Тон его рассказа всегда спокойный, уравновешенный, без чрезмерных стилистических украшений. Даже чудеса поставлены им на вполне достоверные основания, обрамлены реальными фактами и событиями.

Этого нельзя сказать о второй части жития, отличающейся «красно украшенной» речью повествователя, «цветистостью» стиля, что, однако, не мешает ему объективно дополнять первую часть, представляя таким образом две части как единое целое. В произведении

рассыпано множество намёков на те или иные политические и религиозные события. Они удачно обрамляют деятельность пламенного проповедника учения Христа. В целом это значительно усиливает познавательную сущность произведения как своеобразного памятника эпохи, находящейся в преддверии «смутного времени». Именно благодаря таким ярким светочам, как Болдинский Герасим, Россия выдержала тяжелейшие испытания вражеского нашествия.

«Житие Герасима, Болдинского чудотворца» заметно повлияло на развитие отечественной литературы, поскольку оно уже зарегистрировало те жанровые изменения, которые нашли своё воплощение в «Житии протопопа Аввакума», открывавшем даль русского романа.

«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» по праву принадлежит к выдающимся произведениям древнерусской литературы. С XI по XVII век произошли огромные изменения в жизни, а в связи с ними и в агиографических жанрах нашей литературы. От страстотерпцев Бориса и Глеба до борцов за чистоту русской национальной веры — таков путь, пройденный Русью, а затем и Россией за 700 лет. Первые святые погибли за незыблемость семейных традиций, за идею единства Русской земли. Протопоп Аввакум пал от рук иноверцев, не уступив права иметь свои личные убеждения.

Трансформация житийного жанра в XVII веке связана с так называемым расколом в русской церкви.

В чём суть его?

С X по XVII вв. церковные книги на Руси существовали без изменений, хотя в Болгарии, Сербии и на Украине их уже неоднократно исправляли по новым оригиналам. Реформа церкви диктовалась острой необходимостью централизации русских земель вокруг Москвы. Объединение русских, украинских и белорусских земель, захваченных католиками и мусульманами, нельзя было осуществить, не устранив церковных разногласий. Церковная реформа должна была узаконить и оправдать юридически воссоединение.

Предстоящая реформа должна была повысить авторитет русской церкви в условиях, когда Москва была объявлена «Третьим Римом». Требовалось создать ей славу и величие, равные Риму и Константинополю. В 1652 году умер патриарх Иосиф. Предполагалось, что на смену ему придёт Стефан Вонифатьев, царский духовник, протопоп Благовещенского собора в Кремле. Но он отказался в пользу Никона, привезшего мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву. Митрополит умер в «долгом заточении» по приказу Ивана Грозного. Авторитет Никона, смело решившего доставить останки митрополита в столицу, значительно повысил его авторитет.

Энергичный и властолюбивый Новгородский митрополит, мордвин по национальности, в 1652 году занял пост Патриарха всея Руси. Протопоп Аввакум в это время находился в Москве вместе со Стефаном Вонифатьевым и, видимо, думал видеть именно его на патриаршем месте. Может быть, он и сам тайно мечтал стать во главе русской церкви. Однако этого не случилось: царь Алексей Михайлович предпочел ему Никона.

К чему свелось реформирование православной русской церкви?

Во-первых, были исправлены богослужебные книги по новым греческим оригиналам.

Во-вторых, земные поклоны были заменены на поясные.

В-третьих, двоеперстное крестное знамение было заменено на троеперстное (имелся в виду Бог в трёх лицах: Отец — Сын — Святой Дух).

В существующей научной литературе установилось ошибочное мнение, будто бы церковная реформа свелась лишь к формальным признакам веры. Нет, она затронула кардинальные основы вероисповедания. По этой причине русское общество раскололось почти пополам — на никониан и старообрядцев. Противоречия между ними приняли острый характер, борьба накалилась до предела.

Во главе старообрядцев стал протопоп Аввакум — человек сильной воли и большого таланта, смелый и принципиальный. Двадцать лет он самоотверженно защищал «чистоту» подлинной русской православной веры от посягательств иноверцев-никониан. Стоял до конца. Шло время... Лишился царской поддержки его главный враг, Никон, умер и сам царь Алексей Михайлович, но положение Аввакума нисколько не улучшилось. 14 апреля 1682 года протопоп Аввакум и его три сподвижника были заживо сожжены в земельном струбе в Пустозерске. Прибывший накануне с Величайшим повелением капитан стрелецкого полка И. С. Леушев исполнил свою трагическую миссию, после чего доложил, что Аввакум «в стрепе сожжен и даже до ада низведен, яко дым исчез». Конечно, такой жизни даже бурому волку не пожелаешь.

Так прожил свою жизнь и трагически погиб этот, по словам историка С. М. Соловьёва, «богатырь протопоп», всегда говоривший: «Держу до смерти, яко же прияхъ».

Аввакум Петров (1621—1682) был, конечно, выдающимся деятелем религиозного движения и гениальным писателем XVII века. Он оказал огромное влияние не только на житийную литературу своего времени, но и на другие её жанры. В его сочинениях отразилась эпоха Великой Смуты, насыщенная мятежами, хаотичностью столкновения борющихся сил. Уже на страницах своего лучшего произведения — «Жития, им самим написанного» — Аввакум

вводит нас в атмосферу своего беспокойного и сложного времени, показывает своеволие и беззаконие, творимое местными властями. «У вдовы, — писал он, — начальник дщерь отнял, и аз молих его, да же сиротину возвратить к матери, и он... пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги». Аввакум, как видно, выступал не только как борец за веру, но и как заступник униженных и угнетённых. «На Кострому прибежал, — тревожился он, — ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! Везде от Диавола жития нет».

Судя по рассказу автора, «жития» действительно не было, время настало дьявольское. Беззаконие и своеволие господ соседствовало с внезапными и беспощадными народными бунтами. А тут ещё с Запада распространился «блуд». Аввакуму кажется, что земля сбилась с оси, в одно мгновенье всё сдвинулось со своих мест. И почва заколебалась под ногами. Каждая общественная группа ощутила острую необходимость действовать, громко кричать о себе. Именно эту духовную раскованность, раскрепощённость от всяких пут видел и ощущал на себе протопоп. Такая активность, снизу до верху, представлялась ему великой неразберихой, хаосом, ожесточённой борьбой скрестившихся сил. «Человецы, грешницы, — писал он с отчаянием, — мятутся, яко прузи (саранча), бьются, дерутся, яко пьяни суть».

В происходивших в то время бурных событиях трудно было разобраться: высшие слои общества, особенно старое боярство, всеми силами стремились сохранить своё устойчивое положение, а другая часть общества действовала уже в духе предстоящих Петровских реформ. Среди них находились Фёдор Ртищев, Афанасий Нардин-Нащекин (Ордин-Нащокин ???) и др.

Полная неразбериха царила не только в верхах, но и в низах. Крестьяне и посадский люд тоже пришли в движение. Дух открытой и непримиримой борьбы и здесь, на этом уровне, сочетался с попыткой вернуть патриархальные отношения, возвратиться к тому, что было раньше. Степан Разин выступил с идеей «великого Государя». В рассылаемых повсеместно грамотах он объявлял себя не только преемником царя, но и единомышленником патриарха Никона, который к тому времени был низложен и сослан на Север.

Противоречия и противоречия на каждом шагу. Ими заражена вся тогдашняя «интеллигенция». Сильвестр Медведев, выдающийся поэт XVII века, становится во главе стрелецкого бунта. Григорий Котошихин, образованнейший человек в России, автор сочинения о ней и её людях, был казнён в Швеции за убийство в пьяной драке. Артамон Матвеев, один из основателей придворного театра, учиняет расправу над раскольниками, участвует в пытках.

Во второй половине «бунташного» XVII века проявляется одно из главных качеств переходного времени — сложное переплетение прогрессивного и крайне реакционного, передового и отсталого, перспективного и косного.

Как выдающийся мыслитель своего времени, Аввакум пытался найти золотую середину, чтобы как-то установить благочестие, преодолеть дьявольское брожение умов. Его «беседы», «слова», «обличения», «письма», «послания» наполнены до краев жгучими проблемами дня, полны тревог. Ему кажется, что надвигается конец мира. К этому надо прибавить его личное «долгое заточение». Над ним уже нависла карающая рука смерти. В такой атмосфере венец мученичества за истинную православную веру мерцал в его горящих глазах.

Литературные взгляды Аввакума Петрова в значительной мере определяются его необыкновенно сложным положением. Перед лицом «страшного суда» он не мог лгать пред Богом, не мог притворяться или лукавить. Царю Алексею Михайловичу он пишет из заточения: «Прости, Михалыч-свет, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниж притворяяся, говорю: в темнице мне, яко во гробу, что надобна? Разве смерть! Ей, тако!»

«Ей, не лгу! Невозможно Богу солгать», — такими страстными заверениями наполнены его сочинения. И в этом их особенность. Правда, истинность и правдивость — его главное художественное оружие. «Миленькие мои! Я сижу под спудом — тем засыпан. Несть на мне не нитки, только крест с гайтаном (по Далю «гайтан» — шнурок, тесьма), да в руках чотки, чем от бесов боронюся». Он уже живой мертвец («жив погребен»). Из таких высказываний автора вытекает вторая особенность «огнедышащего», «огнепального» повествования Аввакума, которую сам он сформулировал таким образом: «Дыши тако горящею душою: не оставит тя Бог». Если сказать иначе, попроще: пиши без мудрствований, без украшений, смело пиши, ничего не боясь; «сказывай, небось, лише совесть крепко держи».

Как писатель, Аввакум смело нарушает литературные традиции, господствующий тогда стиль «плетения словес». Для него очень важно не только говорить «правду-матку», но горячо говорить, с «горечью и злостью», с неподдельным чувством.

Отметим и ещё одну важную особенность его повествовательной манеры, выраженной им в словах: «...Ни латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви добродетельны хощет; того ради я и не брегу о красноречии, и не уничижаю своего языка русского». Во всех своих «огнпальных» сочинениях Аввакум выступает как смелый, но очень заботливый реформатор родного языка.

Можно приводить много других примеров страстной, правдивой проповеди писателя, профессионально борющегося за простоту речи. Он считал, что «красноглаголание» губит разум, нарушает смысл речи. Чем проще говорит человек, тем лучше. Только то и бывает добрым, что правдиво и идёт от сердца. «Воды из сердца добывай, — пишет он, — елико мочно и поливай на нозе Иисусове».

В своей творческой деятельности неистовый ревнитель истинной веры всегда следовал первым побуждениям своего горячего сердца. Даже тогда, когда чувства его шли вразрез с церковной традицией. Пересказав своими словами библейскую притчу о богатом человеке и бедном Лазаре, Аввакум отказался называть богатого человека «чадом», как назвал его библейский Авраам. «Че не Авраам, — заявил он, — не стану чадом звать: собака ты... Плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо-то толстое пнул бы ногою».

Таков Аввакум как писатель. Самым значительным его произведением считают житие, которое он сам написал о себе в Пустозерске в 1672—1673 годах, а потом дополнял новыми эпизодами и картинами. Творческая история этого произведения вообще необычна. Не за письменным столом оно создавалось, а в подземелье, в яме, в струбе, наподобие затыненного колодца.

Трудно сказать, писал ли Аввакум стихи, но книжной речью он владел превосходно. Ярослав Смеляков, известный поэт XX века и поклонник Аввакума, сказал о его сочном богатом языке: «Ведь он оставил русской речи и прямоту, и срамоту, язык мятежного предтечи светившийся, как угль во рту». Это гениальное произведение могло появиться как синтезирующий фактор всей предшествующей агиографической литературы, в кругу которой не последнюю роль сыграли и смоленские жития святых, выдающиеся писатели, выходцы из Смоленской земли.

Следует заметить, что первое произведение исторической агиографии создал Иаков Мних, выходец из Смоленской земли. Оно появилось на Руси в связи с первыми русскими святыми, единоутробными братьями Борисом и Глебом, а одно из последних памятников этого типа, «Житие Герасима Болдинского», замыкает эту литературу в её древний период. Между ними расположены промежуточные звенья исключительной художественной яркости и силы, такие как «Житие Авраамия Смоленского» и совершенно необычное по жанру сказание-житие-повесть о Меркурии Смоленском — нечто вроде литературного гиборита, впитавшего и воинскую повесть, и житие, обнаруженное в библиотеке Авраамиева монастыря. В житии фактически получили подтверждение нахождение на Смядыни мощей Бориса и Глеба и некоторые другие совпадения.

Когда в городе приключилось великое бездождие, высыхала земля, сады, нивы и весь земной плод, чего никогда не бывало, все горевали и молились Богу. И сам епископ, блаженный Игнатий, с честным клиросом, богобоязненными игуменами, священниками, дьяконами, монахами и со всем городом (с мужчинами и женщинами, со всеми молодыми людьми) ходил вокруг с Честным Крестом, с иконой Господней, с честными мощами святых и просил Бога с великим умилением и со слезами помиловать людей: «Пусти, Господи, дождь, одожди лицо земли, молимся тебе, Святой». И когда они кончили отпуст, каждый ушёл восвояси, освятив воду Крестом и мощами святых. Насколько богат по содержанию этот литературный памятник в кругу агиографической литературы и как много даёт он для понимания атмосферы тех далёких лет!

Библиографический список

1. Туровский Кирилл. Притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении Божьей заповеди и др. / Златоструй. М., 1990. С. 212 и др. В этой же книге см. «Послание Климента Смолятича». С. 185 и др.
2. Житие Авраамия Смоленского. Преподобный Авраамий Смоленский / Под ред. Е. А. Ситкиной. Смоленск, 2001.
3. Житие протопопа Аввакума. М., 1960.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПАТРИАРХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аще кто послушаеть умна человека, то яко же в день жадания студеные воды напьеться.

Повесть об Акире Премудром

Уже в раннее Средневековье в Смоленщине появляются литературные произведения высокого художественного полёта. Именно отсюда начинает свой творческий разбег самый древний литературный жанр — житийная историография, основоположником которой по праву считают Иакова Мниха, черноризца Киево-Печерского монастыря, выдающегося писателя и церковного деятеля XI века. Основатель этого монастыря, преподобный Феодосий, готовясь к схиме, рекомендовал его на своё место архимандрита, имея в виду его основательную подготовленность в области религиозных знаний и литературный талант. Однако печерская братия не избрала его своим настоятелем, поскольку он прибыл в монастырь из Переяславля. Из-за отсутствия фактических данных трудно установить, где он принял монашество и откуда пришёл в Переяславльский монастырь. Академик И. И. Срезневский (1812—1880) предполагал, что свой иноческий путь он начинал в Смоленске. В любом случае Иаков Мних прекрасно ориентировался в местном смоленском материале, что следует из его «Сказания о Борисе и Глебе».

Существует смоленская редакция литературного памятника, принадлежащая перу Иакова Мниха, расширенная и дополненная за счёт существовавших в народной памяти преданий. Она значительно отличается от редакции Нестора, помещённой в «Повести временных лет» под заглавием «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба». Автор, учёный монах

Киево-Печерского монастыря, не мог, конечно, знать тех подробностей, которые известны были Иакову, поэтому в произведении Нестора они отсутствуют, как отсутствуют и в других редакциях этого сюжета, выполненных на юге Руси.

В смоленской редакции подробно рассказано о начале путешествия муромского князя Глеба Владимировича. Он выехал из Мурома в сопровождении небольшой дружины, на коне и в доспехах. В других списках этой детали нет. Когда конный отряд подъехал к устью реки Тьмы, протекавшей по территории Смоленщины, конь князя запутался в корневищах деревьев, споткнулся и сломал ногу. Князь выпал из седла и сильно ушибся. Верхом на коне он не мог продолжать свой путь. И поэтому его перенесли в ладью, а дружина его стала спускаться вниз по Днепру. И этой подробности нет в других редакциях памятника.

Смоленский автор далее сообщает о том, что ладья князя, миновав Смоленск, причалила к берегу, где горожане обычно ловили рыбу. От города это место находилось на расстоянии «видимости». Если бы автор произведения не был знаком с особенностями местности, он такой детали не коснулся бы, потому что не мог знать о ней. Здесь, в насаде, князя Глеба поджидали подосланные Святополком убийцы. Проплыви он далее по реке, никто и не заметил бы его в этом пустынном месте. Но он, устав в пути, велел причалить к берегу. Как только княжеская ладья прикоснулась к грунту, подосланные Святополком убийцы вскочили в неё, стали бесчинствовать и убивать всех. Так погиб князь Глеб. Князя зарезал столовым ножом по приказу Горясера его собственный повар.

Отметим ещё одну деталь смоленской редакции. Она даёт возможность сделать вывод о происшедшем смятении среди подосланных убийц. В спешном порядке они попытались замести следы своего преступления, стали метаться, не зная, куда спрятать тело убитого князя. Не придумав ничего другого, они бросили его на берегу, накатили сверху две большие колоды и забросали их хворостом. Более года пролежало тело, никем не найденное. Проплывавшие по реке купцы нередко видели ночью зажжённые свечи на том месте, где погиб юный князь. Об этом автор сказания мог узнать, конечно, из устных рассказов очевидцев, поведавших ему о странных «чудесах».

О принадлежности «Сказания о Борисе и Глебе» Иакову Мниху сам он рассказал в «Памяти и похвале князю Владимиру» — литературном памятнике, который публикуется ниже. «Сказание о Борисе и Глебе» во всех его редакциях и вариантах, значительно отличающихся друг от друга, представляет собой оригинальнейшее явление в художественной литературе Древней Руси. И композиция,

и язык, и стилистика, и вся его образная система основываются на принципе резкого контраста.

Силам добра и света противопоставлены силы зла и непробудной тьмы. С одной стороны, перед читателями выступают идеальные люди, братья-мученики, страдальцы за Русскую землю, кристально чистые и правдивые ревнители христианства. С другой — Святополк «окаянный», злодей с душой дьявола, рождённый с отметиной греха («отъ дьвою отцю»). Понимая, что врождённую греховность ему никогда не замолить перед Богом, Святополк поставил главной целью своей жизни сеять повсюду только зло, «перебить всех наследников отца своего».

В отличие от Святополка, не испытывающего никаких угрызений совести, Борису и Глебу были близки муки и страдания людей. Узнав о смерти отца, они глубоко переживали, горько оплакивали его кончину, не стыдясь слёз своих. Автор снимает с них личину княжеского величия, оставляя чисто человеческие качества, коими наделены обычные люди. Борис боится смерти, хотя и знает, что смерть предопределена ему свыше. Здесь звучит мотив «погубления», страстотерпчества, присущий житийной литературе. Борис понимает, что он должен погибнуть в самом расцвете сил, чтобы своей смертью утвердить общерусские идеалы и принципы.

Глеб ведёт себя так же, как и Борис. Особенно трогательна в беззащитности и обречённости сцена его убийства на Смядыни. Рассчитывая на милосердие, юный князь умоляет своих убийц: «Не трогайте меня («Не деите мене»), пощадите, братья и повелители мои, пощадите <…> Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость».

Чтобы воссоздать богатство духовного мира братьев-страстотерпцев, автор приводит множество молитв, диалогов, размышлений. Поэтическую нарядность произведению придают цитаты из сочинений отцов и учителей христианской церкви — Иосифа, Якова, Вениамина и др. Литературный памятник предельно насыщен яркими оборотами русской образной речи. Заканчивается он торжеством добра. Новгородский князь Ярослав Мудрый решительно выступает против братоубийцы, Святополка «окаянного», и побеждает его в жестокой битве на реке Альте. Убийца бежит в ляшские земли и там умирает от полученных ран, в заброшенном месте.

Поразительны некоторые художественные находки автора. Он умело использует зрительные и звуковые образы, активно подготавливающие читателей к восприятию трагических событий произведения. Отпустив дружину, Борис становится на молитву. Молясь

в шатре, он с тревогой думает, что Святополк замыслил погубить его. Сначала это было предчувствие, затем оно растёт в его сознании, укрепляется и переходит в уверенность. И в это время автор даёт портрет своего героя: Борис выглядит бледным, растерянным, поражённым внутренним горем. Он совершенно уверен в том, что Святополк лишит его жизни. Эта его уверенность подкреплена звуковыми и слуховыми образами произведения. Он слышит, как приближаются к шатру убийцы его, посланные Святополком. Тихо переговариваясь между собой, они становятся перед шатром и через шатровое полотно поражают его копьем. В это время он закончил свою молитву.

Своё произведение о братьях-великомучениках Иаков Мних написал почти по горячим следам событий, по крайней мере до 1072 года, а другие произведения — о Владимире, крестителе Руси, и о бабке его, княгине Ольге, — несколько позднее.

«Род праведных благословится, — сказал пророк, — и потомки их благословенны будут», — так начинает автор своё произведение, повествуя о Владимире, самодержце всей Русской земли, просветившем святым крещением всю землю Русскую, который имел 12 сыновей от разных матерей.

Старший среди них — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил злое убийство. Мать его, гречанка, прежде была монахиней, и Ярополк, брат Владимира, прельщённый красотой её лица, расстриг её, взял в жены и зачал от неё этого окаянного Святополка. Владимир, в то время ещё язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Она родила Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был сын. А от Рогнеды Владимир имел четырёх сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. Всех их Владимир посадил по разным землям на княжение.

Святополка он посадил в Пинске, Ярослава — в Новгороде, Бориса — в Ростове, Глеба — в Муроме. Когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира, впал он в тяжкий недуг. В это же время печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них. Призвал он к себе Бориса, блаженного и «скоропослушливого», и, дав под его начало много воинов, послал против печенегов. Отправляясь в поход, Борис сказал отцу: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». Был сын отцу послушный и матерью своею любимый.

Когда Борис возвращался из похода, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца и о том, как Святополк утаил смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело

в ковер, спустил его на верёвках на землю, отвёз на санях и поставил в церкви Святой Богородицы.

Услышал всё это, Борис стал телом слабеть, а все лицо его намокло от слёз. Не в силах он был говорить. «Сердце моё горит, душа мой разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? — думал он. — Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печётся и убийство моё замышляет. Если он кровь мою прольёт и на убийство моё решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: „Бог гордым противится, а смиренным дает благодать“».

Рассуждая так, он про себя подумал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал ради славы и княжения в мире этом отец мой до святого крещения». Из слов Бориса можно заключить, что Святополк оказался некрещёным, поскольку он сравнивается с отцом до того, как тот принял святое крещение.

Возвращаясь в Киев, Борис думал о красоте и молодости своей и, предчувствуя свою скорую гибель, обливался слезами. Хотел сдержаться, но не мог. Все, кто видел его, тоже оплакивали его юность и красоту. И в душе своей он стенал от горести сердечной, охваченный печалью.

Весь облик Бориса выражал уныние, а сердце его было сокрушено печалью, ибо был он правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех жалел и всем помогал. Так помышлял он в сердце своём, говоря: «Знаю, что брата злые люди подстрекают на убийство моё и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то встану я мучеником пред Господом Богом, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв про смертную скорбь, стал утешать он себя словами: «Тот, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретёт и сохранит её в жизни вечной».

Поразительно, насколько плавно и торжественно звучит речь повествователя. Она льётся как ручей, нигде не прерываясь и не останавливаясь. Автор переходит от одного факта к другому. Его рассказ похож на красно украшенную плащаницу, вышитую в одном месте золотом, а в другом — тёмной вязью. От описания душевного состояния Бориса автор переходит к описанию Святополка «окаянного».

Совершив отпевание отца в Киеве, Святополк вызвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю ещё». Однако, как замечает автор, не было правды в его словах. Святополк, тайно придя ночью в Вышгород, призвал к себе Путьшу и вышегородских мужей и сказал им:

«Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Те ответили: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

«Раз вы обещали положить за меня свои головы, — сказал он им, — то идите тайно, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

Борис на пути в Киев раскинул свой стан на Альте-реке. Дружина говорила ему: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же ещё и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с одними телохранителями своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удручённым сердцем вошёл он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но с душой просветлённой. Вспомнил о мучении и страданиях Никиты, Вячеслава и Варвары, убийцей которой был её родной отец.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошёл в шатер свой и стал на вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лёг спать, но сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, тяжёлая и страшная: как претерпеть мучение и страдание, окончить жизнь и веру сохранить, а приуготовленный венец принять из рук Вседержителя. Проснувшись рано, увидел он, что время уже утреннее. А был воскресный день. «Вставай, начинай заутреню», — сказал он своему священнику. Сам же, обувшись и умыв лицо, начал молиться.

Посланные Святополком люди пришли на Альту ночью, подошли близко и услышали голос его, поющего на заутреню Псалтырь. Свыше он получил уже весть о готовящемся убиении его. «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня».

И тут услышал он зловещий шёпот около шатра, затрепетал, потекли слёзы из глаз его. И промолвил Борис: «Слава тебе, Господи, за всё, ибо удостоил меня зависти ради принять любви к заповедям твоим. В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх».

И увидел он людей, устремившихся к шатру, блеск оружия и обнажённые мечи. Без жалости пронзили они тело его. Поразили его копьями окаянные Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Увидев это, отрок его прикрыл собою тело князя, воскликнув при этом: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!» Был же он венгром по имени Георгий. Князь наградил его золотой гривной, был он любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили копьём.

Смертельно раненый Борис выскочил из шатра. И тогда заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав,

завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться Богу». И воззрев на небо со слезами на глазах, горько вздохнув, начал он молиться с такими словами: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига, достойного святых мучеников! Слава тебе, Владыка-человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава тебе, Христос, слава безмерному твоему милосердию, ибо направил ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравняли с овном, уготовленным на убой. Ведь ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же сколько смог воздвиг против меня. „Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой оклеветал меня, — укрылся бы я от него“. Но ты, Господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою».

Воззрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, он промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте то, что поручили вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

Так умер Борис, предав душу свою в руки Бога в двадцать четвёртый день месяца июля. Были перебиты все его телохранители. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули её прочь. Поэтому и не смогли потом опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатёр, положили на телегу и повезли. А когда ехали бором, начал он приподниматься. Увидев это, двое варягов пронзили мечом его сердце. Принесши тело Бориса, положили его в Вышгороде и погребли возле церкви святого Василия.

Святополк не остановился на убийстве Бориса. В душе своей он решил добавить к свершённому беззаконию ещё одно, ведь грех матери его не простится и к праведникам его уже не припишут. И послал он за Глебом, вторым братом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовёт тебя, тяжко болен он».

Глеб немедля собрался, сел на коня и отправился в путь с небольшой дружиной. Когда пришли к Волге, в лесу оступился под ним конь в яме и повредил себе ногу. И не мог Глеб ехать на нём. И тогда его перенесли в ладью. И приплыл Глеб в Смоленск,

отошёл от города недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы, сестры Ярослава, княжившего в Новгороде, о смерти отца. И Ярослав сказал Глебу: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой Борис убит Святополком».

Услышав это, Глеб с плачем и сердечной печалью причитал: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твоё ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой!»

И когда он плакал, орошая слезами землю, появились посланные Святополком злые, безжалостные и лютые братоненавистники. Они встретили его в устье Смядыни. И когда он увидел их, то возрадовался душою и подумал, что приветствовать его хотят. Когда они оказались рядом в ладьях, то начали перескакивать в его ладью с блещущими обнажёнными мечами в руках. И сразу у всех окружавших Глеба людей вёсла из рук выпали, и все они помертвели от страха. Увидев это, князь убедился, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо своё слезами, смирившись в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанёс я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, ещё не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: „Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте“. Я же, братья, и делом и возрастом молод ещё. Это не убийство, но живодёрство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя».

Но ни единое слово не устыдило убийц. Как свирепые звери они напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности

моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И обратился к умершему отцу со слезами: «Отец мой и господин. Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слёз моих, текущих, как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден Ему и предстоишь пред престолом Его».

Затем он взглянул на убийц своих и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в пятый день, в понедельник.

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда — горящие свечи, а порой слышали ангельское пение. И ни единому видевшему и слышавшему это не пришло на ум поискать тело святого, пока брат его, Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать.

Святополк явился со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему, на Альту, и стал в том месте, где был убит Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, Владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, Господи, — да получат отмщение! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов противники сошлись друг с другом. И покрылось поле множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой. И была сеча зла. Трижды вступали в схватку и так бились целый день. Лишь к вечеру победил Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог он сидеть на коне и на носилках несли его. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать. И не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лёжа в бессилии и приподнимаясь, восклицал:

«Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через ляшскую землю, гонимый гневом божьим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей. И тут бесчестно скончался позорной смертью.

Ярослав принял после победы над Святополком всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах братьев, как и где похоронены. О Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. Услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать, в чём дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения. И, придя туда с крестами, свечами многими и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью, а, возвратившись, похоронили его в Вышгороде.

И вот что чудесно, дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба, но осталось невредимым, нетронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

Рассказ об убитых братьях Иаков Мних заканчивает словами: «Не знаю, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарёк бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете своё отечество и помогаете так же, как и великий Дмитрий своему отечеству. Он сказал: „Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру“. Но если великий и милосердый Дмитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печётесь и молитесь, но о всей земле Русской!»

Так заканчивает свою горестную повесть о гибели братьев великий христианский писатель XI века Иаков Мних. Мы пытались передать её близко к тексту подлинника, чтобы сохранить её

первозданность и возвышенный стиль, обнаруживающий в авторе незаурядного писателя.

Иаков Мних проявил свой недюжинный талант и в жанре торжественного красноречия, создав произведения исключительной художественной силы — о Владимире, крестившем Русь, и его бабке княгине Ольге.

Литературный памятник «Память и похвала князю Владимиру» состоит из двух частей, отличающихся по своему содержанию и форме. В первой воздаётся хвала крестителю Руси, во второй воспроизводится конкретный факт крещения.

С гордостью и нескрываемым пиететом автор пишет о торжестве народа русского, который получил из рук Владимира новую веру как благодать. «О сколько радости и веселья было на земле!», — восклицает он.

Вторая часть сочинения художественно воспроизводит обозначенную в заголовке тему памяти. В стилистическом плане она явно отличается от первой своей конкретностью, обилием фактов с их истолкованием.

И первая, и вторая части литературного памятника преследуют одну основополагающую мысль — о «равноапостольстве» князя Владимира. Не случайно уже с первых строк автор вводит образы «святого апостола Павла», затем представлен «блаженный апостол евангелист Лука», к ним подключёны пророк Давид, «треблаженный Осия» и великий Константин как «первый царь христианский». В единой с ними думе Иаков Мних представляет русского князя Владимира Святославича, который выступает не только как креститель Руси. Значение его деятельности расширяется до всемирных масштабов, так как он «верой великой и любовью Божьей подвигнулся, утвердил всю вселенную любовь и верой и святым крещением просветил весь мир, и закон Божий по всей вселенной заповедал».

Созданное Иаковом литературное произведение своеобразно не только по содержанию, но и по жанру и стилю. Первая часть («похвальная») составлена преимущественно из торжественных слов и выражений самого высокого толка. По своей сути она может рассматриваться как предтеча эпидиктического красноречия, достигшего к XII веку заоблачных высот. Произведение изобилует сочными эпитетами, оригинальными сравнениями, часто в нём используются обращения и неоднократные ссылки на библейские сюжеты и другие священные тексты, привлечены яркие исторические аналогии. Для автора всё важно: и события, и люди, и их мысли и чувства.

Эта часть произведения имеет явные выходы к житийным литературным жанрам, набиравшим как раз в это время силы. Высокий

торжественный стиль органически войдёт в эту литературу, сформировав и укрепив её внутренней связью. По её контурам будут составляться церковные псалмы и молитвы, наличие которых станет обязательным для всех агиографических жанров. И в то же время сочинение Иакова Мниха — это и не житие, и не похвала в духе русского торжественного красноречия. «Память и похвала князю Владимиру» находится, по существу, на стыке нескольких жанров древнерусской литературы. Она синкретична. Может быть, именно от этого литературного памятника получат своё развитие основные виды словесного искусства Древней Руси.

От житийной литературы произведение Иакова Мниха отличается полным отсутствием биографии главного героя. В нём не зафиксировано никаких «чудес», которые обычно совершаю святые избранники. Более того, автор резко выступает против них. «Не удивимся, возлюбленные, — пишет он о Владимире, — что чудес не творит по смерти — многие ведь святые праведники не сотворили чудес, но святыми являются». Подкрепляя свою мысль, он всего лишь один раз ссылается на высказывание греческого христианского проповедника Иоанна Златоуста, изрёкшего: «От чего узнаем и разумеем святого человека — от чудес или от дел? И сказал: „От дел узнаем, а не от чудес“ — много ведь и волхвы чудес сотворили бесовским образом. Ведь бывают святые пророки, а бывают лжепророки, слуги и помощники дьявола, бывает и такое чудо, что сам сатана преображается в ангела светлого».

Созданное более девятисот лет тому назад со слов «многих послухов», устных рассказчиков, с опорою, может быть, на какие-то отрывочные письменные сюжеты, это литературное произведение воспроизвело тот чистый колокольный звон, который прозвучал в напряжённой атмосфере, сложившейся на Руси в период острейшей борьбы за идейную самостоятельность русской православной церкви. В наши дни, когда весь мир отметил 2000-летие Иисуса Христа, «Память и похвала князю Владимиру» приобретает особый смысл — это подвиг на ниве святого дела. В литературном плане произведение содержит целый спектр насущных проблем, которые молодая русская литература решала потом веками.

Библиографический список

1. Сказание о Борисе и Глебе. Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М.: Художественная литература, 1978.
2. Иаков Мних. Память и похвала князю русскому Владимиру // Златоструй. Древняя Русь X—XIII веков. М.: Молодая гвардия, 1990.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПИСАТЕЛЬ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Коварен враг, но день взойдёт желанный,
До края мирным солнцем осиян...
Горят на теле Мономаха раны,
Но победитель не считает ран!

Н. Рыленков

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) известен в истории Древней Руси как выдающийся государственный деятель и талантливый писатель. Сохранилось три его произведения: поучение, принадлежащее к памятникам дидактического красноречия, автобиографическая справка и письмо к давнишнему его противнику, Олегу Святославичу, которого автор в «Слове о полку Игореве» назвал «Гориславичем». Судя по автобиографической справке, Мономах дважды княжил в Смоленске. С его именем связано строительство храмов в городе и расцвет духовной культуры. В 1101 году на Соборном дворе он заложил церковь Успения Божьей Матери, ставшую затем кафедральным храмом смоленских епископов. В 1111 году храм был построен и освящён. При освящении церкви из Чернигова привезли икону Божьей Матери, известную теперь под именем Одигитрии Смоленской.

По существующему древнему преданию, эту икону написал святой евангелист Лука. Ею венчали черниговского князя Всеволода Ярославича, отца Мономаха, и греческую царевну — дочь Византийского императора. Икона находилась в Успенском соборе до начала XV века. Когда литовский князь Витовтус захватил Смоленск в 1404 году, смоленский князь Юрий Святославич вывез её в Москву. 110 лет она хранилась в одном из храмов Московского Кремля. И только в XVI веке возвратилась в Смоленск.

Именем Богородицы смоляне клялись мужественно защищать свой город от недругов.

До революции 1917 года икона находилась в Смоленском Успенском соборе. Очевидцы утверждают, что она находилась на своём месте и до Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. В 1943 году, после освобождения города и области от фашистских оккупантов, она исчезла. По некоторым данным, она в наши дни находится за океаном. На её месте в соборе установлена копия XVI века.

Такова полная драматизма судьба иконы Божьей Матери Одигитрии, которую подарил Смоленску Владимир Мономах.

В начале своего поучения он повторяет то, что когда-то внушал ему отец. Это тщательно подобранные цитаты из святых книг: не соревнуйся с лукавыми; не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, а богопослушные будут владеть землей. Далее эта нить рассуждений, созданных по канве тогдашних нравоучений, постепенно вытесняется конкретными размышлениями князя, душой и сердцем болеющего за свою землю и желающего ей всяческого благополучия и процветания. Многие из этих наставлений выходят за рамки своего времени и вполне созвучны другим векам, в том числе и нашему крайне трудному времени. Они проникнуты подлинным гуманизмом и жгучими житейскими проблемами — от сугубо личных до общественно-национальных и всемирно-космических.

Если судить по автобиографии Владимира Мономаха, то с 1077 года он стал княжить в Смоленске, а в 1078 году принял участие в великой битве на Нежатиной Ниве вместе со своим отцом — против Олега Святославича и Бориса Вячеславича. После победы над ними его посадили княжить в Чернигове. Как черниговский князь, он выступал неоднократно против половцев. Был инициатором съезда русских князей в Любече, где была дана клятва не выступать друг против друга, не проливать зазря русскую кровь в междоусобной борьбе.

В 1096 году сын Мономаха, Изяслав Владимирович, захватил Муром, принадлежавший Олегу Святославичу. В битве с ним он погиб. Опечаленный этим трагическим событием, отец послал его убийце примирительное письмо, которое представляет особый научный интерес как с нравственной, так и с чисто художественной стороны.

Сочинения Владимира Мономаха прежде всего определяет высокий уровень развития духовной культуры, достигнутой Древней Русью и Смоленщиной за время, прошедшее после принятия христианства. Оно чрезвычайно насыщенно психологически: его пишет

отец, потерявший сына, с которым не успел проститься. Мономах снимает с себя княжескую личину и предстает просто как скорбящий человек, как отец. Он понимает, что вернуть погибшего в сражении сына уже нельзя, и просит Олега Святославича, виновника его гибели, прислать к нему сноху, захваченную во время войны, которая своим повседневным присутствием помогла бы ему справиться с горем. Одинокую, лишенную свободы, он сравнивает её с горлинкой, олицетворявшей в народном сознании тоску и печаль.

Прощая убийцу, Мономах предстает перед нами как истинный христианин, всецело подчинившийся канонам православной церкви, не допускающий мысли о мщении. Олег Святославич же, если судить по письму, не усвоил морали христианкой веры. Он думает держать у себя молодую пленницу, которую, видимо, предпочёл сделать своей наложницей, как всегда поступали русские князья-язычники.

Владимир Мономах прощает Олегу Святославичу его вероломство и неоправданную жестокость, проявленную по отношению к его сыну Изяславу и его супруге, чтобы отныне прекратить на Руси раздоры и междоусобицы.

Письмо написано автором в духе того времени. По жанру оно напоминает произведения торжественного красноречия, стиль его строго выдержан в форме «желения», своеобразного плача по погибшим: с частыми обращениями к Богу, другим лицам, с монологом и диалогом, что обнаруживает в князе не только проповедника христианского учения, но и выдающегося писателя.

Мы приводим некоторые выписки из поучения и других произведений Владимира Мономаха, чтобы теснее прикоснуться к ним. Для лучшего художественного восприятия и понимания они даются в переводе на современный язык. Мономах советует своим потомкам:

«Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своём и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра». «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь».

«Не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет».

«Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится».

«Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, „очам управлению, языка

воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению“, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех».

«Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо своё любя, бьёт его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею».

«Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трёх дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божью».

«Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слёзы о грехах своих, говоря: „Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй“. И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи, не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то „Господи помилуй“ взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя».

«Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным погубить человека».

«Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души».

«Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придётся крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце своё, на чём можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей».

«Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; всё это, что ты нам дал, не наше, но твоё, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех».

«Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна

или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим».

«На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает».

«Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело».

«Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите».

«Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего».

«Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо».

«Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели».

Эталоном благочестия для Владимира Мономаха был его отец, поэтому в своих наставлениях он пишет, что так поступал всегда его отец «блаженный и все добрые мужи совершенные».

«На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: „Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный“. И еще: „Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою“; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди».

Не менее талантливо написана автобиографическая часть сочинения Владимира Мономаха. Обращаясь к своим будущим читателям, он пишет:

«А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своём, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошёл сквозь землю вятичей: послал меня отец, а сам он пошёл к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошёл к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошёл во Владимир. Той же

зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир. Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глотов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошёл в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошёл к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришёл я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришёл туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигов, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожёг, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали… в Смоленске. В том походе за Всеславом пожёг землю и повоевал её до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды. В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин. На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нём ни челядина, ни скотины. В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку-городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперёд на возах, и мы вошли в город, только семца одного живым захватили да смердов

несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ-город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришёл со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог, пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: „Пусть не похваляются язычники“. И отдал брату отца его стол, а сам пошёл на стол отца своего в Переяславль И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и жёнами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав. И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давидом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы. Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами и ходили мы им навстречу на Сулу. И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошёл я в Ростов… И на зиму в Смоленск пошёл: из Смоленска после Пасхи вышел, и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев. И Боняк пришёл со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошёл к Ростову. Придя из Ростова, вновь пошёл на половцев на Урусобу

со Святополком, и Бог нам помог. И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог. И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог. И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали. И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали. И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его. А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни.

А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких…

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове, а из Чернигова выйдя и до этого года по сту голов уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя. А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками вязал я; в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днём, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал».

Заключая свою исповедь, Владимир пишет: «Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтёт: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлёт. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберёгся, то никто из вас не может повредить себя

или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от неё, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие обережение лучше человеческого».

В письме, направленном Олегу Святославичу, Владимир Мономах также проявил все свои недюжинные способности, обнаруженные и в поучении, и в автобиографии. Его письмо — это синтез того, что было достигнуто им на литературном поприще. Оно настолько впечатляет и трогает за душу, что и современный читатель, которого 900 лет отделяет от тех трагических событий, не сможет остаться равнодушным.

Письмо дышит смирением и упованием на милость Бога, к чему Владимир Мономах призывает и своего противника, черниговского князя Олега, убийцу сына его. «О я, многострадальный и печальный! — пишет он ему. — Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце моё; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою. Ибо кто молвит: „Бога люблю, а брата своего не люблю“, — ложь это. И еще: „Если не простите прегрешений брату, то и вас не простит Отец ваш небесный“. Пророк говорит: „Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие“. „Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе“. Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещённый тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: „Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришёл. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим“. И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: „Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей“».

Далее, как бы мысленно беседуя с сыном, он продолжает свои скорбные слова, ожидая от убийцы ответных слов. «Послушал я сына своего, — сообщает Владимир Мономах, — написал тебе грамоту: примешь ли ты её по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и всё же сам потерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные

и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят <...> Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, моё и твоё, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: „Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слёзы!“

Надо было бы сказать тебе словами Давида: „Знаю, грех мой всегда передо мною“. Не из-за пролития крови, а совершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв её, оплакал мужа её и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти её ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге».

Таким предстает перед нами этот необычный русский князь, радеющий за все дела государственные, великий писатель, стоявший, как и Иаков Мних, не только у основания литературы нашей, но давший ей конструктивное направление, идя по которому она достигла огромных, поистине поднебесных высот. Главный их подвиг состоял в том, что своими яркими произведениями они заложили основы смоленской художественной школы, которая продолжала свой славный путь в культурном и военном строительстве, в просветительской деятельности через отпрысков Мономаха, смоленских Ростиславичей.

Библиографический список

1. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 393–413.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОСНОВАТЕЛЬ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСКОГО РОДА

Нет сомнения, что государь истинно набожный скорее всего может быть отцом народа, если одарён свыше умом и твёрдостию.

Н. М. Карамзин

Н. М. Карамзин посвятил Ростиславу Мстиславичу, великому смоленскому князю, о котором далее пойдёт речь, XIII и XVI главы своей «Истории государства Российского». Он указывает, что киевский «золотой» стол этот князь занимал дважды — в 1154—1155 и 1159—1167 годах. Киевляне с радостью дважды принимали его, потому что он княжил на законных основаниях, после того как его родной брат Изяслав Мстиславич оставил земную юдоль. На посту великого князя он много сил и энергии отдал, чтобы примирить враждующих из-за вотчин русских князей. Это был поистине великий государственный деятель, твёрдо стоявший за единство Руси. Характеризуя его как историческую личность и как человека, Н. М. Карамзин отмечает: «Сей внук Мономахов принадлежал к числу тех редких государей, которые в своём блестящем верховном сане находят более тягости, нежели удовольствия. Он не искал великого княжения, и дважды возведённый на престоле оного, искренне желал отказаться от власти. Любя Печерского игумена Поликарпа, Ростислав имел обыкновение всякую субботу и воскресенье великого поста обедать во дворце с сим благочестивым мужем и с двенадцатью братьями Феодосиевой Обители; беседовал о добродетелях христианских, и часто говорил им о намерении удалиться от суетного мира, чтобы краткую ***мимотекущую***

жизнь посвятить небу в безмолвии монастырском, особенно после кончины Святослава Ольговича; но разумный игумен всегда ему ответствовал: „Князь! Небо требует от тебя иных подвигов; делай правду и блюди землю Русскую“» [II. 183].

Ростислав Мстиславич, по словам историографа, не отличался великими свойствами отца и деда, но любил мир, тишину отечества, справедливость и боялся запятнать себя кровью россиян. Управляя ещё Смоленским княжеством, он неустанно соблюдал правление народного веча. Особенностью его было слияние дружинной княжеской власти с земщиной, принимавшей тогда активное участие во всех религиозных, общественных и политических делах. По этой строгой государственной системе князья пользовались ограниченными правами. Ростислав Мстиславич никогда не ущемлял интересов и прав земщины. Напротив, во всех делах своих княжеских он опирался на неё.

Во время своего княжения в Смоленске он во всём подчинялся формам правления своего отца, Мстислава Владимировича. Даже инициатива борьбы смолян с полоцкими князьями принадлежала не ему, а его отцу, Мстиславу. Особенности личного характера Ростислава Мстиславича и его природная доброта влекли к его творческой и организаторской деятельности многих людей, соприкасавшихся с ним. Во времена его правления культура Смоленского княжества поднялась сразу на несколько ступеней вверх. В своей внутренней политике он сумел объединить и политически, и духовно смоленских кривичей, сделать край обильным и богатым, сильным и независимым от других княжеств. При нём Смоленское княжество добилось самостоятельности от Киева, перестало выплачивать ему дань.

Окружённое со всех сторон другими княжествами, оно по своему географическому положению было избавлено от постоянных войн с инородными племенами. Ростислав упросил митрополита Никиту поставить в Смоленске своего епископа. Им стал Мануил, грек по национальности, прибывший для развития музыкальной культуры на Руси. Церковными делами он занимался и на посту великого князя.

В 1160 году он вызвал из Греции нового митрополита Феодора, который прибыл в Киев и через три года скончался. Отдавая дань достоинствам отстраненного ранее митрополита Климента Смолятича, Ростислав Мстиславич изъявил желание возвратить ему его сан. С этой целью в Константинополь был направлен вельможа Юрий Тусемкович. Но уже на пути в Грецию он встретил нового митрополита, поставленного патриархом без согласия великого киевского князя. Н. М. Карамзин отмечает, что «Ростислав был

весьма недоволен; однако ж, смягчённый дружеским письмом Мануила и дарами, состоящими в бархатах и тканях драгоценных, принял греческого святителя с условием, чтобы впредь император и патриарх не избирали митрополитов России без воли её государей» [II. 186].

Свою принципиальность в решении важнейших вопросов Ростислав Мстиславич проявлял не только в делах церковных. Ещё в 1137 году он произвёл перепись всех находившихся в пользовании смолян земель и угодий, а также городов, погостов, сёл, промыслов, состояние торговли, с тем чтобы на основании собранных данных точнее и равномернее распределить сумму налога, какую могли бы платить ему в княжескую казну. Для этого он собрал в Смоленске вече, состоявшее из представителей всех городов и селений. По результатам решения вече им была написана «Уставная грамота» от 30 сентября 1150 года, данная смоленской епископии.

Смоленский князь также кропотливо и настойчиво занимался собиранием и тиражированием книг, изучением рукописей. В Смоленске и в других городах и селениях в его время появились книгохранилища светской и духовной литературы.

Находясь в Смоленске, князь Ростислав в то же время принимал самое активное участие в сложнейшей борьбе за великое киевское княжение. Наибольшей остроты она достигла именно в его время. Как верный союзник своего старшего брата Изяслава Мстиславича, он вместе с ним воевал против Юрия Долгорукого — ростово-суздальского князя, претендовавшего на киевский «золотой» стол. В это время могущество и сила Ростислава возросли настолько, что в 1147 г. Рязанское княжество добровольно признало вассальную зависимость от смоленского князя. Не случайно после смерти великого киевского князя Изяслава Мстиславича старый Вячеслав, его соправитель в Киеве, призвал смоленского князя на киевский трон, чтобы разделить с ним власть. Но уже в декабре 1154 г. Вячеслав умер, а на Киев заявили свои претензии черниговский князь Изяслав Давыдович и Юрий Владимирович Долгорукий, князь суздальский. Оба они имели больше прав на великое княжение, чем Ростислав. Юрий Долгорукий вышел из Суздаля через Смоленскую землю, и Ростислав должен был покинуть Киев и вывести смоленские полки навстречу ему. До столкновения не дошло, потому что Ростислав признал старшинство своего дяди, чем, конечно, сильно рассердил своего союзника Мстислава, сына Изяслава Мстиславича, который готов был его поддержать. Киев был занят Изяславом Давыдовичем. Однако при приближении Юрия Долгорукова с большими силами Изяслав уступил ему княжение. Отравленный своими же боярами, Юрий умер в 1157 году. И Изяслав вернулся

в Киев на княжение. Однако в 1158 г. против него создаётся целая коалиция из западных князей.

Между тем Ростислав к этому времени стал уже самым сильным князем на Руси: в 1155 году под его покровительство опять отдалась Рязань, в 1156 году к ней присоединился Изяслав вжишский, племянник смоленского князя, затем сын Святослав, княживший в Новгороде Великом. В результате концентрации таких больших военных сил против Изяслава он вынужден был оставить киевский престол. В 1159 году волынский князь Мстислав Изяславич и Ярослав Осмомысл Галицкий призвали княжить в Киев смоленского Ростислава Мстиславича. Однако, чтобы его судьбой не помыкали южные князья и чтобы не дать смолянам, новгородцам и киевлянам повода упрекнуть его в стремлении к самовластию, а также из уважения к народным правам и обычаям, он послал предварительно в Киев двух смоленских земских послов — Ивана Ручечника и Якуна, от новгородцев. Эти послы должны были договориться с киевлянами о том, на каких условиях они приглашают князя в Киев. С выдвинутыми условиями киевлян он после этого согласился.

Период его правления в качестве великого князя (1159—1167 гг.) был спокойным по сравнению с бурными предшествующими годами. Вражда между князьями, конечно, не прекратилась, но Ростислав Мстиславич старался примирить враждующие стороны и предотвратить возникающие конфликты. Если не считать кратковременной попытки Изяслава Давыдовича вернуть Киев, закончившейся 6 марта 1161 года его гибелью, власть Ростислава протекала без существенных потрясений. Он постоянно поддерживал безопасность Киева и следил за порядком во вверенной ему епархии. В 1159 г. он послал войска, чтобы освободить город Олешье в низовьях Днепра, захваченный берладниками. В 1162 г. отразил нашествие половцев на чёрных клобуков, в 1163 г. женил своего сына Рюрика на дочери половецкого хана Белука, восстановив таким образом мир с половцами.

В 1165 году Ростислав Мстиславич присоединил к смоленскому княжеству Витебск, посадив там своего сына Давыда Ростиславича, за что дал в управление витебскому князю Роману два смоленских города. Когда его сын Святослав не поладил с новгородцами, а те выгнали его, он, чтобы разрядить сгустившуюся атмосферу, сам отправился в 1167 году в Новгород на мирные переговоры. Поехал он туда через Торопец, но по дороге занемог и потому послал сказать сыну в Новгород, чтобы тот прибыл в Великие Луки вместе со знатными новгородцами. Встретившись с прибывшими, великий князь упросил послов примириться с его сыном, не разлучаться

с ним до гроба, умоляя их держаться крепкого союза со смолянами как лучшими и надежными их друзьями, а сына Святослава уговорил жить в ладу с новгородцами. Обе стороны скрепили свой союз. Новгородцы поклялись быть верными до гроба, как и просил их Ростислав Мстиславич. На обратном пути, уже в Смоленске, он вдруг почувствовал себя очень плохо, но, желая во что бы то ни стало умереть только в Киеве, продолжил свой обратный путь. Умер он в селе Зарубе, которое принадлежало его сестре Рогнеде. Тело его привезли в Киев и 2 апреля 1167 года похоронили в киевском монастыре Святого Феодора.

Церковь прославила Ростислава Мстиславича как великого князя Руси, как благоверного, честного человека на посту правителя и определила день его памяти — 27 марта. После его смерти остались сыновья: Роман Ростиславич, впоследствии великий князь киевский; Рюрик Ростиславич, великий князь киевский; Святослав Ростиславич, князь новгородский; Давид Ростиславич, князь смоленский; Мстислав Ростиславич Храбрый, князь новгородский. А также дочери: Елена Ростиславна — жена Казимира, короля Польши; Агафья Ростиславна — жена Олега Святославича, князя Новгород-Северска; Аграфена Ростиславна — жена Игоря Глебовича, князя рязанского.

Когда Макарий, митрополит XVI века, составлял «Великие Четьи Минеи», смоленский автор написал литературную похвалу Ростиславу Мстиславичу в стиле торжественного красноречия. Этот памятник находился в Нифонтовском сборнике, а сочинён был в 30—40 годы XVI века в Иосифо-Волоколамском монастыре, во время игуменства Нифонта Кормилицына и при его непосредственном участии.

Долгое время это произведение имело название «О великом князе Мьстиславе Смоленском и о церкви». В начале XIX века для собирателя публичной библиотеки Н. П. Румянцева с него сняли копию. Некоторые учёные XX века считают, что копия не везде правильно воспроизводит основной текст, в ней сделаны некоторые дополнения. Именно по этой копии вплоть до 1973 года судили об общем содержании памятника. Так, в основу его издания, предпринятого в 1909 году смоленским историком И. И. Орловским, лёг не текст Нифонтовского сборника, а копия Румянцевского списка. Текст, опубликованный И. И. Орловским, в 1964 году был перепечатан почти без изменений, только буквенную цифирь М. К. Каргер в монографии «Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.)» заменил арабскими цифрами. Ошибки в копии, по которой ранее судили о тексте повести, заставили исследователя древних рукописей А. Поппэ усомниться в древности самого памятника.

Лишь в 1973–1974 гг. в статьях Т. А. Сумниковой и Я. Н. Щапова был опубликован уже уточнённый текст по Нифонтовскому сборнику и внесена необходимая правка.

По своему жанру запись в Нифонтовском сборнике о Ростиславе Мстиславиче является посмертной похвалой князю. Особенность её, по сравнению с другими памятниками этого жанра, состоит в том, что в ней нет перечисления добродетелей святого князя, которое являлось обязательной чертой этого жанра. В ней был описан лишь один факт из биографии князя: устроение им церкви в Смоленске, учреждение епископии и её денежное содержание, поскольку до этого церкви в Смоленске подчинялись Переяславской епископии.

Ростислав Мстиславич, как сказано в похвальном слове, «боле люди сия и землю просвети». Этого было вполне достаточно для церковного почитания этого смоленского, а затем великого киевского князя. Говоря о нём, сочинитель похвалы не случайно употребил формулу «треблаженный и святой». Он действительно был достоин особой благодати и особого почитания как для современников, так и для последующих поколений. Почтительное отношение к князю Ростиславу действительно имело место в истории Руси. В честь его был назван город на Смоленщине – Рославль. На особое положение Ростислава Мстиславича, по мнению известного исследователя древностей Я. Н. Щапова, указывает также и то, что его имя с точным указанием даты смерти было включено в «Книгу о российских святых», хотя официально он и не был канонизирован церковным собором. Произведение о нём принадлежало к тем кругам, которые были тесно связаны с церковью Богородицы и епископской кафедрой, упомянутыми в тексте. Большой научный интерес представляет запись, заканчивающая его и содержащая сообщение об освящении церкви Богородицы первым епископом города Смоленска «месяца августа 15 день, индикта 13, в лето 6658-е». В ней исследователи видят указание на освящение Успенского собора в Смоленске, заложенного ещё в 1101 г. Числа в этой записи были переданы буквами кириллицы, и при указании года последнее титло покрывало две буквы (И и Е). В связи с этим возник вопрос о том, какую дату считать достоверной: 1147 год, как полагал И. И. Орловский, а вслед за ним М. К. Каргер и другие исследователи, или 1150 год, как считают Т. А. Сумникова и Я. Н. Щапов. В настоящее время принята вторая версия.

Но как бы там ни было, похвальное слово воздаёт должное умершему смоленскому князю как выдающемуся государственному деятелю. Все исследователи этого оригинального литературного памятника отмечали местный характер его содержания. Даже то,

что он в последние годы сидел на «золотом» киевском столе, подавалось автором как награда за его большие заслуги перед Смоленским княжеством. Особый исторический интерес представляет «Уставная грамота» 1150 года – свод законов светской и духовной жизни смолян. Единственный экземпляр этого уникального памятника находится в Швеции. В 1838 году его обнаружил в шведском архиве профессор М. А. Соловьёв, по поручению Археографической комиссии. Видимо, «Уставная грамота» попала туда как часть военной добычи во время походов шведов на Русь.

Уставная грамота определяла границы смоленского княжества, сообщала о доходах и налогах, которые взимались с городов и сёл Смоленщины в княжескую казну. Вызывает интерес тот факт, что общая сумма взимаемых налогов в княжескую казну равнялась 289 гривнам, 13 ногатам и 22 кунам. Для того времени это была значительная сумма.

Библиографический список

1. Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыне и раскопки его развалин // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Вып. 1. С. 211–212, примеч.
2. Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска (XII–XIII вв.). Л., 1964. С. 125.
3. Сумникова Т. А. «Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви» в кругу других смоленских источников XII в. // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973.
4. Щапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КНЯЗЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬ И КНИЖНИК

Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дело.
высоко плаваеши на дело въ буести,
яко соколъ на ветрехъ ширяяся,
хотя птицу въ буестве одолети.

Слово о полку Игореве

Конец XI и начало XII столетия без всяких натяжек можно считать «золотым» веком в истории развития Смоленского княжества. В этот период Смоленская земля достигла своего зенита, заметно собралась и укрепилась в своём государственном и духовном сплочении. Она стала могучей державой в экономическом, политическом и военном отношениях. Потомки Владимира Мономаха, смоленские князья, фактически управляли в то время всей Русью. В одном из древнерусских литературных памятников сказано: «До угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртусов, от буртусов до черемисов, от черемисов до мордвы — то всё с помощью Божьею покорно было христианскому народу, поганые эти страны повиновались великому князю <...> Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали в колыбели. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а угры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за Синем морем». [5. 130].

В таком же крайне выгодном положении Древняя Русь находилась и после смерти Мономаха — при его детях, внуках и правнуках. Так, внук Владимира Мономаха, Ростислав Мстиславич, закладывает основы смоленского княжеского клана, успешно

продолжая политику деда по укреплению и расширению государства Российского. Собранный, дальновидный, умный и деятельный, он вносит много ценного в дальнейшее сплочение Русской земли. При его княжении Смоленск, как уже упоминалось, освобождается от опеки Киева и прекращает выплачивать ему дань. По инициативе смоленского князя в 1137 году учреждается отдельная епископия, что, безусловно, в значительной мере повысило политический и церковный авторитет Смоленска.

Учреждение епископии, конечно же, потребовало подготовки образованных людей. С этой целью были приглашены из-за границы учителя. Князь, безусловно, хотел, чтобы подле него было как можно больше умных, толковых, образованных людей. Сам он живо интересовался разными науками и искусством, обладал великолепным литературным стилем, ведя оживленную переписку с митрополитом Климентом Смолятичем по сложнейшим проблемам философии, теологии и искусства. Судя по всему, он имел обширнейшие знания, если так свободно и на равных мог вести полемику с самим митрополитом, который, по оценке летописи, слыл выдающимся учёным того времени, равного которому не было «от Омера, Аристотеля и Платона».

Ростиславу Мстиславичу принадлежал ряд «Уставных грамот» — своего рода законов светской и духовной жизни. При нём Смоленское княжество стало называться «великим». После его смерти в честь него появилось литературное произведение в стиле торжественного красноречия — «Похвала князю Ростиславу Мстиславичу, князю Смоленскому». В нём было с лихвой воздано должное этому выдающемуся политическому и церковному деятелю, учредившему епископию в своём княжестве, построившему оборонительную стену в городе, заложившему сразу три храма — Петропавловский, Ильинский и Космодемьянский, основавшему город-крепость на реке Вихре в честь отца Мстислава и другие объекты. Даже то, что в последние годы Ростислав Мстиславич пребывал на посту великого киевского князя, преподносилось как награда за его огромные заслуги перед Смоленщиной. Называя его «треблаженным и святым», смоляне горячо любили и глубоко чтили его. Ипатьевская летопись рассказывает, как на пути из Киева, где он держал великий княжеский стол, в Новгород они встречали своего высокочтимого князя за триста вёрст. По свидетельству историка русской церкви Е. Е. Голубинского, имя Ростислава Мстиславича было занесено в Книгу святых, хотя при официальной канонизации на церковном соборе митрополит Макарий не отметил его этим высоким саном, но в Смоленске он всегда был окружён атмосферой всеобщего уважения и почитания.

Ранней весной 1159 года, когда ушёл на великое княжение в Киев, он оставил в Смоленске вместо себя старшего сына Романа. С этого времени начинаются его княжеские переезды из одного города в другой, как это зачастую случалось тогда на Руси. Управляя Смоленским княжеством, Роман старался сохранять традиции, заложенные отцом, блюсти его авторитет. В его годы пребывания у власти Смоленское княжество всеми военными, дипломатическими и всякими другими путями поддерживало Ростислава Мстиславича в Киеве, а он в ответ помогал смоленским князьям в их тяжёлой междоусобной борьбе за власть. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» пишет: «Ростислав, уже престарелый, всего более заботился тогда о судьбе детей своих: несмотря на слабое здоровье, он поехал в область новгородскую, чтобы утвердить сына Святослава на его княжеском престоле. Угощенный затем Олегом в Чечерске, Великий князь имел удовольствие видеть искреннюю любовь смолян, которых послы встретили его верст за 300 от города. Сын Роман, внуки, Епископ Мануил, вместе с народом приветствовали доброго старца: вельможи, купцы, по древнему обыкновению, сносили дары государю. Утомлённый долгим и трудным путем, он не мог ехать далее Великих Лук, и, призвав туда знатнейших Новгородцев, взяв с них клятву забыть прежние неудовольствия на сына его, никогда не искать иного князя, *разлучиться с ним одною смертью».*

Щедро одаренный и успокоенный, Ростислав Мстиславич посетил тогда свою сестру Рогнеду, которая, видя, что он крайне утомлён длительной дорогой, посоветовала ему остаться у нее на Смоленщине, но он отказался. «Нет, — сказал он ей, — я хочу лежать в Киевской обители Святого Феодора, вместе с нашим отцом; а ежели Бог исцелит меня, то постригуся в монастыре Феодосьевом» [II. 184—185]. По данным новгородской летописи великий князь умер в начале 1167 года.

Н. М. Карамзин, опираясь на киевский летописный свод, оспаривает мнение своего предшественника, историка Татищева, считавшего, что князь скончался в Зарубине, селе Рогнедином. Он сказал отцу своему духовному: «Тобе въздати слово о том к Богу, занеже взборони мя от пострижения... И начаша молвити Иванкови Фроловичю, своему постельничьему, взовета ми Симеона Попа, ать створить молитву».

Неудержимую тягу к собиранию Руси, строительству, созиданию, знаниям разных наук и искусств Ростислав Мстиславич передал своим детям. Особенно прославился в этом отношении его старший сын — Роман Ростиславич, князь смоленский, впоследствии великий князь киевский. Впервые он упоминается в Ипатьевской

летописи 1148 года в связи с женитьбой на дочери новгород-северского князя Святослава Ольговича, Марии.

Роман Ростиславич помогал отцу укрепиться на великокняжеском столе, а своему дяде Изяславу — отстоять Киев от Юрия Долгорукого; участвовал в битве на реке Руте, защищая Чернигов. В 1154 г. он получил в княжение Новгород Великий, но вскоре из-за происков Андрея Боголюбского, яростного противника Ростиславичей, потерял его. В 1158 году Роман участвовал в борьбе полоцких князей за власть. В 1159 году он со Святославом Ольговичем выступил против Святослава Владимировича, вщижского князя. Его удачная княжеская одиссея продолжалась в течение ряда лет, с нею связаны частые переезды из одного города в другой, смена мест княжения. Управляя Смоленским и другими княжествами, Роман Ростиславич сохранял и приумножал их богатства и авторитет. Именно в его княжение смоляне поддерживали Ростислава Мстиславича на великокняжеском столе в Киеве и военными, и дипломатическими средствами, а он в ответ всеми силами помогал им. Роман Ростиславич принимал активное участие в той сложной политической ситуации, которая складывалась в то время на Руси. Когда новгородцы не захотели иметь князем его брата Святослава, Роман в союзе с другими князьями вступился за него. Киевская летопись пишет, что Святослав пошёл к Вщижю, а с ним отправились Всеволодич и Рюрик с «кыевским полком», Олег Святославичь и Роман из Смоленска... и на том целова крест Володимеричь к Святославу, «яко имети ему его в отца место».

В 1171 году, после смерти Глеба Юрьевича Киевского, Ростиславичи призвали на великое княжение своего дядю Владимира Мстиславича. Но Андрей Боголюбский послал сказать им: «Вы назвали меня отцом, так я хочу вам добра и даю брату вашему Роману Киев». И Роман по настоянию Андрея приехал в Киев и был принят всеми людьми с радостью. Но мир с северным соседом был непродолжительным. В 1173 году Андрею донесли, что Глеб, брат его, умер в Киеве насильственной смертью, и указали убийц — неких Григория Хотовича, Степанца и Олексу Святославича. Андрей потребовал от Романа их выдачи. Однако Роман не послушался его. Тогда Андрей послал сказать ему: «Не ходишь в моей воле с братьями своими, так ступай вон из Киева». Роман не стал противиться и уехал в Смоленск [II. 364].

Конечно, сильный, могучий и воинственный Андрей Боголюбский, будучи великим князем Ростово-Суздальской земли, сам всегда имел виды на «золотой» киевский стол. Однако на этот раз он отказался от своей многолетней затеи и вынужден был вторично уступить его Роману Ростиславичу, считая, что умерший отец его,

Ростислав Мстиславич, занимал это почетное место в течение многих лет. Он уступил Киев ему ещё и потому, что этот князь не имел склонности участвовать в интригах междоусобной борьбы, не подвел никого, не изменял и не навредил никому. Поэтому, по словам летописца, Роман Ростиславич въехал в Киев «при изъявлениях всеобщей радости жителей, любивших в нём добродетели отца его, справедливость и незлобие».

Когда Андрей Боголюбский в ультимативной форме потребовал прислать во Владимир киевских бояр, Роман не выполнил его требования «из жалости к людям невинным», и тот пришёл в бешенство. «Тихий» Роман, чтобы не вызывать дальнейшего гнева его, не стал с ним спорить и возвратился тогда на княжение в Смоленск, хотя явно видел, что владимиро-суздальский князь преследовал цель унизить его [II. 364].

В 1175 году, после смерти Андрея, Роман вновь воссел на престоле в Киеве. Прежний князь, Ярослав Изяславич, уступил ему великое княжение без боя. Но не так сговорчив был другой старый князь — Святослав Всеволодович Черниговский, также имевший права на Киев по родовым счетам. Он только ждал повода вмешаться. В 1177 году половцы напали на Русь, взяли шесть берендеевских городов и нанесли поражение русским у Ростова. Такое случилось по вине Давыда Ростиславича, затеявшего ссору с братьями и помешавшего общему успеху. Святослав поспешил воспользоваться бедою Ростиславичей и послал сказать Роману, что не ждёт от него ничего, но на Руси существует такое правило: если князь провинился, то платит волостью. «Давыд, — сказал он, — виноват, отними у него волость». Роман не послушался. Тогда черниговские князья перешли Днепр и захватили Треполь. Роман оставил Киев и ушёл в Белгород. Святослав сел в Киеве, но ненадолго. На помощь братьям явился Мстислав Ростиславич из Смоленска. Святослав испугался и ушёл за Днепр. Несмотря на это, Ростиславичи почли за лучшее уступить всё-таки Киев Святославу.

Роман, как видно, не был воинственным князем. Не желая губить русичей и проливать христианскую кровь, по словам летописца, он отдал Киев Святославу, а сам возвратился назад в Смоленск. Продолжая внедрение христианства среди окрестного языческого населения, он совершил ряд военных походов на соседей. В. Т. Татищев рассказывает, что в 1173 году он «ходил с войском на Литву, где великое разорение учинил, жилисча их пожег и множество народа пленил, которые не смея противу его в собрании биться, бегали по лесам и болотам укрываяся. Он же, возвратяся, роздал пленников по селам в работы, повеле на них пахать,

от чего пословица хранится: „Зле, Романе, робишь, что литвином орешь“» [5. 98].

После смоленского княжения Роман Ростиславич ещё раз посидел на «золотом» киевском столе и опять уступил его, не желая военных осложнений, поскольку был известен «более мирными, кроткими свойствами, нежели воинским духом». Летописцы сказывают также, что он имел наружность «величественную и редкое милосердие; терпел от граждан смоленских многие досады и мстил им только благодеяниями <...> славился набожностью». При нём «в граде Смоленске» была построена церковь Святого Иоанна Крестителя, которую он распорядился украсить золотом и финифтью. Она стоит и до сих пор, украшая город своим гордым видом.

А. И. Мусин-Пушкин, А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский, первые издатели «Слова о полку Игореве», считали, что именно к смоленскому князю Роману, наряду с другими русскими властителями, обращает своё призывное слово о сплочении русских сил автор гениального литературного памятника. Комментируя его, они пишут в примечании: «Великий князь Роман, сын великого князя Ростислава Мстиславича. Сей Князь въ 1173 году, въ продолжение войны своей против Литвы, такой страх и опустошение распространил тамо, что никто не смел противостать ему. Литовцы, бегая от него, укрывались въ лесахъ» [3. 31].

Некоторые современные исследователи придерживаются иной точки зрения. Академик Д. С. Лихачёв, например, полагал, что персонаж «Слова о полку Игореве» «буй-Романе» — не смоленский, а волынский князь. И не Ростиславич, а Мстиславич. «Из Романов, современников автора „Слова“, — пишет он, — только Роман Мстиславич ходил на все эти народы. Именно для его войска было характерно и латинское вооружение» [3. 445]. Используя материалы византийской и французской хроник, академик перечисляет походы волынского князя Романа в Западную Европу. Французская хроника XIII века пишет о смерти этого выдающегося русского князя, которого в Европе называли «королем Руси», а на его родине — «самодержцем». «Желая пройти через Польшу и Саксонию <...> по воле Божьей убит двумя братьями, князьями польскими Лешком и Конрадом, на реке Висле» [3. 169].

Конечно, такого активного и воинственного князя не мог обойти вниманием автор «Слова о полку Игореве». Однако вызывает недоумение, что накануне событий, раскрытых в «Слове», русская летопись упорно молчит о волынском князе Романе Мстиславиче. В число сильнейших русских князей он выдвигается лишь после событий, связанных с Игоревым походом. Именно после 1185 года Роман вершит судьбами других русских князей: в 1189 году

он захватывает Галич, в 1195 году заключает союз с Ольговичами против Рюрика Ростиславича, в 1196 году начинает войну против него, в 2001 году захватывает Киев, а в 2003 году «Роман, озлобясь на Рюрика, тестя своего, взяв его, послал в Киев и постриг» [5. 169]. Именно на эти годы попадают походы Романа Мстиславича против Литвы и Польши. Он посылает богатые дары в Силезию. Папа Римский обещает провозгласить его русским королём.

В «Слове о полку Игореве» Роман выступает вместе с братом Мстиславом, хотя родного брата с таким именем у него не было. Д. С. Лихачёв на этот счёт замечает: «Кто таков этот Мстислав, по всему судя, близкий Роману, деливший с ним победы, — не ясно» [3. 445]. А вот у Романа Ростиславича был родной брат Мстислав, с которым он делил и свои победы, и горечь поражений. Он известен в летописи под именем Храбрый.

Вопрос о братьях, отмеченных в «Слове о полку Игореве», остаётся, таким образом, открытым. Согласно сообщению летописи, оба они умерли в 1180 году, следовательно до событий «Слова о полку Игореве». Роман Ростиславич умер в Смоленске, хотя год его смерти остается загадкой: нельзя представить, чтобы оба брата, Роман и Мстислав, умерли в один и тот же год.

Пожалуй, редко кто из русских князей удостаивался такой высокой похвалы, как Роман Ростиславич. В. Н. Татищев, со ссылкой на Воронцовский список летописи, утверждает, что, когда князь умер, «положили его в церкви святые Богородицы, и был по нем плач великий от всей смоляны» [5. 101].

Летопись сообщает и ещё одну очень важную деталь, характеризующую этого князя с необычной стороны. Она утверждает, что Роман Ростиславич «был вельми учен всяких наук» [5. 101]. Часто своих братьев он учил уму-разуму «и к учению младших людей понуждал, устроя на то училисче, и учителей греков и латинистов своею казною содержал, и не хотел иметь свясченников не ученых. И так на оное имение свое истосчил, что на погребение его принуждены были смольяне сребро и куны давать по изволению каждого. И как народом все его любили, то собрали такое множество, что более было, нежели в год князю приходило» [4. 123—124].

В данном случае исключительную важность приобретает сообщение о существовании школ в Смоленске, в которые привлекались дети не только высших сословий, но и отпрыски купцов и служилых людей. Упоминая о Романе, автор «Слова о полку Игореве» подчеркнул не только воинские доблести князя, но и его ум, а также склонность к просветительской деятельности: «Храбрая мысль носит ваш ум на дело».

В данном случае внимание древнерусского книжника сосредоточено на индивидуальной характеристике русского князя — книжника, умного, начитанного, который «вельми учен всяких наук». Нет ничего удивительного в том, что, обращаясь к русским князьям с призывом отомстить «за раны Игоревы», в числе живых был назван и Роман Ростиславич, который прославил Русскую землю своими великими подвигами, что не остыли ещё в памяти народной. Это было связано с особым представлением средневекового художника о мире и человеке. Для него существовали «вечные» явления в высоком смысле слова. Явления, отмеченные своим «соприкосновением к мирам иным», «неумирающим», по сравнению с явлениями «низкой жизни». Обращение к умершим как к живым можно встретить и в художественных произведениях других древнерусских писателей. В данном же случае летописная и художественная медиевистика обратила внимание на смоленского князя Романа Ростиславича, подчеркнув, наряду с военными и государственными делами, его просветительскую деятельность, что было тогда нередким явлением на Руси [1].

Библиографический список

1. Из рода Ростиславичей Смоленских. Роман княжил в Смоленске с 1160 по 1172 и с 1177 по 1180 гг. Однако в промежутках между этими годами он правил как великий князь —с 1171 по 1173 и с 1175 по 1177 гг. В Новгороде Великом княжил два года — 1178 и 1179.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2, 3.
3. Слово о полку Игореве. М.: Наука, 1950.
4. Слово о погибели Русской земли. Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М.: Художественная литература, 1978.
5. Татищев В. Н. История Российская. М.—Л.: Наука, 1964 Т. 3.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. КНЯЗЬ МСТИСЛАВ ХРАБРЫЙ

Тии бо бесъ щитов с засапожникы кликомъ полкы побеждаютъ, звонячи прадеднюю славу.

Слово о полку Игореве

Мстислав Ростиславич вошёл в историю Древней Руси под именем Храброго. Один из сыновей основателя смоленского княжеского рода Ростислава Мстиславича, он назван был в честь деда своего, Мстислава Владимировича, сына Мономаха, княжение которого, по свидетельству Н. М. Карамзина, «к несчастью кратковременное, прославилось разными успехами воинскими, которыми он желал единственно успокоить государство и восстановить древнее величие оного» [II. 104]. Исполняя волю отца, он потребовал, чтобы каждый из князей «довольствовался своим уделом». В Воскресенской летописи рассказано ещё об одном подвиге этого князя: «Мстислав послал вои своя, и загнав половцы не токмо за Дон, но и за Волгу» [1. 269]. Такой князь умел хранить порядок в государстве. Умер он в 56 лет, но если бы дожил до лет отца своего, Владимира Мономаха, то мог бы утвердить спокойствие в стране на долгое время. Именно в честь его сын, смоленский князь Ростислав Мстиславич, заложил и построил город на реке Вихре. В память об отце Ростислав Мстиславич и сына своего назвал в его честь.

Мстислав Ростиславич выдвинулся на первые роли в борьбе с владимиро-суздальским князем Андреем Боголюбским за киевский «золотой» стол. Надеясь на силу и многочисленное войско, великий князь Северной Руси, еле сдерживая гнев, призвал мечника своего Михна и наказал ему: «Поезжай к Ростиславичам и скажи им: не ходите в моей воле, так ступай же ты, Рюрик, в Смоленск

к брату, в свою отчину; Давыду скажи: ты ступай в Берлад, в Русской земле не велю тебе быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле».

Летописец обращает внимание на характерную особенность нрава Мстислава, который смолоду не боялся никого, кроме одного Бога. Он велел послу Андрея Боголюбского остричь голову и бороду и отослал его назад с такими словами: «Ступай к своему князю и скажи от нас ему: мы до сих пор почитали тебя, как отца, по любви, но если ты прислал к нам с такими речами не как к князю, но как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а Бог нас рассудит».

Слово «подручник», в противоположность слову «князь», было выпущено на волю, озвучено. Южные князья увидели в этом перемену в обхождении с ними северного князя-самовластца. Они поняли, что великий князь желает разрушить прежние родственные отношения старшего к младшим и заменить их новыми, что он не хочет более довольствоваться только тем, чтоб младшие имели его как отца по любви, но хочет, чтобы они отныне исполняли его приказания как подданные, «подручные».

Когда Андрей услышал ответ Мстислава и увидел бритого посла своего, то «опал в лице» и велел собирать войско. Собрались ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, новгородцы и рязанцы — всего более пятидесяти тысяч человек. Во главе этого сборного войска Андрей поставил сына Юрия с воеводой Борисом Жидиславичем, наказав им: «Рюрика и Давыда выгоните из моей отчины, а Мстислава схватите и, не делая ему ничего, приведите ко мне».

Летописец отмечает, что во всех делах князь Андрей был умён, дальновиден и доблестен, но на этот раз погубил дело невоздержанием и, распалившись гневом, наговорил лишних слов. Когда его войско проходило мимо Смоленска, то княживший там Роман Ростиславич вынужден был отправить с ним полк и своего сына на родных братьев, потому что был в зависимом положении от Андрея Боголюбского. Вместе со смолянами выступили князья полоцкие, туровские, пинские и городенские. В Чернигове к ним должны были присоединиться Ольговичи, затем Юрьевичи, Михаил и Всеволод, племянники их Мстислав и Ярополк Ростиславичи, Владимир Глебович из Переяславля, берендеи. Всех князей явилось больше двадцати. Они форсировали Днепр и вошли в Киев беспрепятственно, потому что Ростиславичи не стали его защищать, разъехавшись каждый в свои вотчины: Рюрик — в Белгород, Мстислав с полком брата Давыда затворились в Вышгороде, а сам Давыд выехал в Галич, чтобы просить помощи у князя Ярослава, о котором

автор «Слова о полку Игореве» сказал такие слова: «Высоко седеши на своем златокованом столе, подпъръ горы угорскые своими железными пълкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дуная ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут, отворяеши Кыеву врата, стреляеши съ отня злата стола салътаны за землями».

Командовал союзными князьями, собранными Андреем Боголюбским, Святослав Всеволодович, черниговский князь. Он отрядил к Вышгороду Всеволода Юрьевича с князем северским Игорем Святославичем и другими младшими князьями. Когда они подошли к Вышгороду, то Мстислав Ростиславич вывел и выстроил свои полки и стал напротив. Обе стороны жаждали боя, стрельцы уже вступили в дело. Войско Андрея Боголюбского встало единым строем. Мстислав, видя, что его стрельцы смешались уже с неприятелем, закричал дружине: «Братья! Ударим с Божиею помощию и святых мучеников Бориса и Глеба». Они смяли средний полк и смешались с врагами, окружившими со всех сторон малочисленную дружину Мстислава. По словам летописца, началось страшное смятение: слышались стоны, крики и какие-то странные голоса, раздавался треск копий, звук мечей, в густой пыли нельзя было различить ни конного, ни пешего. Наконец, после сильной схватки, войска разошлись. Много было раненых, зато мёртвых не много. После этой битвы подступили к Вышгороду все остальные силы союзников. Каждый день делались приступы. Мстислав ежедневно терял своих воинов убитыми и ранеными, но не думал сдавать город. Девять недель мужественно держался Вышгород.

Но вот князь луцкий Ярослав Изяславич, искавший великого киевского стола и не найдя поддержки у Андрея Боголюбского, вступил в переговоры с Ростиславичами. Они уступили ему Киев. Тогда он отправился к Рюрику Ростиславичу в Белгород. Узнав об этом, осаждавшая Вышгород союзная рать пришла в смятение. Раздавались голоса, что Ростиславичи непременно соединятся с галичанами и чёрными клобуками и нападут на них. Не дождавшись рассвета, они стали спешно ночью переправляться через Днепр. При этом много людей утонуло. Мстислав, увидев повальное бегство врагов своих, выехал с дружиною из города и ударил неприятелей, взял много пленных.

Так возвратилась восвояси огромная сила князя суздальского. Летописец говорит, что собрал он все земли, а войску его не было числа. Ходили они против Ростиславичей с высокомыслием, но «со смирением отошли в домы свои». Причину такого неожиданного успеха Ростиславичей летописец объясняет тем, что огромная рать пришла в надежде на верный успех и с первого же раза

увидала, что успех этот должен быть куплен большим трудом. Уже одно это обстоятельство должно было привести к упадку духа войско осаждавших. Из последующих событий вытекает и ещё один вывод летописца: северное народонаселение вовсе не отличалось воинственным духом. Те же смоленские полки бились поневоле, нехотя. Видно, что и новгородцы сражались с небольшой охотой, равно как и князья полоцкие, туровские, пинские, городенские, которым было всё равно, кто победит — Андрей Боголюбский ли или Ростиславичи. Юрьевичи тоже не могли усердно сражаться в угоду брату, с которым вовсе не были в дружеских отношениях, особенно когда видели, что двое князей — черниговский и волынский — спорят, кому должен достаться Киев. Видимо, Андрей обещал Киев Святославу черниговскому, а может быть, не обещал никому. Словом, ни один из князей не знал, кто воспользуется победою суздальского князя над Ростиславичами, на кого из них северный самовластец бросит благосклонный взгляд. Ясно, что такое незнание заметно ослабило усердие князей. Когда же они увидели, что волынский князь перешёл на сторону Ростиславичей и может с Рюриком ударить со стороны Белгорода, Мстислав может выйти из Вышгорода, Давыд явиться с галицкою помощью, а чёрные клобуки перейти на сторону Ростиславичей, то ужас напал на сборную Андрееву рать — и она бросилась бежать за Днепр.

Ростиславичи после победы исполнили своё обещание. Они согласились на старшинство Ярослава и отдали ему Киев, хотя он недолго сидел спокойно на киевском столе: черниговский князь Святослав Всеволодович прислал сказать ему: «Вспомни прежний наш уговор, на чём ты мне целовал крест; ты мне говорил: если я сяду в Киеве, то я тебя наделю, если же ты сядешь в Киеве, то ты меня надели; теперь ты сел — право ли, криво ли — надели же меня». Ярослав ответил ему: «Зачем тебе наша отчина? Тебе эта сторона не надобна». Святослав прислал опять сказать ему на это: «Я не венгерец и не лях, мы все одного деда внуки, и сколько тебе до него, столько же и мне; если не хочешь исполнять старого договора, то твоя воля».

В то время как Ростиславичи отстаивали родовые отношения между старшим князем и младшими, луцкий князь Ярослав не захотел вспоминать прежних старинных уговоров и решился по примеру отца и дяди сам попытаться силою овладеть Киевом. Время было благоприятное: Андрей Боголюбский утратил своё влияние на Южную Русь. Ростиславичи силою обстоятельств вынуждены были признать старшинство Ярослава. Но тут внезапно явился черниговский князь Святослав с братьями и стал под Киевом. Ярослав, боясь остаться в городе один, побежал в Луцк. Святослав

въехал в Киев, захватил все его имение: жену, сына, всю дружину — и отослал в Чернигов. Но и он не мог долго оставаться на «золотом» киевском столе, потому что двоюродный брат его, Олег Святославич, напал на Черниговскую волость, желая, как видно, быть здесь преемником Святослава.

В это время Ростиславичи примирились с Андреем Боголюбским. Они, вероятно, знали, как неодобрительно смотрел он на то, что Киев достался опять враждебным ему Изяславичам. И послали к нему с просьбою, чтобы помог опять овладеть Киевом Роману, против которого не питал вражды, потому что его полк выступал при осаде Вышгорода на стороне Андрея. И Роман Ростиславич снова сел на княжеский стол в Киеве.

Новгородцы пригласили на княжение известного воинской доблестью его родного брата Мстислава, «столь знаменитого мужеством, что ему в целой России не было имени кроме *Храброго*». Он колебался, ответствуя их послам, что не может расстаться ни с верными братьями, ни с южной своею отчизною. Однако братья и дружина сказали Мстиславу: «Новгород есть также твоё отечество». И сей бодрый князь поехал искать славы на ином «феатре», ибо душа его, как пишут современники, занималась одними великими делами [II. 383].

Летописец рассказывает, что весь Новгород — чиновники, бояре и духовенство с крестами — вышел к нему навстречу. Мстислав, возведённый на престол в Софийской церкви, пообещал ревностно блюсти честь и пользу Новгорода. И слово своё сдержал. Когда эстонцы в 1176 году дерзнули осаждать союзный Новгороду Псков и не переставали беспокоить границы «вольного Новгорода», Мстислав за несколько дней собрал двадцать тысяч воинов, выступил против врагов и разогнал их. В 1180 году он опустошил их земли до самого моря, добыв множество скота и пленников. На обратном пути он усмирил мятежных чиновников в Пскове. Готовился он и к другим предприятиям. В частности, он объявил о том, что намерен возвратить урон, нанесённый в 1066 году прадедом Всеслава, полоцкого князя, ограбившим тогда Софийскую церковь. Как ревностный витязь новгородской чести, Мстислав вздумал взять с него мзду, хотя тот был его зятем. Он уже шёл к Полоцку, когда Роман, его брат, урезонил его, сказав, что супруг его сестры не должен отвечать за своего прадеда, давно истлевшего в гробу, и что обиды древних не достойно ни христианина, ни благоразумного князя. И Мстислав возвратился из Великих Лук, приняв совет брата. Но новгородцам и дружине своей он обещал навсегда усмирить Ливонию, видя в лице немецких рыцарей-крестоносцев потенциальных врагов православной Руси.

Опираясь на летописные источники, Н. М. Карамзин воссоздаёт кончину Мстислава Ростиславича. Он пишет, что «среди блестящих надежд пылкого славолюбия и в силе мужества сраженный внезапною болезнию, он увидел суету гордости человеческой, и жив героем, хотел умереть христианином: велел нести себя в церковь, причастился Святых Таин после литургии, и закрыл глаза навеки в объятиях неутешной супруги и дружины, поручив детей, в особенности юного Владимира, своим братьям» [II. 383].

Завершая свой рассказ об умершем князе, историограф отмечает, что бояре и граждане проявили трогательную чувствительность, оплакивая всеми любимого Мстислава Храброго, величая его красоту мужественную, победы, великодушные намерения для славы их отечества и младенческое добродушие, соединенное с пылкою гордостью сердца благородного. Сей князь, по свидетельству современников, был украшением века и России. Другие воевали для корысти, а он воевал только для славы. Презирая опасности, ещё более он презирал золото, отдавая всю добычу церкви или воинам, коих всегда ободрял в битвах словами: «За нас Бог и правда; умрем же ныне или завтра, умрем же с честию». «Не было такой земли в России, — говорит летописец, — которая не хотела бы ему повиноваться и где бы об нём не плакали». По словам Н. М. Карамзина, народная любовь к сему князю была столь велика, что граждане Смоленска в 1175 году единогласно объявили его, в отсутствие Романа, своим государем, изгнав Ярополка Романовича. Однако Мстислав согласился властвовать над ними единственно для того, чтобы усмирить их и возвратить престол старшему брату. Новгородцы погребли Мстислава в гробнице Владимира Ярославича, строителя Софийской церкви.

Таким предстаёт со страниц летописи этот выдающийся русский князь, горячий патриот, выходец их Смоленской земли, воплотивший в своём лице истинно национальный русский характер.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ОТВАЖНЫЙ ОТПРЫСК МОНОМАХА

Истягну умъ крепостью своею
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплънився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половецькую
за землю Руськую

Слово о полку Игореве

Создатель гениального «Слова о полку Игореве», свивая «обе полы времени», «починает <...> повесть сию отъ стараго Владимира», имея в виду всесильного князя Владимира Мономаха. Объединив и сплотив Древнюю Русь своего времени, он основал могучее государство и стал предтечей многочисленного знаменитого рода Мономаховичей, успешно управлявших державой более двухсот лет.

Внук его, Ростислав Мстиславич, стал родоначальником исконных смоленских князей, которые управляли, как и сам он, вотчинами не только в Смоленске, но и в Киеве, сидя на его «золотом столе», и в других городах.

Самым отважным из сыновей Ростислава был Рюрик, младший из пяти братьев Ростиславичей, праправнук «старого Владимира». Именно его и брата его Давыда автор «Слова» назвал «не худого гнезда шестокрыльцами», призвав их персонально встать на защиту Русской земли в 1185 году после неудачного, провального похода против половцев новгород-северского князя Игоря Святославича:

Ты, буй Рюриче и Давыде!
Не ваю ли вои
злачеными шеломами по крови плаваша?

Не ваю ли храбрая дружина
рыкают, акы тури,
ранены саблями каленами
на поле незнаеме?
Вступита, господина, въ злата стремень
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буего Святъславича! [22].

Князь Рюрик Ростиславич неслучайно появился на страницах великого произведения русского Средневековья. Он и в самом деле был исключительно чуток в вопросах защиты Русской земли. Об этом свидетельствуют многие старые летописцы. Если обратиться только к одному Ипатьевскому летописному своду, то можно увидеть, как имя этого князя постоянно мелькает на его страницах: «Рюрик со смольяны шёл против Ярославича к Турову вместе с Изяславом»; Рюрика отец отпустил с князем Рогволодом воевать против Ростислава минского; Рюрик вместе со Святославом Всеволодовичем выступил против Изяслава и т. д.

Осуждая междоусобицы и братоубийственные войны, «Слово» ведёт в данном случае речь о князе, который боролся против всех этих язв и бед. Поэтому, вероятно, автор удостоил Рюрика высшей похвалы, назвав его «буем». В основу его взволнованной речи легли заслуги князя не только в сплочении отечественных сил, но и в борьбе против внешних врагов, прежде всего половцев.

Если взглянуть на факты с этой стороны, то можно воочию заметить, что влияние этого умного, деятельного и дальновидного князя на общественно-политическую жизнь всей страны весьма значительно. Не случайно в той же Ипатьевской летописи имя его упоминается на 40 страницах.

В 1159 г. отец Ростислав Мстиславич посылает его на помощь князю полоцкому Рогволоду. В том же году он вместе черниговским князем Святославом воюет против Изяслава Давидовича и половцев. В следующем, 1160 году, он во главе киевского полка вместе с другими князьями направляется к Белгороду против Изяслава. Затем мы видим его в Каневе, охраняющего русские торговые караваны от нападения половцев.

После смерти отца в 1163 году Рюрик вместе с другими князьями посадил на киевский престол Мстислава Изяславича, хотя каждый из Ростиславичей мог претендовать на великое княжение. Но тогда всё совершалось без споров и взаимных обид. Однако уже после вокняжения Мстислава недоброжелатели донесли, будто

бы Рюрик с братом Давыдом имеют целью «взятии <…> волость у Мстислава по своей воле». Хитрый и умный Рюрик отвёл тогда от себя этот наговор. Он заключил с Мстиславом мирный договор, предусмотрев справедливое решение спорных вопросов о киевских волостях. По приглашению великого князя он принял участие в походе против половцев. Однако отношения между князьями постепенно заметно ухудшились: Давид, брат Рюрика, ещё при вступлении Мстислава на великое княжение получил донесение от киевских бояр, Петра и Нестора Бориславичей, о намерении великого князя схватить Рюрика и Давида на званном обеде и убить. Братья Ростиславичи, получив эту информацию, решили не идти на пир к великому князю. Объяснив ему причину отказа, они потребовали, чтобы он дал клятву, что не будет замышлять против них зла. Мстислав изъявил готовность целовать крест согласно их желанию, но потребовал выдать клеветника, на что Ростиславичи не дали согласия. Хотя это крестоцелование состоялось, «обаче сердце их не бе право» по отношению к великому князю, которому братья Ростиславичи не доверяли. Но главной причиной раздора между князьями, по всей вероятности, всё же оказался Новгород Великий: новгородцы прогнали Романа, брата Рюрика и Давыда, и намеревались призвать кого-то из сыновей Мстислава.

Недобрые отношения между Ростиславичами и великим князем Мстиславом обострились, когда Рюрик узнал о приближении к Киеву владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского. Он отрядил Давида захватить в пути Михаила Георгиевича, посланного Мстиславом к сыну в Новгород, а сам вышел с ратью из Овруча на соединение с Боголюбским. Вместе с ним он участвовал во взятии Киева. Историк XIX века Н. И. Костомаров утверждает, что Киев был взят 12 марта, в среду, на второй неделе поста 1169 года. Город был разграблен и сожжён. «Не было пощады ни старым, ни малым, ни полу, ни возрасту, ни церквам, ни монастырям, — пишет он. — Зажгли даже Печерский монастырь. Вывезли из Киева не только частное имущество, но иконы, ризы, колокола <…> Андрей достиг своей цели. Древний Киев потерял свое вековое старейшинство» [Кост. 111].

Судя по летописи, Рюрик участвовал и в других походах Андрея Боголюбского. Изгнав Мстислава из Киева, суздальский князь в союзе с Рюриком подступил к Новгороду. В награду за оказанную помощь он получил там княжение. Туда он и отправился в 1173 году, передав свою волость брату Давыду. Впрочем, он не долго пробыл там, так как за короткое время успел перессориться с новгородцами. После ухода Рюрика из Новгорода его союзник и покровитель Андрей Боголюбский послал туда княжить

своего сына, что послужило причиной испортившихся отношений между ними. Тогда же великий князь владимиро-суздальский стал «вины покладывати» на братьев Ростиславичей. Романа Ростиславича, которого он только что посадил на «золотой» стол, лишил потом без всяких объяснений киевского княжения. А вскоре распорядился о высылке вообще всех остальных братьев из пределов Южной Руси.

Рюрик резко заявил тогда против такого несправедливого и коварного решения, но его протест остался без ответа. Тогда он в союзе с братьями своими захватил Киев и занял великокняжеский стол. Он осаждает Торческ, где заперся великий князь киевский, и вынудил его пойти на мировую, получив от него взамен Переяславльское княжество и Киевскую волость.

Узнав об этой сделке, Андрей Боголюбский приказал Рюрику покинуть пределы Южной Руси и отбыть к брату в Смоленск. Бороться с великим северным князем, имевшим в своём распоряжении огромную военную силу, было более чем рискованно. Рюрику, конечно, пришлось оставить Киев, спрятавшись за крепкими стенами Белгорода. Перед этим он заключил договор о взаимопомощи с Ярославом, князем луцким. И когда Боголюбский снял осаду и ушёл в Северную Русь, Рюрик Ростиславич возвратился в Киев, передал княжение в нём Ярославу, а себе и братьям оставил все киевские волости.

Вскоре великокняжеская власть в Киеве перешла к Святославу Всеволодовичу, князю черниговскому. Рюрик обратился к Андрею Боголюбскому с просьбой разрешить посадить в Киеве старшего брата Романа. В 1176 году Роман Ростиславич сел на великий киевский стол. Уже по распоряжению брата Рюрик в 1176 году выступил против половцев, о чём сообщает летопись, утверждая в то же время, что из-за ссоры с другим братом, Давыдом, он тогда потерпел поражение. В летописи далее содержится весьма любопытное утверждение, что в борьбе со Святославом Всеволодовичем за киевский стол Рюрик «не хотячи губити Русской земли», поэтому, посоветовавшись с братом Романом и своими союзниками, он уступил великокняжеский стол Святославу, который и сел в Киеве в 1178 году. Рюрик не препятствовал его великому княжению. А между тем, став великим князем, Святослав по-прежнему неприязненно относился к нему и его братьям. Сохранилась летописная справка от 1180 года о намерении его изгнать Рюрика «из земле». Святослав напал на смоленскую вотчину Давыда Ростиславича, который вынужден был бежать из Смоленска к Рюрику в Белгород. Понимая, что Ростиславичи не простят Святославу такого отношения к ним, и сознавая их военное превосходство, он уехал из Киева,

который занял Рюрик, отославший Давыда в Смоленск, к брату Роману. После получения известия о смерти последнего он остался там на княжение.

Вскоре Рюрику пришлось вновь уйти из Киева в Белгород, ввиду приближения Святослава и его племянника Игоря с половцами. Послав против них большие силы, он одержал победу. Однако расчётливый Рюрик, несмотря на одержанную победу, счёл необходимым вновь уступить Святославу киевский престол, оставив себе только киевские волости. Князья взаимно поцеловали крест. На Руси установилась диархия. Отныне летопись того и другого князя величала «великими», хотя все последующие тринадцать лет, до самой смерти Святослава, отношения между «великими князьями» никогда не были близкими и сердечными. Конечно, их связывала необходимость защиты Русской земли от половцев и других «заезжих» и «захожих» врагов. В 1187 году Рюрик со Святославом нанесли страшное поражение половцам. Рюрик участвовал также в удачном походе следующего года против половецкого хана Кончака. Совместная борьба против половцев сдружила и сплотила князей-соперников, они сблизились и породнились: Рюрик выдал свою дочь за Глеба Святославича, сына великого князя. В том же году он отправил сватов к другому великому князю, Всеволоду Юрьевичу, чтобы просить руки дочери его Верхуславы для своего сына Ростислава. Помолвка состоялась, была отпразднована пышная свадьба, «аки же несть бывала на Руси». Так же пышно была отпразднована и свадьба другой дочери Рюрика, Ярославы, с князем Святославом Игоревичем новгород-северским, сыном главного героя «Слова о полку Игореве».

В последние годы Рюрик был полностью вовлечён в дела Галицкого княжества, защищая Олега Ярославича — сына того Ярослава Осмомысла, которого воспел автор «Слова о полку Игореве». После смерти отца бояре изгнали его с княжения, и Рюрик попытался восстановить справедливость, навести порядок в княжеской иерархии. В конце 1180-х годов у него самого появился новый серьёзный претендент на Галицко-Волынское княжество — его зять князь Роман Мстиславич, женатый на Предславе, который впоследствии принесёт ему множество хлопот.

События начались с того мирного времени, когда Святослав на посту великого князя, «утишивше земле Русскую и половцы примиривши в волю свою», уехал охотиться в устье Тесмени, где «во любви пребыста и во весели». Однако вскоре веселье и утеха были нарушены слухами о приближении половцев. Рюрик попросил помощи для защиты своей вотчины. Святослав обещал прислать отряд, но обещания своего не выполнил, «зане бяшет ему

тяжа с Рюриком и с Давыдом и Смоленскою землей». Тогда Рюрик пригрозил ему разрывом мирных отношений, и великий князь вынужден был послать вспомогательный отряд. Половецкая опасность была ликвидирована. Во все последующие годы, до самой смерти Святослава в 1194 году, Рюрик предпринимал попытки заключить мирный договор с половцами, чтобы прекратить, наконец, их разбойничьи набеги на Русскую землю.

После смерти Святослава Рюрик Ростиславич занял в очередной раз великокняжеский стол. В следующем году, как утверждает летописец, среди бесконечных пиров и всеобщего ликования, он заключил с братом Давыдом ряд соглашений о распределении Русской земли. Согласно этому уложению каждый из князей получал определенные волости. Не все русские князья остались довольны таким распределением, особенно его зять Роман, могучий князь волынский. Он начал подозревать Рюрика в злом умысле, в том, что тот хочет оттягать его волость в пользу своего сына. Несмотря на убедительные доводы Рюрика, что сие не так, Роман не поверил ему и начал побуждать Ольговичей в лице черниговского князя Ярослава Всеволодовича завладеть Киевом. Более того, он сделал попытку постричь свою жену, дочь великого князя Рюрика. Началось жестокое противостояние. Рюрик Ростиславич расторг крестное целование с Романом, и тот, боясь его, отправился за помощью в Польшу, где тогда шла борьба Казимировичей с их дядей Межкой. В борьбе победил Межка. Поскольку Роман был союзником Казимира, он выступил против него и разбил его войско. В тяжкую минуту раненый Роман признал себя виновным перед Рюриком. По просьбе митрополита Никифора Рюрик простил зятя и дал ему ряд волостей. Однако, заручившись поддержкой Всеволода и брата Давида, Рюрик потребовал, чтобы сторонники Романа, Ольговичи, навсегда отказались от своих притязаний на Киев и Смоленск.

Ольговичи готовы были дать такую клятву, но только от себя и лично Рюрику. Они просили его заключить с ними мир отдельно от его союзников, Всеволода и Давида. Не подозревая с их стороны злого умысла, Рюрик заключил с ними отдельный мир, распустил войско и уехал в Овруч. Ольговичам только это и надо было: они решили напасть на Смоленское княжество. Рюрик, узнав об этом вероломстве, разорвал с ними крестное целование и пригрозил, что отправит рать на Чернигов, если черниговские князья пойдут на Смоленск. В том же 1196 году, заручившись согласием Всеволода помочь ему, он вторгся в Черниговскую землю. В этой борьбе активное участие на стороне Ольговичей принял Роман Мстиславич. В самый разгар её Всеволод, считавшийся союзником Рюрика, без его ведома заключил союз с Ольговичами. В ответ на это Рюрик

отобрал все ранее отданные ему города Киевщины. Неизвестно, заключил ли он мир с Ольговичами, но по договору с Всеволодом они обязались не добиваться Киева до смерти Рюрика, а Смоленска — до кончины Давида. Однако они не дали согласия на разрыв союза с Романом.

Открытая борьба с Романом началась не сразу. С 1196 по 1202 год Рюрик занимался строительством. На свои средства он построил в Белгороде собор во имя св. апостола, а в Киеве возвёл церковь во имя своего соимённого святого Василия. Через два года он построил каменную стену в Выдубецком монастыре и церковь Св. Василия в Овруче.

В эти годы Роман с помощью поляков прочно утвердился в Галицко-Волынском княжестве. Лишь в 1202 году, в союзе с князем черниговским Всеволодом Чермным, который хотел посадить в Галиче Игоря Святославича, Рюрик решил выступить против Романа. Но время было уже упущено: фортуна повернулась лицом не к нему. Вся Киевская область и Киев поднялись против Рюрика и захотели Романа к себе в князья. Может быть, киевляне надеялись, что в руках сильного галицко-волынского князя они получат покой и вернут былую славу, а Киев вновь станет политическим центром всея Руси. Рюрику ничего другого не оставалось, как удалиться в Овруч.

Киев был отдан племяннику Романа — Ингварю Ярославичу. Однако в 1203 году Рюрик с Ольговичами и половцами появился перед Киевом вновь, взял его приступом и подверг страшному опустошению. Были разграблены все церкви и монастыри. Конечно, после того как Рюрик совершил тяжкое преступление перед киевлянами, он уже не мог удерживать Киев в повиновении и потому снова вернулся в свой Овруч. Роман осадил город, потребовал от него отказаться от княжения в Киеве в пользу Всеволода и его детей. Условия были приняты Рюриком.

Вместе с Романом в 1204 году он совершил совместный поход против половцев. Но на обратном пути князья заспорили относительно распределения вотчин. Разгневанный Роман схватил Рюрика, его жену и дочь (которая была замужем за Романом), отослал их всех в Киев и постриг в монахи. Правда, по велению великого князя Всеволода он отпустил сыновей Рюрика. Радзивиловская «лицевая» летопись, составленная в Смоленске, обрывается рассказом о пострижении Рюрика Ростиславича. Повествователь не находит слов от волнения и прерывает свою речь без возобновления её. Ему, безусловно, было очень жаль этого отважного, воинственного русского князя, боровшегося в течение всей жизни своей за правое дело сплочения страны и защиту её от вражеских стервятников.

Когда Роман был убит в 1205 году ляхами, Рюрик расстригся, снял с себя монашеское одеяние и обратился к жене, убеждая её сделать то же самое, но она отвергла его предложение, приняв навсегда монашескую схиму.

После смерти Романа отношения на Волыни складывались очень трудно. Его молодая вдова Предислава и два малолетних сына, Данила и Василек, осталась беззащитными. На первых порах бояре признали князем старшего сына и клялись верно служить ему и охранять его. Однако удержаться младенцу в такой беспокойной стране было решительно невозможно, потому что Галицко-Волынское княжество представляло собой слишком лакомый кусок как для русских князей, так и для иноплеменных соседей, а бояре не отличались постоянством, были падки на выгоды и далеко не все могли любить Романово племя. Покушения на Галичину начали следовать одно за другим. Сначала сделал попытку овладеть Галичем отец первой жены Романа, киевский князь Рюрик Ростиславич, которого Роман после варварского разорения Киева наведёнными Рюриком половцами заманил к себе на совет и постриг в монахи. Однако, сняв с себя после смерти Романа монашеское одеяние, он собрал большие силы, нанял половцев и бросился на Галич. Вдова Романа обратилась за помощью к другу её покойного мужа, венгерскому королевичу Андрею. Когда-то они уговорились, что если кто из них умрёт первым, то другой будет заботиться о его семье. Андрей только что получил венгерскую корону. Он свиделся с княгиней в Саноке, обласкал юного князя Даниила как родного сына и дал ему войско. Рюрик вынужден был возвратиться обратно. Однако в отсутствие Рюрика Киев захватил его союзник — Всеволод Чермный. Застигнутый врасплох Рюрик отправился в Овруч. Собравшись с силами, он в 1206 году отнял у Всеволода Киев и Переяславль. Однако через год Всеволод выгнал его из Киева. После его краткого пребывания там Рюрик снова сел на великое княжение. Эта беспрерывная борьба с переменным успехом, по-видимому, одинаково утомила соперников. И поэтому была достигнута договоренность: Рюрик уступил Всеволоду Киев, а себе взял Чернигов и киевские волости.

В 1210 году Рюрик навсегда покинул Киев и переехал в Чернигов, где и умер. Правда, надо сказать, что год его смерти точно не установлен: летописные источники называют 1216—1220 годы, а вот историки Соловьёв и Грушевский утверждают, что он кончил свой жизненный путь в 1214 году. Татищев же, основываясь на неизвестных нам источниках, полагал, что Рюрик умер 19 апреля 1211 года. От него же известно, что Рюрик был женат трижды: в первый раз, в 1163 году, он женился на дочери половецкого хана

Белука, во второй раз — на дочери турово-пинского князя Юрия Ярославича и в третий раз — на дочери какого-то князя Всеволода, Анне. От этих браков он имел двоих сыновей — Ростислава (1173 г. р.) и Владимира (1187 г. р.) и четырёх дочерей — Предславу, которая была замужем за Романом Мстиславичем Галицким, неизвестную по имени дочь — жену Глеба Святославича, Ярославу — супругу новгород-северского князя Святослава Игоревича и Всеславу — жену рязанского князя Ярослава Глебовича.

Рюрик Ростиславич, оставивший после себя большое семейство, был последним выдающимся государственным, политическим и военным деятелем домонгольской Руси. Продолжая стратегическую линию прапрадеда Владимира Мономаха, он делал всё для территориального и духовного сплочения и укрепления раздробленной на отдельные княжества страны. Конечно, ему удалось немало сделать, потому что, обливаясь кровью своей, разорённая и опустошённая, но не сломленная духовно татаро-монгольским нашествием Святая Русь выстояла перед великой бедой, остановила продвижение врагов и тем самым спасла Западную Европу от вторжения. «Шестокрыльцы» Рюрикова гнезда смело и решительно вступили в борьбу против страшного врага. Особую храбрость и решительность проявил в борьбе с татарами Владимир Рюрикович, сын великого князя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. КНЯЗЬ-ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

Потому поистине всех городов славнее, имеющий всечестное твое тело, и весело играешь воспевая похвалы, как будто бы второе небо на земле воистину показалось, Матери Господа церкви божественной, в которой воистину твое тело лежит, как солнце вселенную освещает.

Слово на обновление Десятиной церкви

Среди «шестокрыльцев» Ростиславова гнезда второе место после Рюрика по праву должен занять князь Давыд Ростиславич — один из персонажей «Слова о полку Игореве», гениального литературного памятника XII века. Давыда Ростиславовича неизвестный автор также удостоил своим вниманием, сделав это, очевидно, потому, что тот был заметной фигурой на общественно-политическом поле Древней Руси. Пожалуй, среди тогдашних властителей русского Средневековья и даже среди своих братьев Давыд более всех заслужил право называться смоленским князем. Во-первых, он родился и вырос в Смоленске. Его детство и юность прошли в этом «богоизбранном граде», опекаемом самой Богородицей Одигитрией, икону которой во все времена хранили здесь и берегли как зеницу ока (она была установлена ещё Владимиром Мономахом на иконостасе выстроенной им кафедральной соборной церкви). Юный князь рос под нежным, ласковым небом среднерусской полосы. Во-вторых, свой жизненный путь он завершил также в Смоленске.

Отец Давыда, великий князь Ростислав Мстиславич, ещё отроком отправил его в 1154 году княжить в Новгород Великий. Новгородцы на первых порах приняли его недоверчиво, посадили сначала княжить в Торжок, а затем, в 1157 году, всё же позвали

в славный город древнерусской вольницы. В 1161 году, как утверждает Ипатьевская летопись, не выдержав борьбы, которую вели между собой Ростиславичи с Андреем Боголюбскиим, Давыд вынужден был покинуть свой княжеский посад. Его «пусти Смоленску к Романови», к старшему брату, который там княжил [III. 510].

В 1165 году Давыд Ростиславич уехал из Смоленска, чтобы княжить в Витебске. И там он принял самое активное участие в сложнейшей междоусобной борьбе, которая велась за княжение в Полоцке. Затем летопись сообщает о нём уже как о князе вышгородском, участвовавшем в ожесточенной борьбе за «золотой» киевский стол, который занимал до самой смерти его отец, Ростислав Мстиславич, а потом братья, Роман и Рюрик. Главным противником Ростиславичей выступал тогда черниговский князь Святослав, который в «Слове о полку Игореве» произносит «золотое слово со слезами смешанное». Хотя по отношению к Давыду и его братьям он не проливал слёз, как по поводу разбитого в его дерзком походе против половцев князя Игоря. Напротив, он поступал всегда несправедливо, подчас коварно и даже подло, без всяких слёз и сожаления. В связи с этим выдающийся историк XIX века С. М. Соловьёв полагал, что великому киевскому князю Святославу не нравилось близкое соседство Ростиславичей, которыми он был окружён на «золотом» столе. Особенно он не выносил Давыда, обладавшего твёрдым характером и решительным нравом. И он замыслил прежде всего избавиться от него, а потом и вообще от опеки Ростиславичей. Первой жертвой он избрал именно Давыда. В то время, когда тот в лодке беззаботно ловил рыбу в Днепре, Святослав прибыл на охоту и расположился напротив, на черниговской стороне реки. Случай показался ему чрезвычайно удобным для исполнения своего коварного замысла: посоветовавшись только с княгинею да Кочкарем, любимцем своим, не сказавши ничего другим боярам, он переправился через Днепр и ударил стан Давыда, рассуждая так: «Схвачу Давыда, Рюрика выгоню из Киева, завладею один со своими братьями Русскою землею». Но его замысел не удался: Давыд с женою успели сесть в лодку и отплыть от берега, неприятельские стрелы не достали их.

Захватив дружину и стан Давыда, Святослав отъехал к Вышгороду, где тогда тот княжил, и, проведши под городом ночь, стал искать повсюду князя, но так и не нашёл. После долгих и безуспешных поисков он отправился на восточный берег Днепра, сказавши своим людям: «Теперь уже я объявил свою вражду Ростиславичам, нельзя мне больше оставаться здесь». Прибыв в Чернигов, он созвал сыновей, всю свою младшую братию, собрал все силы Черниговской волости и всю дружину и стал говорить им: «Куда нам

ехать? В Смоленск или в Киев?» На это отвечал ему двоюродный брат, северский князь Игорь, главный герой «Слова о полку Игореве»: «Батюшка! Лучше была бы тишина, но если уже так случилось, то дал бы только бог тебе здоровья».

Между тем Давыд Ростиславич, спасшись от плена, которым угрожал ему Святослав, прибежал в Белгород, к брату Рюрику. Тот, узнав, что Киев оставлен Святославом, поехал туда и сел на столе отцовском и дедовском, но, предвидя предстоящую длительную и бесперспективную борьбу, стал набирать союзников. Он послал за князьями луцкими, сыновьями Ярослава – Всеволодом Ингварем, призвал их к себе. Послал также за помощью к галицкому князю Ярославу, а брата Давыда отправил в Смоленск на помощь к Роману, который там княжил. На дороге он встретил гонца с вестью о смерти Романа. Давыд со слезами продолжал путь, при въезде в Смоленск был хорошо встречен духовенством и всеми горожанами и занял место брата. Летописец говорит, что об умершем Романе плакали тогда все смоляне, вспоминая его доброту и добросердечие. Княгиня его, стоя у гроба, причитала: «Царь мой добрый, кроткий, смиренный и правдивый! Вправду дано было тебе имя Роман, всею добродетелью своею похож ты на святого Романа (т. е. Бориса, первого русского святого); много досад принял ты от смольнян, но никогда не видела я, чтоб ты мстил им злом за зло». Летописец, повторяя её слова, подтверждает, что смоленский князь и в самом деле был необыкновенно добр, честен и правдив.

Похоронив брата и заняв его место, Давыд Ростиславич стал думать о защите своего княжества, потому что оставшиеся в Чернигове Ярослав и Игорь, не видя ниоткуда нападения на свою волость, решили сами завоевать Смоленск. Они пригласили половцев и пошли с ними и своими дружинами к Друцку, намереваясь сместить Глеба Рогволодовича, союзника Ростиславичей, который княжил там.

Давыд со всеми полками союзников прибыл к нему на помощь. Он хотел дать сражение до прихода Святослава из Новгорода. Ярослав с Игорем не начинали битвы без Святослава, выбрали выгодное положение на берегу Дручи и стояли всю неделю, перестреливаясь через реку. Как только явился Святослав, они построили гать на Друче, чтобы перейти реку и ударить войска Давыда и Глеба. Однако смоленский князь по странной и непонятной причине не захотел биться и ушёл в свою вотчину. Святослав пожёг предместья Друцка, но тоже не стал медлить под городом и, отпустив новгородцев, пошёл в Рогачёв, а из Рогачева по Днепру поплыл в Киев. Тогда как Игорь с половцами, уйдя ранее, уже дожидался его напротив Белгорода.

Услыхав о приближении Святослава, Рюрик выехал из Киева в Белгород и отправил войско против половцев, которые с северским князем Игорем расположились станом у Долобского озера. Половцев было много. Они беспечно отдыхали, не расставив даже сторожей, надеясь на силу свою и на Игорев полк.

Чёрные клобуки, воевавшие на стороне Рюрика, ослушались приказа русского воеводы и бросились на половцев. Врезались в их стан, но были отброшены назад и в бегстве смяли черниговскую дружину, которая также обратилась в бегство, а за нею и сам князь.

Рюрик воспользовался этою непредвиденной и неожиданной победой, чтобы получить выгодный мир у Святослава, у которого не надеялся отнять старшинство. Святославу также не хотелось ещё раз выезжать из Киева, и он обрадовался предложению Рюрика, который уступал ему старшинство и Киев, а себе взял всю «Русскую землю», т. е. остальные города Киевской волости. Мир был скреплён двойным родственным союзом: один сын Святослава, Глеб, женился на Рюриковне, а другой, Мстислав, — на свояченице Всеволода. Святослав и Рюрик отныне стали вдвоём управлять Киевской землей, образовав своего рода тандем.

В острой борьбе за Киевский престол решающую роль в это время играл Андрей Боголюбский, великий князь Северной Руси, который не любил Ростиславичей, особенно твёрдого по характеру, упрямого и рассудительного Давыда. Ведь тот когда-то решительно изгнал его сына Мстислава с новгородского княжения. Теперь, в 1177 году, князь Боголюбский потребовал, чтобы Давыд Ростиславич вообще покинул Русскую землю. И тот, понимая великую силу владимиро-суздальского князя, вынужден был уехать в Галичину, к Ярославу Владимировичу Осмомыслу, о котором автор «Слова о полку Игореве» сказал, подчеркнув его могущество и огромный трезвый ум:

Галичкы Осмомысле Ярославе!
Высоко седиши
на своем златокованнем столе,
подпер горы Угоркыи
своими железными плъкы...

Ярослав Осмомысл любезно принял у себя Давыда. Через некоторое время внезапная загадочная смерть Андрея Боголюбского сняла опалу с Давыда, и тот снова вернулся на прежнее место. Но в 1177 году во время нападения половцев на русские земли он потерял доверие братьев своих, допустив явную оплошность: он

опоздал к сбору русичей, что вызвало острое недовольство среди Ростиславичей. Правда, он догнал их и поспешил вместе с ними за уходящими от преследования половцами. Однако те, обратившись, неожиданно напали на русскую рать и разгромили её. Русские князья остались в живых, затворившись в городе Ростовце, но потеряли очень много своих воинов. Наверное, это событие имел в виду автор «Слова о полку Игореве», когда писал:

Не ваю ли вои
злачеными шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
рыкают акы тури,
ранены саблями калеными
на поле незнаеме? [5. 22].

Большинство походов, в которых участвовал Давыд, были удачными и победоносными, но случалось и обратное: приходилось, как в этом случае, спасаться бегством от смерти, переживать горечь поражения. Верный своему основному художественному принципу — «писать по былинам сего времени», — автор «Слова» выразил ёмкой метафорой (о плавающих в крови шеломах) разыгравшуюся тогда трагедию. Представленная картина действительно создаёт впечатление чего-то ужасного, страшного, трагического. Так поняли этот эпизод в «Слове» многие переводчики, например Н. А. Заболоцкий, который этот трагический мотив выразил особенно убедительно:

Вы, князья, буй-Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
А не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От калёной сабли, от руки
Ратника неведомого края? [1. 215].

Расшифровка этого поэтического образа древнерусского литературного памятника вообще содержит в себе много интересного, важного и в то же время загадочного.

Можно припомнить и привлечь ряд других драматических эпизодов, свидетелем и участником которых был Давыд Ростиславич. Так, зимой 1160 года князь Изяслав, приведя большие силы половцев, чтобы расправиться со своими противниками, «идее

на Смоленьскую волость <…> и повоевавъ, и тамо много зла створиша половцы, взщяша душ боле тмы, а иные изсекоша» [3. 348]. Это страшное событие, когда половцы увели в плен более десяти тысяч смолян, а остальных, подвернувшихся под руку, «иссекоша», могло ассоциироваться у автора произведения с плавающими в крови «шеломами». Юные Давыд и брат его Рюрик участвовали в этой битве. Поражённые ужасным зрелищем столь массового избиения русских воинов, они, безусловно, запомнили его и в течение всей жизни своей мстили поганым половцам.

Академик Б. А. Рыбаков в монографии «"Слово о полку Игореве" и его современники» назвал Давыда отрицательным героем, имея в виду то, что тот дважды подводил братьев Ростиславичей в решающие моменты их борьбы против половцев и других супротивников. В первый раз это произошло в мае 1176 года, когда половцы напали на Русскую землю и разграбили 6 берендейских городов. Во второй раз — в 1185 году, когда, разбив войско Игоря Святославича и его союзников, половцы двумя потоками разлились по русской земле, разграбили и опустошили многие города и веси. Именно тогда между Рюриком и Давыдом произошла решительная размолвка, которую зафиксировал автор «Слова о полку Игореве» в меткой метафоре:

Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы,
а друзии — Давыдовы,
бо розно ся им хоботы пашуть [5. 26].

Ипатьевская летопись повествует о том, что после поражения и пленения Игоря половцы во главе с ханом Кончаком двинулись на Киев. Святослав с Рюриком поспешили навстречу. Послали за Давыдом, который вскоре прибыл с дружиной из Смоленска. Половцев сразу обнаружить не удалось, так как маршрут их движения не был известен. Они нападали на русские города и села, грабили и разоряли их, но после этого пути половцев были непредсказуемы для преследовавших их русичей. Значительная часть дорогого времени ушла на поиски главных половецких сил. Дойдя до Треполя, «смоляне же почаша вечь деяти, рекуще: „Мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхомъ; нам ли иное рати искати, но не можемъ уже ся есмы изнемогле. Святослав с Рюриком и со инеми помочьми влегоше во Днепре противу половцев, а Давыд возвратися опять со смольнянами“» [3. 436].

В. Н. Татищев, ссылаясь на другие летописные источники, сообщает об этом событии примерно так же. По его словам, Давыд, стоявший у Треполя, должен был пойти к Переяславлю, осаждённому

половецким ханом Кончаком, но не пошёл, сославшись на то, что он пришёл защищать Киев, но смоляне не встретили половцев, устали в их поисках, во всем издержались, повернули и ушли домой.

Вполне уместен вопрос о том, почему же Давыд Ростиславич уклонился от битвы. О союзе смоленского князя с Кончаком не может быть и речи. Видимо, другая причина заставила его вернуться в Смоленск, не приняв битвы.

Чтобы в какой-то мере ответить на эти вопросы, приходится снова обратиться к летописи и «Слову о полку Игореве», то есть к тому времени, когда после смерти Андрея Боголюбского обострилась борьба за овладение киевским «золотым» столом между черниговскими и смоленскими князьями. На стороне Святослава против Рюрика и Давыда выступил и Игорь — главный персонаж «Слова о полку Игореве». В 1181 году он вместе с половцами пошёл против витебского и полоцкого князей. Давыд встал на защиту соседей. Подкрепление прислал Рюрик. Поход Игоря закончился печально. В. Н. Татищев сообщает, что Игорь Святославич и половецкий хан Кончак, «бросясь в ладью, ушли к Городцу и в Чернигов». В этой битве были пленены многие половецкие ханы и воеводы, «яко ихъ от 9000 не спаслося ни трети. Русских же пленников, бывших в руках их, более 2000 освободили» [6. 126].

Так развивались события накануне Игорева похода 1185 года. Только лишь менее чем за два года до него Ольговичи примирились с Ростиславичами. Святослав женил своего сына на дочери Рюрика. Именно с этого времени боевые стяги Рюрика и Давыда уже не развевались на ветру рядом. «Розно ся имъ хоботы пошуть», — как образно выразился автор «Слова».

На призыв Святослава в 1184 году выступить против волжских болгар Давыд сам не откликнулся, а послал своего сына со смоленским полком. В двух последующих походах против половцев он тоже не участвовал. По всему видно, что он затаил обиду на Святослава, который хотел его коварно убить, и на брата Рюрика, породнившегося с его врагом. На защиту Киева в 1185 году он прибыл без всякого желания, подчинившись двум великим киевским князьям. Когда половцев не удалось обнаружить, он, воспользовавшись этим фактом, возвратился обратно в Смоленск. И никакой измены он не совершил. К тому же половецкие орды были вскоре рассеяны.

У себя дома Давыд Ростиславич пользовался большим уважением. Его любимым делом было благоустройство города, строительство новых жилищ и храмов. При нём Смоленск превратился в «каменный город». Князь стремился не только расширить и украсить

его, но и повысить его политический и церковный авторитет среди других городов.

Как только он впервые прибыл в Смоленск на княжение, у него возникла «дерзкая» идея. Он собирался тайно вывезти святые мощи первых русских святых Бориса и Глеба из Вышгорода, где он был князем, в Смоленск, чтобы укрепить его статус в православном мире. Тем более что оставшийся там сын его не мог ему воспрепятствовать. Перевезя раки с останками святых братьев, Давыд Ростиславич, тайно от всех и даже от самого себя, лелеял мысль лечь после смерти рядом с ними. Поэтому в Борисоглебском монастыре на Смядыни была выстроена такая же церковь, как и в Вышгороде, куда и поместили раку с останками привезённых в августе 1181 года братьев. Однако что-то помешало князю. Видимо, не дали согласие духовные отцы. Поэтому через некоторое время смоленский князь предпринял новое строительство на Смядыни. По его инициативе была построена церковь архангела Михаила, получившая мирское название — Свирская. Это самое изящное архитектурное сооружение древнего Смоленска. По предположению, в её склепе и был похоронен Давид, князь смоленский. Где-то в начале XX столетия гробницу вскрыли и разграбили. Искали золотые вещи, которых не было, так как перед кончиной Давыд принял монашеский сан, то есть никаких драгоценностей класть в гроб не полагалось.

Перенесение гробниц с останками Бориса и Глеба из Вышгорода в Смоленск произошло через год после приезда Давыда в Смоленск, что и подтверждает особая повесть своим содержанием. С нею перекликается записанная на Смоленщине В. Н. Добровольским духовная песня-поэма о Борисе и Глебе. Смоляне, как видно из этих произведений, глубоко чтили память святых братьев. «В дни торжеств и бед народных» они под их хоругвями совершали крестные ходы. Такой крестный ход состоялся в XIII веке, при святом Авраамии, когда Смоленщину охватила засуха. Смоляне молились Богу, чтобы он дал дождь. В повести указаны точные даты происходивших на Смядыни событий и имена их участников.

Невольно встает вопрос о том, когда и каким образом исчезли святые мощи из Смоленска. Исчезли останки не только Бориса и Глеба, но и Авраамия Смоленского. Они пропали во времена литовского нашествия и оккупации Смоленского края.

Давыд Ростиславич был, конечно, типичным князем русского Средневековья: в меру крут, в меру горяч, в меру жесток, но всегда справедлив, не любил попусту проливать кровь подвластных ему смолян, хотя, когда они однажды возмутились и восстали против

него, он жестоко расправился с ними. Сменив на княжеском престоле своего брата Романа, книголюба, просветителя и книгочея, он старался во что бы то ни стало удерживать высокий уровень образования и культуры в Смоленщине. Сам он, хотя «немного был учён, но любил книги читать и память острую имел». Несмотря на частые разногласия с городским вече — смоляне жаловались, что живут «не добре с Давыдом», — вопросам городского строительства, образования и книжной культуры он отдавал много сил. При нём Смоленск поражал своей красотой и величием. Приезжих гостей из Любека, Дортмута, Бремена, Риги всегда удивлял своим великолепием «княжеский город» на Смядыни, его златоглавые храмы, их внутреннее убранство, особенно фрески и другие росписи, характеризующие ювелирную работу смоленских мастеров.

Ипатьевская летопись отмечает, что Давыд «сам бо таков обычай иметь: по вси дни ходя ко церкви святаго архистратига Михаила, юже бе сам создал во княженьи своем, такое же несть в полунощной стране и всим приходящим к ней дивитеся изрядней красоте ея, иконы златомъ и сребромъ, жемчугомъ, и камением украшены, и всею благодатью исполнена». Та же летопись 6705 (1197) года сообщила: «Преставися благоверный князь смоленский Давыд, сынъ Ростиславль, внук же великого князя Мьстислава, приим мнишекый чин, его же желаше, его же последи скажем,месяца априля во 23, на память святаго мученика Георгия; епископ же смоленскый Семеон и все игумени и попове, и сыновец его Мьстислав Романовичу и вси бояре, проводите и со благохвалными песнями и с каделы благоуханьемы, тако спрятавшее тело его и положиша ёво церкви в святую мученику Христову Борису и Глебу, во отни ему благословении, юже бы создал отець его Ростислав» [2. 55–56].

Библиографический список

1. Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы. М. — Л., 1965.
2. Золотой фонд души. Смоленщина от Бориса и Глеба. В 40 т. Смоленск: Маджента, 2009. Т. 1.
3. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
4. Лихачёв Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.: АН СССР, 1950.
5. Слово о полку Игореве. М.: АН СССР, 1950.
6. Татищев В. Н. История Российская. М. — Л.: Наука, 1964. Т. 3.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. МСТИСЛАВ «УДАТНЫЙ»

Уже понизите стязи свои, вонзите мечи вережени.
Уже бо выскочисте изъ дедней славе.
Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Русскую...

Слово о полку Игореве

В призыве-обращении к русским князьям в гениальном «Слове о полку Игореве» названы «вси три Мстиславича не худа гнезда шестокрилцы», но остается загадкой, кто они. Создатель «Слова», безусловно, имел в виду выдающихся русских князей, которые были «на слуху» современников. В начале XIII века к ним мог принадлежать Мстислав Мстиславич, правивший в Смоленске с 1174 по 1178 годы. Современники прозывали его Удалым (Удатным). Личность и характер этого князя сложились в условиях домонгольского удельно-вечевого периода. Мстислав Удалой рьяно защищал сложившиеся на Руси вековые отношения и боролся за их полную сохранность и незыблемость. Отец его, Мстислав Ростиславич, приобрёл такую добрую память, какой редко кто пользовался из русских князей. Как сын смоленского князя Ростислава Мстиславича и правнук Мономаха, он прославился защитой Вышгорода, отбиваясь от властолюбивого Андрея Боголюбского. «Он всегда порывался на великие дела, — отмечает летописец. — И не было земли на Руси, которая бы не хотела его иметь у себя и не любила его. И не может вся земля русская забыть доблести его». «Любовь к нему новгородцев и всей русской земли проложили путь к ещё большей славе его сыну», — отмечает выдающийся историк Н. И. Костомаров, имея в виду Мстислава Удатного.

Помогая Рюрику Ростиславичу, своему дяде, в борьбе против черниговского князя Всеволода, он получил удел в Торопце, который входил в состав Смоленской земли, и долго проживал там, не выделяясь ничем особенным. Только новгородские события пробудили его к активным действиям. Ростово-суздальский князь Андрей Боголюбский стремился наложить руку на Новгород с тем, чтобы в Новгороде княжили люди из его дома. В 1210 году ставленник Боголюбовской династии не разрешил пускать обозы хлеба в Новгород. Горожане возмутились. В это время в Новгородской земле внезапно появился Мстислав Удалой — борец за правду, а правда для Великого Новгорода состояла в сохранении его старинной вольности. Захватив Торжок, он сказал новгородцам: «Кланяюсь Святой Софии и гробу отца моего, и всем новгородцам: пришёл к вам, услыхавши, что князья делают вам насилие; жаль мне своей отчины!» Новгородцы дали ответ: «Иди, князь, на стол». И Мстислав прибыл в Новгород.

В 1211 году по его настоянию был смещён новгородский владыка Митрофан, сторонник князя суздальского. В вольном городе Мстислав учредил свой строгий порядок, укрепил веру христианскую, построил новые церкви. После этого он предпринял два похода на Чудь: сначала взял их город Оденпе, а потом подчинил Новгороду всю Чудскую землю вплоть до моря. Когда он вернулся обратно, к нему пришло приглашение поехать в Южную Русь, так как там обострились междоусобные войны. Великий киевский князь Рюрик Ростиславич, дядя Мстислава, умер. Черниговский князь Всеволод, прозванный Чермным, выгнал с Киевской земли всех Рюриковых сыновей и племянников и овладел Киевом. Мстислав собрал новгородское вече и стал просить, чтобы оказали помощь его изгнанным родственникам. Новгородцы в один голос сказали: «Куда, князь, взглянешь ты очами, туда обратимся мы своими головами!»

По рассказу Н. И. Костомарова, Мстислав с новгородцами двинулся к Смоленску. Там присоединились к нему смоляне. Однако по дороге новгородцы не поладили со смолянами. Одного из смолян убили в ссоре, затем несогласие дошло до того, что новгородцы отказались идти дальше. Как ни убеждал их Мстислав, они и слушать не хотели. Тогда он поклонился им и, распростившись с ними, пошёл со своей дружиной и смолянами. Новгородцы опомнились, собрали вече. Посадник Твердислав сказал им: «Братья, как наши деды и отцы страдали за русскую землю, так и мы пойдём со своим князем». И все снова пошли за Мстиславом. На пути своём они захватили черниговские города по Днепру, подошли к Вышгороду и взяли его. Всеволод Чермный увидел, что дело его

проиграно, и бежал за Днепр. А киевляне отворили ворота и поклонились Мстиславу. На киевском столе был посажен его двоюродный брат — Мстислав Романович.

Со славою вернулся Мстислав в Новгород. Придя на вече, поклонился всем, сказал: «Есть у меня дела на Руси; а вы вольны в князьях», — и уехал в Галич с дружиною. В Галиче он выгнал несовершеннолетнего венгерского королевича Коломана, правившего с помощью венгерского воеводы Бенедикта Лысого и боярина Судислава, выдал замуж свою дочь Анну за Даниила, сына Романа, княжившего раньше во Владимире-Волынском, и посадил его княжить в Галиче. Скоро Даниилу пришлось уйти из Галича и геройски пробиться сквозь неприятельскую силу, чтобы соединиться с Мстиславом. Похвалив зятя за мужество, Мстислав сказал ему: «Иди, князь, теперь в свой Владимир, а я пойду к половцам, будем мстить за своё посрамление». Правда, к половцам он не пошёл, а устремился на север, так как получил весть о том, что князья опять творят насилие над Новгородом. И Мстислав решил выручить его из беды. Там взяла верх суздальская партия, решившая призвать к себе княжить одного из сыновей Всеволода — Ярослава, человека крутого, несправедливого и жестокого. Тот начал расправляться со своими недоброжелателями, схватил их и отправил в оковах в Тверь. Задумав «обратить Торжок в Новгород», он хотел сделать его столицей, а Новгород низвести до степени пригорода. Обстоятельства помогли ему. На Новгородской земле мороз побил хлеб. Ярослав не пустил в Новгород ни одного воза с хлебом. В городе начался голод, люди умирали, мёртвые валялись на улицах и дорогах

Тогда Великий Новгород обратился снова к Мстиславу Удалому. 11 февраля 1216 года Мстислав прибыл туда, приказал схватить и заковать дворян, служивших Ярославу, и, поцеловав крест, сказал: «Либо возвращу новгородских мужей и новгородские волости, либо голову свою повалю за Великий Новгород!»

«На жизнь и на смерть готовы с тобой!» — отвечали ему новгородцы. Народу он сказал: «Идём, братья, поищем мужей своих, вашу братью, вернём волости ваши, да не будет Новый Торг Великим Новгородом, ни Новгород Торжком! Где Святая София — тут и Новгород; и во многом Бог и в малом Бог и правда!»

К новгородцам присоединились псковичи, снова на выручку пришли смоляне с князем их, Владимиром Рюриковичем. На их счастье, в самой Суздальской земле после смерти Всеволода Юрьевича разгорелся спор между старшим сыном — Константином (ростовским князем) и младшим — Юрием, которому отец несправедливо завещал старейшинство на Суздальской земле.

Мстислав объявил, что, защищая новгородское дело, он в то же время хочет восстановить правду о законном праве старшего брата, и отправил боярина Явольда к Константину, ростовскому князю, с этой вестью.

В то время самонадеянные суздальские князья начали заранее хвалиться своей будущей победой. Они устроили в шатре пир с боярами. Некоторых из старых бояр смущало то, что на стороне противников была правда, освященная старыми обычаями. Один из них, Творимир, обратился к князьям с речью: «Князья Юрий и Ярослав! Меньшие братья в вашей воле; но как по моему гаданию, — то лучше бы вам взять мир и дать старейшинство Константину! Не смотрите, что их меньше, чем наших; Ростиславова племени князья мудры, рядны и храбры, и мужи их новгородцы и смольяне дерзки в бою; а про Мстислава Мстиславича сами знаете, что храбрость дана ему паче всех; подумайте, господа».

Юрию и Ярославу не понравилась такая речь. Бояре помоложе льстили князьям, говоря: «Князья Юрий и Ярослав! Никогда того не бывало, ни при отцах ваших, ни при дедах, ни при прадедах, чтобы кто вошёл ратью в сильную суздальскую землю и вышел бы из неё цел; да хоть бы вся русская земля пошла на нас: и галицкая, и киевская, и смоленская, и черниговская, и новгородская, и рязанская, да и тогда ничего с нами не поделают; а что эти полки, — там мы их седлами закидаем!»

Князьям такие слова пришлись по нраву, и они сказали: «Сам товар пришёл в руки: достанутся вам кони, брони, платье; а кто человека возьмёт живьём, — сам убит будет; хоть у кого и золотом будет шито оплечье, — и того бей; двойная от нас будет награда! Не оставим живым никого. А кто из полку убежит, да поймаем его, того прикажем вешать и распинать; а кто из князей попадёт к нам в руки, так уж мы о них тогда потолкуем».

В надежде на предстоящую лёгкую победу они даже стали делить между собой волости побеждённых. Юрий сказал: «Мне, брат Ярослав, володимирскую и ростовскую землю, а тебе Новгород, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич нам же!» Князья написали грамоту, которая после их поражения в битве попала в руки смолянам.

Вечером к Мстиславу прибыл гонец и пригласил сразиться на реке Липице. К союзным войскам присоединился со своей дружиной ростовский князь Константин. На суздальцев, как гласит летопись, нашёл страх. Князья, недавно делившие между собою волости побеждённых, страшно испугались. На рассвете новгородцы не нашли врагов в условленном месте на равнине: они перешли через лес и стали на горе, которая называлась Авдовой.

Тогда новгородцы и их союзники, перейдя Липицу, стали на Юрьевой горе. Долго враги смотрели друг на друга при утреннем солнце и не начинали битвы. Мстислав отправил к Юрию трёх мужей с такими словами: «Дай мир, а не дашь мира, то либо вы отсюда отступите на ровное место и мы на вас пойдем, либо мы отступим к Липице, а вы на нас нападайте». Юрий ответил: «Мира не принимаю и не отступлю; вы прошли через нашу землю, так разве этой заросли не перейдете».

Получив ответ от Юрия, Мстислав вызвал охотников. Они открыли битву и бились до вечера, досадовали, что враги уклоняются от решительного боя. Утром они решили идти к городу Владимиру и начали сниматься. Суздальцы заметили в неприятельском лагере суету и стремительно стали сходить с горы, думая ударить новгородцам и их союзникам в тыл, но новгородцы тотчас устремились на них. Проезжая перед воинами, Мстислав говорил им: «Братья! Мы вошли в землю сильную: воззрим на Бога и станем крепко; не озирайтесь назад: побежавши, не уйдёшь; забудем, братья, жен, детей и дома свои: идите на бой, как кому любо умирать, кто на коне, кто пеший!». «Мы на конях не хотим умирать, мы будем биться пешие, как отцы наши бились на Колокше!» — решили новгородцы. Сбросив с себя верхнее платье и сапоги, они босые побежали вперёд с криком. Их примеру последовали смоляне, но, сбросив сапоги, обвили себе ноги. Как рассказывает историк Н. И. Костомаров, смолянами предводительствовал Ивор Михайлович; он ехал верхом, чтобы его видели ратники. За ним следовали князья с дружиною, также на конях. С противной стороны устремились в бой пешие воины Ярослава. Проезжая через заросли, под Ивором споткнулся конь. Пешие новгородцы опередили его и сцепились с неприятелем. Пошли в дело дубины и топоры. Поднялся страшный крик. Суздальцы побежали. Новгородцы подсекли стяг Ярослава. Подоспел Ивор со смолянами. Захватили другой стяг.

Мстислав увидел, что его молодцы зашли слишком далеко, закричал: «Не дай Бог, братья, выдавать этих добрых людей!» И он пустился вперёд сквозь свою пехоту, а за ним последовали другие князья. Завязалась жестокая сеча. Юрий и Ярослав бежали, бросив свой обоз. Быть может, это было сделано в надежде, что противники бросятся на грабёж, а тем временем можно будет обратиться и ударить на них. Но Мстислав закричал: «Братья новгородцы, не бросайтесь на обоз, а бейте их; не то — они вернутся и сметут нас». Новгородцы послушались и продолжали крепко сражаться, а смоляне оставили бой и начали разбирать брошенный обоз. Много суздальцев пало под ударами топоров новгородских и смоленских,

много утонуло во время бегства, много раненых прибежало во Владимир, Переяславль, Юрьев и там поумирало. «Такова-то была, — говорит летописец, — слава Юрия и Ярослава; напрасна была их похвальба: в прах обратились сильные полки их».

Н. И. Костомаров пишет: «Семнадцать знамен Юрия, тринадцать Ярослава и до ста труб и бубен досталось победителям. Шестьдесят человек было взято в плен; убитых врагов летописец насчитывает 9203, а у новгородцев и смолян было убито только 5 человек: цифры, разумеется, баснословные. Несомненно только то, что суздальцы были разбиты наголову. Эта замечательная Липицкая битва происходила в четверг 21 апреля 1216 года».

Ярослав бежал с поля битвы так быстро, что загнал четырёх коней, а на пятом прискакал в Переяславль. Только через неделю Мстислав с союзным войском подошёл к городу. Ярослав добровольно вышел и сдался своему старшему брату Константину. «Брат и господин, — сказал он, — я в твоей воле; не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владимиру, сам накорми меня хлебом». Победители вообще отнеслись к нему снисходительно.

Победой на реке Липице Мстислав Удалой утвердил за Новгородом высокое право великого города и вместе с тем установил ряд в Суздальской земле, как это прежде сделал в Киеве.

Через год (в 1217 году), оставив жену и сына в Новгороде, он ходил с новгородскими боярами в Киев. Может быть, для приготовления к будущему походу в Галич, а может, по другим неотложным делам. По возвращении в Новгород он взял под стражу Станимира с сыном, замышлявших против него козни, но затем отпустил их. В Торжке он то же сделал с Бориславом Некуришиничем, но также простил его. Всё это свидетельствует о том, что Мстислав не думал долго оставаться в Новгороде. В это время скончался в Торжке его сын Василий. Его похоронили в Новгороде, в Святой Софии, рядом с гробом деда. Оплакавши сына, Мстислав сказал на вече: «Кланяюсь Святой Софии, гробу отца моего и вам! Хочу поискать Галича, а вас не забуду. Дай Бог лечь у гроба отца моего, у Святой Софии!»

Новгородцы долго упрашивали его остаться, но были напрасны их просьбы. Мстислав уехал из Новгорода навсегда. Не привелось ему лечь и у Святой Софии. Галич, оставленный им когда-то, находился в руках венгров. Там снова сидел королевич Коломан, а главным воеводою был бан Фильний, который в летописях получил прозвище «Фили прегордого». Ко всем русским людям он относился презрительно, сравнивал их с глиняными горшками, а себя — с камнем, приговаривая при этом: «Один камень много горшков побивает». Всё это раздражало галичан.

Мстислав привлёк половцев и пошёл в 1218 году на Галич с Владимиром Рюриковичем, который помог ему в борьбе с суздальцами. Фильний, узнав об этом, стал укреплять Галич, даже церковь Святой Богородицы обратил в крепость, что ещё более раздражало против него русских, видевших в этом оскорбление святыни. Поляки помогали венграм. Не допуская Мстислава до города, Фильний, взяв с собой галицкого боярина Судислава и других, вышел навстречу ему. Поляки составляли правую сторону его войска, а галичане и венгры — левую. Русская рать также разделилась на две половины. Одной частью командовал сам Мстислав, другой — его боевой товарищ Владимир. Половцы стояли в отдалении, чтобы ударить неприятеля, когда сцепятся с ними русские полки. Увидев, что поляки стоят на отдалённом расстоянии от венгров, Мстислав учёл это, быстро отделился от Владимира и стал на возвышении. Владимир был недоволен его маневром, считая, что он погубит всё русское войско.

Поляки ударили Владимира, обратили его в бегство и погнались за ним, так что венгерское войско скрылось с его глаз. Но тогда-то Мстислав и половцы разом бросились на венгров. Сеча была злая, русские победили венгров. Сам Фильний был взят в плен. Поляки, преследовавшие Владимира, набрали добычи и возвращались с большим числом пленных, распевая победные песни, не зная, что случилось с их союзниками. И вдруг они наткнулись на победителей. С. всех сторон кинулись к ним русские воины и обрушились на них. Поляки были совершенно разбиты. Половцы брали их оптом в плен, жадно бросались на лошадей, оружие и одежды, однако русские, по приказанию Мстислава, били только врагов без пощады. Говорили, что вопли и крики побеждённых были слышны даже в Галиче. По всему полю валялись трупы, никем не погребённые. Вода в реке стала красной от крови.

Мстислав, взяв в плен воеводу Фильния, потребовал сдачи города, обещая пощадить горожан. Воевода от своего имени посоветовал им сдаться, так как положение их было безнадёжным. Однако венгры упорствовали и не хотели сдаваться. Они даже выгоняли из города галичан с женами и детьми, чтобы не кормить их во время городской осады. Самонадеянные венгры обращали внимание только на одни ворота, а между тем русские сделали подкоп и подземным путём проникли в город, отбили от ворот венгров, ошеломлённых внезапностью, и отворили Мстиславу ворота.

Войско Мстислава ворвалось в Галич. Коломан и вся венгерская знать с жёнами заперлись в церкви Святой Богородицы. Мстислав подошёл к церкви и потребовал сдачи. Венгры не сдавались. Жажда томила их. Мстислав сам послал Коломану кувшин холодной

воды. Венгры благодарили его за проявленное великодушие, разделили между собой воду чуть ли не по капле, но всё-таки продолжали сражаться. Наконец, не в силах вынести голод, они открыли двери церкви. Венгры умоляли Мстислава не губить их. Их бароны со своими жёнами и несколько поляков достались в плен половцам и русским. Пленённого Коломана с женой Мстислав отправил в Торческ. По сёлам местные жители добивали остатки венгерского войска.

Русские величали Мстислава «своим светом» и «сильным соколом», говорили, что сам Бог вручил ему меч для борьбы с иноверцами. Русские бояре, которые служили венграм, отдавались на милость победителя. Судислав пришёл к Мстиславу, обнимал его колени и слёзно просил помиловать его. Князь не только простил его, но даже дал в управление Звенигород. Даниил прибыл к тестю с малою дружиною, чтобы поздравить его. Вся Галицкая земля пировала и радовалась этой большой победе.

Узнав о несчастье, постигшем сына, венгерский король Андрей потребовал отпустить пленников, грозя в противном случае послать огромное войско. Однако русского князя Мстислава Удалого нельзя было напугать угрозами. Он ответил, что победа его была дарована Богом. Он и на этот раз, надеясь на Бога, готов был встретить неприятеля. Король мало-помалу смирил свою гордость. Супруга его отправила своё особое посольство, умоляя Мстислава отпустить сына. Бояре, знавшие добрый характер князя, уговаривали его заключить мир с венгерским королем. При всей своей храбрости и воинственности он всё-таки был расположен к миру и прибегал к военным действиям только тогда, когда его вынуждали. На сей раз он не только помирился с венграми и поляками, но и заключил дружественный договор с венгерским королем, обручил свою дочь Марию с его сыном Андреем и отдал будущему зятю во владение Перемышль.

Скоро по велению судьбы Мстислав совершил ещё один подвиг. Хан Темучин, став во главе многочисленных татарских племен, разорил соседние народы, захватил Пекин, завоевал турок и основал огромную империю в Азии. Его владения простирались от Амура до Волги, а сам он назвал себя Чингисханом, т. е. великим ханом. Татары, двигаясь на запад, столкнулись с половцами на восточном берегу Каспийского моря, где половцы жили в соседстве с аланами. Расправившись с аланами, татары напали на половцев и дошли до вала Половецкого, отделявшего их земли от русских княжеств. Половецкий хан Котян, тесть Мстислава Удалого, принёс в Галич страшную весть, что идёт с востока несметная сила. «Сегодня отняли нашу землю, завтра ваша взята будет», — говорил

он. Мстислав созвал совет в Киеве. Он просил всех князей оказать помощь половцам. «Если мы им не поможем, — говорил он, — то половцы пристанут к врагам, и сила их станет больше». После долгих дебатов князья решили соединёнными силами идти в поход. «Лучше встретить врага на чужой земле, чем на своей», — говорили они. После этого они выступили в поход, разгромили и обратили в бегство сторожевой татарский отряд. 21 мая, во вторник, русские пошли в степь. Там они вскоре встретились с татарским отрядом. Стрелки рассеяли его, и им досталось в добычу множество скота. Восемь дней шли они до реки Калки, где снова встретили татарский отряд, который, сразившись с ними, скрылся. Мстислав Удалой, опередив князей, приказал Даниилу перейти Калку и сам перешёл вслед за ним с задней стражей. Вдруг перед ними предстали основные татарские силы. «Вооружайтесь!», — закричал Мстислав. Русские вступили в бой. Двадцатитрёхлетний Даниил бросился вперёд и был ранен в грудь, но пренебрёг раной и продолжил сражаться. Храбро бились Мстислав Немой и Олег Курский. Однако сила татарская одолела их. Даниил обратил своего коня назад, за ним побежали другие. Бежал и Мстислав Удалой. В первый раз в своей жизни он отступил перед превосходящими силами неприятеля.

Между тем остальные русские князья перешли через Калку, расположились станом и выслали половцев. Татары стремительно напали на них. Половцы бросились назад и смяли русский стан, который ещё не успел вооружиться. Началась страшная резня. Русские, приведённые в беспорядок половцами, бежали. Во время этого всеобщего бегства только киевский князь Мстислав Романович не двигался с места, стоял на высоком каменистом берегу Калки со своим зятем Андреем и дубровицким князем Александром. Большая часть татар преследовала бегущих, а один отряд с бродниками окружил трёх храбрых князей, которые огородили себя кольями и отбивались от них неустанно три дня и три ночи. Татары, взяв укрепление, перебили всех русских воинов, связанных князей положили под доски, а сами сели на досках обедать. Так и кончили князья свою жизнь. Татары гнались за бегущими остатками русских сил до самого Днепра. Поражение на реке Калке навело на Русь всеобщий ужас. Впечатление, произведённое на умы этим событием, наглядно отражается в словах летописца: «Пришли, — говорит он, — неведомые народы, о которых никто хорошо не знает, кто они такие, и откуда пришли, и каким языком говорят, и какого они племени, и какая у них вера; одни говорят, что их зовут татары, а иные — таурмены, а другие — печенеги». Книжники толковали, что это те самые народы, о которых говорил Мефодий Патарский: «Гедеон когда-то загнал их в пустыню Етриевскую, между востоком

и севером, и они должны выйти оттуда перед концом света и пленить много земель».

После событий на Калке положение Мстислава Удалого в Галиче пошатнулось. Бояре стали строить козни против него. В 1225 году его хотели поссорить с зятем Даниилом. Князь Александр, ненавидевший Даниила, наговорил Мстиславу, будто зять хочет убить его и подстрекает на него ляхов. Мстислав поверил этой клевете. Однако тесть и зять всё же помирились. В знак дружбы Мстислав подарил Даниилу жеребца редкой породы и богато одарил его жену Анну, свою дочь.

Боярам всё-таки удалось выжить Мстислава из Галича. Королевич Андрей, которому Мстислав отдал свою дочь в жёны, по наговору боярина Семьюнка подстрекал польского короля отнять у Мстислава Галич. Бояре вслух говорили, что не хотят Мстислава, а желают Андрея. Король пошёл с войском в Галичину. Он взял Теребовль и Тихомлю, но под Кременцом был отбит и повернул к Звенигороду. Здесь выступил против него Мстислав и разбил его. Король быстро ушёл в Польшу. В Галиче сложилась очень сложная атмосфера. «Ни тебя, ни Даниила не хотят бояре, — говорили ему, — отдай обручённую дочь твою за королевича Андрея и посади его в Галич: от него всегда можешь взять его обратно, когда захочешь, а отдашь Даниилу — вовеки не будет тебе Галича!»

Мстислав выполнил их волю: выдал дочь за Андрея и отдал ему Галич, удержав за собой Понизье и Торческ. Вскоре он убедился, что Даниила ненавидели только бояре, а простой галицкий народ желал его. И он послал ему сказать: «Сын! Согрешил я, не дал тебе Галича».

В 1228 году Мстислав скончался. Из Торческа поехал он в Киев, заболел в пути и умер, успев постричься в схиму по тогдашнему обычаю благочестивых князей. По известию польского историка, тело его погребено было в Киеве — в церкви Святого Креста, которую он построил.

Летопись представляет Мстислава как бы виновником бедствия на Калке, говоря, что он из зависти не известил русское и половецкое войско о приближении татар. Идя впереди прочих князей, он несколько дней не имел с ними сношений. Перейдя через Калку, он встретил татар неожиданно. Ему пришлось сражаться с противником, который во много раз превосходил его. Справедливее было бы поставить в упрёк Мстиславу излишнюю удаль и неблагоразумие, при которых он, человек уже немолодой и опытный, проявил себя как горячий юноша.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ГЕРОЙ БИТВЫ НА РЕКЕ КАЛКЕ

Дети бесове кликом поля прегородиша,
а храбрии Русицы преградиша чрьлеными щиты.
О стонати Русской земли.

Слово о полку Игореве

Почётное место среди смоленских Ростиславичей по праву должен занять Владимир, второй сын князя Рюрика Ростиславича и Анны Юрьевны туровской. Об отце его, выдающейся личности, великом, грозном и сильном русском князе, хорошо отозвался автор «Слова о полку Игореве». Подстать ему был, конечно, и сын, проживший всего 52 года (с 1187 по 1239). Однако это были яркие годы. Он княжил в Переяславле с 1206 по 1213, в Смоленске — с 1213 по 1219, а в Киеве — с 1223 по 1238 гг.

С юных лет, как и отец, он ходил и против половцев, и против своих же кровных русских князей, противников и соперников, борясь за власть. Вместе с дядей Мстиславом Храбрым он совершил в 1215 году поход в Новгород Великий, чтобы изгнать ослеплённого злобой на новгородцев князя Ярослава, учинившего голод в неурожайный год. Захватив тогда весь собранный урожай, он не пустил ни одного воза в столицу. Новгородцы ели сосновую кору, липовый лист и мох, отдавали детей тем, кто хотел их взять, томились, умирали, умоляли князя пропустить обозы, но он был неумолим. Делегацию, которая пришла с этой просьбой, он заковал в цепи и отправил в Торжок.

На предложение Мстислава пропустить обозы с хлебом он ответил резким отказом и стал готовиться к битве. Мстислав, вопреки воле князя, собрал новгородское вече и заразил горожан своим мужеством, призывая выступить против вероломства и коварства их князя.

В помощь Мстиславу из Смоленска прибыл юный Владимир Рюрикович, выступили и другие князья. Битва произошла на широком Липецком поле.

Ярослав расположился со своими войсками на горе. Мстислав с новгородцами и союзными силами встал на другой горе и велел «отборным молодцам» напасть на полки Ярослава, воины которого, видя движение в стане новгородцев и смолян, посчитали, что те хотят отходить, и бросились со своей горы, чтобы преследовать их. Однако они горько ошиблись: защитники Новгорода с чистою совестью «пошли ломить стеною».

Мстислав, учредив свой строй, первым делом, как и установилось на Руси, обратился с горячей речью к новгородцам, смолянам и псковичам: «Друзья и братцы! — сказал он им. — Мы вошли в землю сильную, станем крепко, призвав Бога помощника. Да никто не озирается вспять: бегство не спасение. Кому не умереть, тот будет жив. Забудем на время жён и детей своих. Сражайтесь, как хотите: пешие или на конех». Решили идти пешим строем. Летописцы живо представляют ужас битвы, когда «сын шёл на отца, брат на брата, слуга на господина».

Последствия Липецкой битвы 1216 года оказались впечатляющими: только со стороны побеждённых полегло на месте 9233 человека. Смоляне нашли в стане врага договорную грамоту Ярослава и суздальского князя, по которой те хотели делить между собой всю Россию, с севера до юга.

Во второй четверти XIII века на русские земли внезапно нахлынула «неслыханная рать». Пришла новая великая беда. Лаврентьевская летопись конца XIV века откликнулась на это событие волнительными словами: «Явишася языцы, их никтоже добре ясно не весть — кто суть и отколе изыдоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их и зовут я». Битва произошла на реке Калке 31 мая 1223 года и была первым кровопролитным сражением русичей с татаро-монголами.

Завоевав Закавказье, монголы двинулись дальше, вторглись в половецкие степи. Пред лицом такого сильного противника половцам не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к русским князьям. Н. М. Карамзин пишет по этому поводу: «Уже войско наше стояло на Днепре у Заруба и Варяжского острова; там явилось десять послов татарских. „Слышим, — говорили они князьям Российским, — что вы, обольщенные половцами, идёте против нас; но мы ничем не оскорбили россиян, не входили к вам в землю, не брали ни городов, ни сёл ваших, а хотим единственно наказать половцев, своих рабов и *конюхов.* Знаем, что они издревле враги России; будьте же нам друзьями; пользуясь случаем,

отомстите им ныне, истребите злодеев, и возьмите их богатство“» [III. 485].

В ответ на это послание половецкий хан Котян сказал галицкому князю Мстиславу, приходившемуся ему зятем: «Сегодня они отнимут нашу землю, а завтра возьмут вашу». Южнорусские князья собрались в Киеве, чтобы обсудить, как им поступать дальше. В итоге они решили встречать врага на чужой, а не на своей земле. Половцы за обещанную помощь одарили русских князей богатыми дарами (верблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами), а хан Бастый после этого даже принял православную веру. Боясь нашествия монголов, творивших ужасы жестокости и насилия на захваченных землях, многие половцы уходили в Киевскую область со своими жёнами, скотом и богатством.

Первое посольство, присланное татарами в русский стан, было перебито. Узнав об этом, татары прислали новых людей, которые, встретив войско русское на берегах Днепра, близ Олешья, сказали русским князьям: «И так вы, слушаясь половцев, умертвили наших послов и хотите битвы? Да будет! Мы вам не сделали зла. Бог один для всех народов: Он нас рассудит».

Князья, удивлённые их словами, отпустили послов с миром и стали ждать подхода остальных своих войск. Мстислав Романович, Владимир Рюрикович и князья Черниговских уделов привели под своими знамёнами киевлян, людей из Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска; к ним присоединились Волынцы и галичане, приплывшие в ладьях. Они стали у реки Хортицы. Половцы также пришли вовремя и огромными толпами расположились на правом берегу Днепра.

Услыхав, что татары приблизились вплотную, юный галицкий князь Даниил поскакал им навстречу и, вернувшись, доложил о приходе татар командующему союзными русско-половецким силами, князю Мстиславу Романовичу. Тот с тысячью воинов ударил отряд татарский и разбил его наголову. Н. М. Карамзин пишет о мужестве и искусстве русских стрелков в этом сражении. Окрылённые успехом русичи вместе с половцами переправились через Днепр и шли девять дней до реки Калки (которая ныне носит название Калица и протекает близ Мариуполя).

Численность татарского отряда, который впервые столкнулся с русскими силами, составляла более двадцати тысяч воинов. В летописи отсутствуют сведения о численности русских воинов, но, исходя из других, более ранних сведений, можно сделать вывод, что их было от 12 до 20 тысяч.

Князь Мстислав, командовавший объединёнными русско-половецкими силами, сначала произвёл разведку. Осмотрев предстоящее

поле боя, он приказал своему войску готовиться к решительному сражению. Битва началась удачно. «Пылкий Даниил изумил врага мужеством, — пишет Н. М. Карамзин. — Вместе с Олегом курским теснил густые толпы их, и копием в грудь уязвлённый, не думал о своей ране. Мстислав Немой, брат Ингваря луцкого спешил ему на помощь, и крепкою мышцею разил неприятелей».

Монгольский авангард стал отходить. Русские и половцы начали их преследовать и в этой суматохе смяли свой строй. Переправившись через Калку, они вдруг встретили главные силы врага, основное ядро татаро-монгольского войска. Первыми побежали с поля боя половцы, чем ещё более расстроили свои и общие ряды. Не выдержав натиска, часть их стала отступать.

Однако другая часть, возглавляемая киевским князем Мстиславом Старым, храбро и мужественно сражалась три дня против во много раз превосходивших их численно врагов. Оставив относительно небольшие силы осаждать киевлян, татарские полководцы Субудай и Джебэ организовали преследование бегущих галичан, волынцев и черниговцев.

И в этой фазе битвы особо отличился Владимир Рюрикович. Его дружина, замыкавшая русскую колонну, успела «исполчиться» для боя. В результате смоляне смогли разбить преследовавших их татар и благополучно добраться до Днепра. Вернувшись затем в Киев в одиночестве, сохранивший силы смоленский князь занял после гибели Мстислава Старого освободившийся великокняжеский престол. С осаждёнными же под Калкой киевлянами случилась страшная трагедия. Атаман бродников Плоскиня, посланный на переговоры к татарам, обманул киевского князя. Подкупленный во вражеском стане, он, когда вернулся, поклялся на кресте, что ему обещали отпустить всех русских воинов, если они сложат оружие. Мол, в этом случае никто из них не будет убит, а князей и воевод тоже всех отпустят по домам. И ему поверили. Татаро-монголы, как всегда, своего обещания не выполнили: все русские князья и военачальники были положены под доски и, как уже ранее упоминалось, задушены победителями, усевшимися сверху пировать. Простых воинов татары потом увели в рабство.

Другие летописные источники трактуют ответ татар так: в договоре, мол, было сказано, что не прольётся ни одна капля крови князей, поскольку считалось позорным умереть не в бою. Формально обещание это было исполнено, ведь никто из князей и военачальников не был убит — они сами погибли позорной смертью под досками, положенными сверху.

С битвой на Калке сохранившаяся летописная повесть связывает гибель 70 русских «храбров». О монгольских и половецких потерях

в ней ничего не сказано. В битве уцелела только десятая часть русского войска. Много достойных мужей погибло. Русской земле был нанесён тяжёлый урон. Но это была лишь только пощёчина, нанесённая Руси. Так сказать, прелюдия того страшного безвременья и бед, которые принесли затем татаро-монголы.

После победы на Калке они вторглись в пределы русской земли и дошли почти до Киева. Однако, узнав о приближении к городу больших русских сил из Владимира, повернули назад. Так было остановлено первое татарское нашествие под предводительством Чингисхана. Должных уроков из битвы на Калке русские князья, конечно, не вынесли. Силы их перед лицом мощного врага оказались раздробленными и разобщёнными. Пройдёт 14 лет, и татаро-монголы снова появятся на границах Южной Руси. Они также придут с огромными силами и покорят Русь.

Существующая летописная повесть о битве на реке Калке появилась вскоре после происшедших трагических событий. Автором её был, очевидно, южанин, поскольку битва происходила на юге Руси. На севере же повесть затем была переработана и дополнена. До нашего времени она дошла в двух редакциях — краткой и пространной. В краткой редакции само сражение не развернуто художественно, но о потерях автор не забыл сказать. Только одних киевлян пало 10 000. «И бысть плач и туга в Руси и по всей земли слышавшим сию беду», — этими словами автор заканчивает своё повествование. Включив ряд новых эпизодов в пространную редакцию, автор поведал и о переговорах половцев с русскими князьями, и о самом сражении на Калке. Враги напали, как уже было отмечено ранее, в первую очередь на половцев. И они, естественно, обратились к русским князьям за помощью. «Сегодня они одолеют нас, — сказали они, — а завтра победят вас». В битве перед татарами впервые предстала уже объединённая русско-половецкая рать.

Освещение событий битвы начинается с подвига князя Мстислава, который первым перешёл Калку. Битва началась утром. Первыми послали сторожу под командованием старого опытного воина, сподвижника Мстислава по Липицкой битве, Яруна. Его дружина заняла позицию вдоль реки. Черниговцы встали у переправы по обоим берегам Калки. Войска князя Даниила Романовича выдвинулись вперёд в качестве основной ударной силы, первой вступившей в битву и рубившейся с беспримерной храбростью. Под её могучими ударами татаро-монгольский авангард стал отступать. Русские бросились в погоню, но потеряли строй и в таком разреженном виде столкнулись с подоспевшими главными татарскими силами. Летопись подробно повествует о событиях в центре

сражения, где действовали Даниил, князь луцкий Мстислав Ярославич Немой (его двоюродный дядя) и Олег Курский.

Именно они, переправившись первыми через реку, неожиданно натолкнулись на свежие силы противника, нанёсшего им страшный удар. Они его не выдержали и бежали. Именно эту причину летописец ставит в основу своего повествования. Новгородская летопись видит причину поражения в бегстве половцев, а Суздальская объясняет успех битвы вводом монголами в бой дополнительных сил. Конкретизируя изложенное, летописцы утверждают, что быстрее других добилось успеха монгольское правое крыло атаки. Половцы, смяв и расстроив уже готовые к выступлению полки черниговского князя Мстислава, обратились в бегство.

Бегущих русских и половецких воинов преследовали до Днепра. Князья Мстислав и Даниил первыми достигли этой реки, сели в лодки и оттолкнули от берега оставшиеся свободными ладьи, так как опасались татарской погони. Тем самым они не дали возможности переправиться остальным русским воинам.

Вторая часть монголов осадила стан киевского князя. Он оставался на месте, никуда не двигаясь, и отбивал атаки врага три дня. С битвой на реке Калке летописная повесть связывает гибель русских «храбров». Однако в целом произведение повествует об отваге и удали защитников Русской земли.

В числе её героев оказался также молодой князь Владимир Рюрикович. Когда в 1203 году волынский князь Роман Мстиславич насильно постриг в монахи его отца, великого князя Рюрика Ростиславича, своего тестя, то его сыновей, Ростислава и Владимира, увёз в Галич. Братья остались на свободе. Уже в 1206 г. вместе с отцом, Рюриком, который после смерти волынского князя Романа расстриг себя, вернувшись к политической и государственной деятельности, сыновья ходили против детей Романа. В том же году Рюрик посадил своего сына Владимира княжить в Переяславле, а в 1213 году — в Смоленске. В 1223 году, после гибели в Калском сражении киевского князя Мстислава Романовича, он занял киевский стол как старший из Ростиславичей. Правда, к этому времени Киев, столица русской средневековой империи, потерял своё былое величие.

В 1228 году, зная и помня о давнишней вражде отца с Романом Мстиславичем, Владимир пошёл войной на его сына, Даниила Романовича. Напрасно митрополит пытался предотвратить вражду. «Такие дела не забываются», — говорил Владимир. Он собрал многочисленное войско, предварительно заключив союз с половецким ханом Котяном и черниговским князем Михаилом. Однако Даниил Романович опередил его, сумев договориться с ханом, который

и расстроил все планы Владимира. Наступил мир. Киевский и галицкий князья стали союзниками. В 1232 году Владимир пришёл на помощь Даниилу в борьбе против галичан и венгров, а на следующий год Даниил привёл свою дружину, чтобы помочь Владимиру отбиться от черниговского князя Михаила. Вскоре Владимир и Даниил снова оказались вместе. Сообща они воевали против половцев. Н. М. Карамзин свидетельствует: «Владимир, слыша о нашествии половцев, ведомых к Киеву Изяславом, внуком Игоря северского, умолил Даниила идти к ним навстречу. Когда же они сошлись с неприятелем близ Торческа, Владимир, испуганный многочисленностью варваров, хотел удалиться от битвы. „Нет! — сказал Даниил, — ты заставил меня против воли с дружиною утомлённою искать врагов в поле; теперь, видя их перед собою, могу единственно или победить, или умереть“». Долго сражались Даниил и Владимир как герои, однако вынуждены были спасаться бегством, так как были жестоко разбиты. Половцы, усиленные черниговцами, взяли Киев. Владимир со своей супругой и воинами попал в плен и освободился только через год или два, когда в Киеве уже княжил Изяслав.

Дальнейшая судьба этого отважного князя, героя борьбы с татарами, затерялась где-то в запутанных лабиринтах истории. Летопись уже больше ничего не говорит о нём и его деяниях. Ясно одно: Смоленская земля и её люди храбро проявили себя на полях брани, защищая отечество от вражеских посягательств. Однако они проявили себя не только на полях сражений, но и в других сферах жизни: Смоленщина дала миру выдающихся учёных и писателей, прославивших её во веки веков.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬ РУСИ

Воспрянь, брат, и позаботься мысленно о своей душе, служи Господу со страхом и не возносись в уме своём.

Из послания Симона Поликарпу

В 1892 году Х. М. Лопарев, известный собиратель древних русских рукописей, опубликовал «Послание, написанное Климентом, митрополитом русским, Фоме пресвитеру, истолковано Афанасием Мнихом». Так в научный обиход вошло неизвестное ранее имя ещё одного русского религиозного и культурного деятеля XII века. Занимая митрополичью кафедру в Киеве, Климент называл себя Смолятичем, подчёркивая свои нерасторжимые связи со Смоленщиной. Как можно установить из существующих немногочисленных источников, здесь он долгое время жил и был священником в Зарубе — большом и богатом селении на берегу Днепра. Этим селением владела Рогнеда, родная сестра смоленского князя Ростислава Мстиславича.

История возникновения послания загадочна. Очевидно, за ним стояли события драматические, о которых намекают другие литературные памятники того времени. Летопись говорит о Клименте Смолятиче: «…И быть книжник и философ так, каких в Русской земле не бывало». Это был второй русский по национальности митрополит со времени крещения Руси. Первым считается Иларион, создатель «Слова о законе и благодати». Климент, избранный большинством русских епископов в 1147 году, получил высокий духовный сан в Киеве, не прерывая связей со Смоленщиной, где прошло его детство, а может быть, и юношеские годы; где он получил превосходное образование, сформировался духовно и нравственно. Обо всём этом приходится упоминать в связи с тем, что

в последнее время настойчиво внедряется версия, будто бы этот русский митрополит не был смолянином, поскольку фамилии людей на Руси составлялись преимущественно по именам отцов (Петров — сын Петра, Иванов — Ивана и т. д.), а не по названию сёл и городов. Отметим сразу же, что подобные утверждения далеко не безупречны в научном отношении, так как существует немало примеров иного рода. Так, Кирилл Туровский, современник Смолятича, назывался по имени города, где был епископом. Можно приводить и другие аналогичные примеры: Андрей Боголюбский, Симеон Полоцкий и т. д. «Смолятич» звучит необычно, чаще говорилось «смольнянин». Но тут надо иметь в виду особое положение смоленского княжества (на стыке трёх образовавшихся впоследствии этносов — русского, украинского и белорусского), что нашло своё отражение в языковых особенностях смоленского диалекта. На Смоленщине сохранились названия селений, аналогичные белорусским: Ершичи, Хиславичи, Сухиничи и т. п. Как бы предвидя современные споры о нём и его родине, в послании пресвитеру Фоме Климент Смолятич дважды употребил слово «сябры» — из основного словарного фонда современного белорусского языка. Слово это часто встречается и в разговорной речи смолян преклонного возраста, подтверждая близость к Беларуси с далёких исторических времён. Если бы Климент Смолятич не был связан со Смоленщиной тесными узами, то какой резон ему было писать ответ какому-то смоленскому священнослужителю и обсуждать с ним сложнейшие вопросы веры? Более того, из его послания можно установить, что митрополит переписывался не только с духовными лицами Смоленска, но и с князем Ростиславом Мстиславичем.

«Прочитав писание твоей любви, хотя и не сразу, я удивился, а в память свою углубясь, очень восхитился твоим благоразумием, возлюбленный мне о Господе брат Фома, — пишет митрополит смоленскому пресвитеру. — Есть в письме твоём любезное порицание нашего тщеславия. И так с радостью прочёл я преславное твоё писание в присутствии многих слушателей и перед князем Изяславом, указав при этом и повод, по которому ты мне пишешь. И ты, любимец, не суди строго написанную мною к тебе грамоту.

Ты говоришь мне: „Тщеславишься в писаниях своих, философа из себя строя“ — а прежде всего сам себя изобличаешь. Разве я тебе что-нибудь писал? Не писал и писать не хотел.

Говоришь мне: „Философию излагаешь“ — но это ты пишешь весьма несправедливо. А что пренебрегши обычными для чтения сочинениями, излагал я Гомера, и Аристотеля, и Платона, которые были прославлены в греческих странах, то, если и писал так, то не к тебе, а к князю, и к тому же не часто.

А что ты жалуешься, будто я тебя задел, то Бог мне свидетель, что не для испытания твоего благоразумия, а бесхитростно я писал. И если ты этого не можешь уразуметь, то напрасно указываешь мне на учителя своего Григория, говоря: „С Григорием беседовал я о душевном спасении“. А разве я когда-либо похулил или укорил Григория? Но ещё раз признаю, что он не только праведен, но и преподобен, а если не будет дерзостью сказать, то и свят он! Но если он тебя этому не научил, то не знаю, каким образом хочешь ты руководить порученными тебе душами, когда и Григорию, и тебе это неизвестно.

Да, странно ты говоришь мне, что я ищу славы. Вот я назову тебе желающих славы. Это те, которые присоединяют дом к дому, и сёла к сёлам, приобретают изгоев, и сябров, борти и пожни, пустоши и пашни. От всего этого я, окаянный Клим, вполне свободен; но вместо домов и сёл, бортей и пожней, сябров и изгоев у меня — четыре локтя земли, чтобы могилу выкопать, и эта моя могила на глазах у многих. И если я свой гроб вижу ежедневно по семь раз, то не знаю, с чего бы это мне тщеславиться, — ведь нет мне иного пути до церкви, как только мимо могилы. А если бы я захотел славы, то это не было бы удивительным, ибо, по словам великого Златоуста, богатство презрели многие, а славу — никто. И тогда прежде всего, по мере своих сил, я искал бы власти, но Ведающий сердца и утробы, Он один знает, сколько я молился, чтобы избавиться от неё. Если же так случилось по Его промышлению, то не подобает мне противиться этому. Отселе, любимец, я уж не буду давать тебе ответа, но к вопросу побуждаю твоё благоразумие».

Взойдя на русскую митрополичью кафедру, Климент Смолятич при поддержке великого киевского князя Изяслава Мстиславича, родного брата смоленского князя, начал проводить в жизнь свою программу духовного развития Руси. Судя по его посланию, он полагал, что общее образование русских священнослужителей должно строиться не только на чисто богословской основе, но с привлечением дополнительно целого ряда дисциплин «светского» характера: философии, риторики, искусства, литературы. Составной частью этого «светского» ядра в общем образовании должна была стать, по его убеждению, античная культура, «прославленная в греческих странах».

Именно эти сложнейшие проблемы Климент обсуждал в письмах к смоленскому князю. Этой стороны программы русского митрополита коснулся и пресвитер Фома, считая античный элемент в составе христианской духовности инородным телом, явным отступлением от православной веры. И он упрекнул митрополита в тщеславии и гордыне, в стремлении поставить себя выше других, подняться над ними. На все упрёки его Климент Смолятич должен был дать ответ. И он дал достойный митрополита ответ.

Смоленский священнослужитель обвинил высшее духовное лицо Руси в отпадении от истинной христианской веры. Обвинение было предъявлено по самому большому счёту. И митрополит должен был защищаться, что он и сделал в высшей степени превосходно, показав, насколько велик его отрыв от уровня духовного развития смоленского священника.

«Отселе, любимец, — пишет он Фоме, — я уж не буду давать тебе ответа, но к вопросу побуждаю твоё благоразумие». И он, побуждая благоразумие своего оппонента, советует ему творчески мыслить, а не догматически повторять сказанное другими людьми: «Не подобает ли тщательно вникать в Божественные писания? И последуем ли мы за блаженным Соломоном, говорящим в притчах: „Если утвердишь око своё на него, ни с кем не сравниться тебе“. Что, и Соломон, славы ища, так пишет? Или ещё, славы ища, он пишет: „Премудрость создала себе храм и утвердила семь столпов“? Соломон так говорит: „Премудрость создала себе храм“. „Премудрость“ — Божество, а „храм“ — человечество, ибо истинный наш Христос Бог, как во храм, вселился в плоть, воспринятую им от Пречистой владычицы нашей Богородицы. А „утвердил семь столпов“ — означает семь соборов святых и Богоносных наших отцов.

Или опять, что говорит родитель Соломона [Давид]? „Возлюбили рабы твои каменья, и о прахе его жалеют“. Да о каменьях ли и о прахе говорит Богоотец? Или, любимец, велишь мне разуметь здесь каменья и прах, когда Богоотец говорит об апостолах?

Если же я читаю из книги Бытия Боговидца Моисея: «И сказал Господь Бог: „Вот стал Адам, как и мы, как один из нас, и теперь как бы не простер он руки своей и не взял от дерева жизни!“» — то это ли читаю я тщеславия ради?»

Конечно, цитирование священных книг не может рассматриваться как тщеславие. В данном случае Фома был не прав, потому что в его устах эти слова звучали оскорбительно.

«И что для меня, брат, Иаков и две жены его, Лия и Рахиль, если просто читать об этом, а не понимать духовно? Ибо Иаков — образ Бога всех, то есть Бога двоякого рода людей — и израильтян, и язычников. И как израильтяне покров имели на сердце своём, то есть были наклонны к неверию, а язычники отличались правильной верой, так и Иаков имел две жены: Лию — образ израильтянки, потому и глазами она болела, что израильтяне покров имели на сердце, и Рахиль — образ язычницы, потому и божественное Писание называет её прекрасной, что язычники, преуспев в правильной вере и искренне уверовав в Спасителя, с корнем исторгли неправду. Прообразом же этого была Рахиль: вот почему она и идолов своего отца украла».

И в этом случае митрополит разъясняет священнику Фоме сложнейшие вопросы внедрения христианского учения. Прообразы митрополита подчёркивают разницу между израильтянами и язычниками по отношению к принятию христианства. В данном случае язычники выступают как резерв христианского вероучения. В таком же духе истолковываются и другие прообразы.

«Что для меня хромота Иакова? — ставит вопросы митрополит. — Что мне за печаль, если хромает Иаков? Он боялся брата своего Исава, и Бог, желая сделать Иакова смелым, боролся с ним, ибо с Богом укрепишься, а с человеком — нет. Опять же, Иаков был образом воплощения Божьей славы; поэтому Бог и повредил ему голень, ибо божеское естество было крепче человеческого. Что, если о Заре и Фаресе я вынужден разуметь иносказательно, разве и это есть тщеславие? Зара и Фарес — прообразы двоякого рода людей: Фарес — израильтян, а Зара — язычников. Зара и руку прежде выставил потому, что он до закона [Моисеева] [праведное] житие показал, ибо и прежде закона некоторые отличались благочестием, живя не по закону, но по вере. А красная нить была прообразом бывших до закона жертв, которые приносили Авель, Енох, Ной, Авраам. А когда Зара опять руку вовлёк — это означает, что покинуло его то благочестие. Явился Фарес, ибо закон есть преграда. <...> Ибо о них божественное Писание говорит. В первых книгах Моисеевых, в которых написано об Аврааме и о прочих, упоминается и об Иуде, от которого по плоти произошёл Христос Бог наш, и о том, как Фамарь, сноха его, украсившись наподобие блудницы, его соблазнила. Но да не будет же осуждён за это Иуда, ибо он не был блудником и по неведению сделал это. Скажу же, что и Фамарь, хотя и с намерением совокупилась, но совокупилась не ради прелюбодеяния, а для того, чтобы родить».

И далее следует глубочайшее толкование и этих библейских прообразов.

«Смотри, как Фамарь получила от Иуды залог, не платы желая, но рассчитывая, что тотчас от совокупления сможет зачать. А если бы она не взяла этого залога, то, будучи осуждённой Иудой на смерть, умерла бы, и не поверил бы Иуда словам её, что от него зачала она. Но смотри, как она посылает к нему, говоря: „Чей это залог?“ И узнал Иуда перстень свой, печать и жезл, и сказал: „Оправдалась Фамарь“. Осудивший прежде её на смерть, потому что услышал о её согрешении, потом, убедившись в своём совокуплении с ней, уже оправдывает и очищает её [от вины], так как не отдал её [другому] сыну своему — Силому. Ибо за грехом и осуждением следует смерть, за правдой же и очищением последует жизнь — поэтому и Фамарь оправдалась. И зачав таким образом, родила сыновей — образ закона

и благодати, Зару и Фареса. И когда приблизилось время родов её, Зара прежде руку высунул, и, ожидая рождения его, навязали ему на руку красную нить. А когда он обратно руку вовлёк, родился Фарес, ибо Фарес [«закон»] — преграда для прежде бывшего благочестия и для будущей благодати.

Почему же Зара высунул руку прежде, чем родился Фарес? Не потому ли, что он был образом благочестия и благодати? А тем, что руку высунул, он показал на благочестие, которое обнаружили Авель, Сиф, Енох, Ной и Авраам. Красная же нить была образом крови и приносимых Богу жертв. Таким образом, показав рукою на предшествующее, Зара предоставил явиться прежде закону, то есть Фаресу, а потом и сам он вышел. Оба же они были прообразами, то есть предвозвестили два рода людей: Фарес — израильтян, а Зара — язычников.

Смотри же теперь, как оправдываются Иуда и Фамарь, что не ради прелюбодеяния они это совершили, не потому, что хотели остановить разжение похоти. Ведь если бы Фамарь этого захотела, то не искала бы Иуду, когда многие другие мимо неё проходили; но именно от Иудиного племени она пожелала разрешить узы своего бесчадия. А если бы её плод был от той мнимой, скверной и нечистой похоти и беззакония, вопреки промышлению Божьему, то Бог не прообразовал бы её плодом будущую тайну великого своего промышления, чтобы совершить избавление. Ибо явился Христос, чтобы удалившееся, ослабевшее и погружённое в беззаконные страсти естество человеческое исцелить. И это удаляющееся и убегающее от Бога естество он улучил и, приблизив, к себе привёл. <...>

Аполлинариево безумие стыдится говорить о совершённом воплощении и вочеловечивании истинного нашего Спасения, как будто стыдясь видеть это, и считая грехом прилагать это к Христу Спасителю, к тому, который безгрешным пришёл и принял образ раба, и вочеловечился для ослабления греховной силы. Но поскольку „везде там, где Бог, нет греха“, чем же он может оскверниться? Ибо ничто не скверно, кроме греха. Поэтому многие очевидцы и сподвижники Христовы с дерзновением об этом поведали, не находя никакой мнимой хулы в отношении плоти и поучая об этом.

Другие же считают это хулою, и припоминают Зару и Фареса, и говорят, будто бы они от прелюбодеяния родились. Нет, не от прелюбодеяния они родились. Но когда, по промышлению Божию, Фамарь, вышедши замуж за первого сына Иудина, а потом за второго, осталась без совокупления, то лучше было бы ей тогда [в замужестве] зачать, чем от одного совокупления с Иудой. Но нося тогда во чреве узы бесчадия, вместо чадородия, от одного только совокупления она разрешилась, и зачав таким образом, родила этот

богознаменитый плод. Ибо „Бог есть огнь поедающий и очищающий от грехов“.

Всем тем, что тогда в завете с Авраамом совершил Бог, он преобразовал будущее. А если же всё подзаконное захотим мы призвать к ответу, то и некоторых из двенадцати патриархов осудить пожелаем, потому что и их матери не все законным браком сочетались с Иаковом, а только Лия и Рахиль, взятые в жёны по завещанию отцовскому. Но если всё это будем исследовать и судить, то и сами как бы пожелаем стать богами. Ибо „если Господь оправдывает, то кто осуждает?“

Потом же, по истечении лет и родов многих, явился Моисей, который и боговидения на Синайской горе сподобился. Бог вручает ему закон, на скрижалях каменных написанный, повелевая израильтянам быть под законом. С появлением закона уже прекратилось „заветное“ многожёнство, а узаконилось сочетание с одной женой; ибо закон упразднил завет, а благодать упразднила и то, и другое — завет и закон. Когда воссияло солнце, то есть ли нужда всему миру пребывать во мраке? Лучше подобает ему осветиться пресветлыми лучами. Так же и Христос Бог наш, солнце праведное, озарил нас божественными зорями и просветил своим крещением, „и вот всё ветхое прошло, и стало все новое“, и уже не теснится в законе человечество, но под благодатию свободно ходит, ибо вся преграда закона пала, будучи только образом будущего, но не самой истиной».

«Опять же вспоминаю о своём письме к князю твоему, а моему истинному господину, — продолжает свои разъяснения Климент. — Поскольку и пиявицы той не остерёгся! „Пиявицей“ же называет Писание и власть, и славу, ибо эти вещи преследуют и египтян, и иерусалимлян. Египтяне — это мирские люди, иерусалимляне же — монахи. Славы же и власти желают не только миряне, но и монахи, и стремление к ним преследует нас до гроба. Если даже кто из нас и глубокой старости достигнет, то и тогда никак славолюбия оставить не может, ибо „и повелитель мой изнемог из-за чувственных и [не] вещественных разбойников, переходя от Иерусалима к Иерихону“.

„Повелителем“ ум называется, поэтому и говорится: „Ум мой изнемог от чувственных и невещественных разбойников“, а разбойниками называют бесов. „Иерихон“ же означает мир, ибо и в Евангелии Господь наш Иисус указывает, говоря: „Человек шёл из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежды и изранили его“. Иерусалимом называется эдем, а Иерихоном — мир; человек идущий — Адам, разбойники же — бесы, ибо их обманом лишился Адам боготканных одежд. Ранами же называют грехи.

Где здесь излагал я философию, недоумеваю. Христос сказал святым ученикам и апостолам: „Вам дано знать тайны царствия, а для прочих — притчи“. Не в том ли, любимец, моя философия, которою я ищу славы от людей, что описанные у евангелиста чудеса Христовы хочу разуметь иносказательно и духовно?

Что мне в том, если о дочери князя Иаира я вопрошал иносказательно, и если рассказ об этом объясняет мне то-то и то-то? Что, если о дочери хананеянки хочу исследовать духовно? Что, если ищу значения в рассказе о кровоточивой? Что, если спрашиваю евангелиста о пяти хлебах и двух рыбах? Что, если ищу значения в рассказе об усохшей смоковнице? Что, если исследую о той вдовице, которая бросила два медяка в святилище храма?

Но молюсь: да будет моя тёмная душа, как та вдовица, и да вбросит она два медяка в святилище: от плоти — целомудрие, и от души — смирение.

Что, если я спрашиваю евангелиста о ловле рыб? Что в том, если хочу исследовать иносказательно об исцелении больного водянкой? Все эти божественные знамения и чудеса Господа нашего Иисуса Христа, которые упоминаются в святом Евангелии, я намеренно припомнил. А если святые и божественные отцы наши добавили нечто подобное к Господним словам, чтобы разъяснить и истолковать их, то это весьма полезно, хорошо и похвально. И всё это столь же чудно и славно, сколь и сама истина, то есть что Господь наш на самом деле чудо сотворил и знамение показал, воскресив дочь князя Иаира, бывшую мёртвой и совершенно бездыханной. Если же о хананеянке вспомним и о кровоточивой, о пяти хлебах и о двух рыбах, или об усохшей смоковнице, или о той вдовице, вбросившей два медяка в святилище, или о ловле рыб (о чём у евангелиста Луки), и об исцелении больного водянкой, — то это всё по истине так было, как евангелист повествует. То есть Господь наш не только в притчах, но и на самом деле показал свои божественные знамения и чудеса.

Что мне до самарянки, свята ли она? Или о её пяти мужьях, и о шестом, или о колодце Иакова, о сыновьях его и о скоте их? Но не хочешь ли узнать, что говорит мне отец, Гераклийский епископ? Самарянка — душа, а пять мужей её — пять чувств, шестой муж её — ум; колодец Иакова — напоминание об Иакове, сыновья Иакова — добродетели, скот же — добрые помыслы».

Чем объяснить такой накал полемики между митрополитом всея Руси и простым священником смоленским?

Крайне критическое отношение смоленского пресвитера к митрополиту в какой-то степени можно объяснить тем, что на соборе 1147 года смоленский епископ Мануил (грек по национальности)

проголосовал против Климента, полагая, видимо, что тот недостоин занимать столь высокий пост, поскольку является лишь священником сельской церкви, к тому же без благословения патриарха. Аналогичную позицию занимал и смоленский князь Ростислав Мстиславич, которого, может быть, уязвило то, что брат его, великий киевский князь, не согласовал с ним кандидатуру Климента при выдвижении его на высокий пост.

Отвечая Фоме относительно тщеславия, Климент решительно отверг это обвинение. По его словам, честь и слава портят людей и светских, и священнослужителей, разжигает в них алчность, стремление к обогащению и славе. Излагая далее свою программу нестяжательства, он обличал тех людей, которые вместе со славой «присоединяют дом к дому, и сёла к сёлам, приобретают изгоев и сябров, борти и пожити, пустоши и пашни». Он же, в отличие от таких людей, мечтает только о «четырёх локтях земли, чтобы могилу выкопать». Видимо, проблемы, затронутые Фомой, были весьма актуальны. Недаром они затрагиваются и в «Слове о полку Игореве», когда автор осуждает Игоря и его союзников за то, что те хотели похитить себе славу современную, а прежнюю поделить между собой.

Чтобы ещё более убедить своего оппонента, митрополит счёл необходимым дать ему несколько уроков истинного понимания «Божественного писания, что поможет ему тщательно вникнуть» в суть сотворённого Богом мира. В связи с этим он ссылается на притчи Соломона, отца его Давида, книгу Бытия Моисея, учёные труды Никиты Серрона (епископа Гераклийского), византийского богослова Федорита Кирского, Григория Богослова, Аристотеля, Платона, Плиния и других выдающихся мыслителей. С. ссылкой на Соломона «блаженного» он пишет: «Премудрость создала себе храм, а „храм“ — человечество, ибо истинный наш Христос Бог, как во храм, вселился в плоть, воспринятую им от Пречистой Владычицы нашей Богородицы. А утвердил семь столпов — означает семь соборов святых и богоносных наших отцов».

В рассматриваемых святых писаниях Климент Смолятич выделяет прообразы, «не просто читая», а «понимая духовно», чтобы правильно истолковать их с точки зрения истинного христианского миросозерцания. Так, в его интерпретации Иаков — прообраз «двоякого рода людей», иудеев и язычников: «Если иудеи были склонны к неверию, то язычники отличались правильной верой». Это очень любопытное толкование. Оно полностью солидаризируется с толкованием Илариона. Язычники — это своего рода резерв христианской церкви, поэтому им отдаётся предпочтение перед иудеями, явными противниками новой веры. В таком же ракурсе истолковывает русский митрополит и другие сюжеты божественных книг.

Жён Иакова — Лию и Рахиль — он относит к разным прообразам. Первая — иудейка, вторая — язычница. Первая не поддаётся никаким отступлениям от своей веры, вторая, напротив, легко уверовала в Христа. Под пером митрополита она предстает «прекрасной» женой. Как и все её сородичи-язычники, «преуспев в правильной вере и искренне уверовав в Спасителя», она «с корнем исторгла неправду» старой языческой веры. Она и идолов своего отца украла, чем поспособствовала быстрейшему принятию им христианской веры. И Иаков явился воплощением «Божьей славы».

Детальное истолкование христианских прообразов составляет отличительную особенность повествовательного стиля Климента Смолятича. В этом плане он бесподобен, изобретателен, умён, поразительно начитан, вполне стоит на высочайшем уровне своего предшественника Илариона, который полагал, что мир в своём развитии прошёл через три стадии: на первой Господь дал Аврааму «завет», на второй вручил «закон» Моисею на Синайской горе, а на третьей Иисус Христос ниспослал всем народам «благодать» как православную веру.

В «Слове о законе и благодати» в яркой художественной форме Иларион развернул свою систему «разгадки» прообразов священного писания, использованную затем в качестве творческого опыта митрополитом Климентом Смолятичем. «Прежде, — говорит Иларион, — (был дан) закон, а потом благодать, прежде тень, а потом истина». Прообразы закона и благодати — Агарь и Сарра. Первая — прообраз иудеев, вторая — христиан. «Иудейство, — утверждает Иларион, — посредством тени и закона оправдывалось, но не спасалось. Христиане же поспешением истины и благодати не оправдываются, а спасаются». Создатель «Слова о законе и благодати» считал, что, хотя иудейство и прежде появилось на свет, «благодатью христианство стало большим, нежели оно».

Аналогичный сюжет раскрывает в своём послании Фоме и Климент Смолятич, повествуя о сыновьях патриарха Иуды, от которого по плоти произошёл Христос. Сноха Иуды, Фамарь, украсившись наподобие блудницы, соблазнила его. От этой незаконной связи родились близнецы — Зара и Фарес. При рождении Зара первым высунул руку из чрева матери. И руку его повязали красной нитью. Однако на свет он появился вторым, следом за Фаресом. «Оба они, — пишет митрополит, — были прообразами, т. е. предвосхитили два рода людей: Фарес — иудеев, а Зара — язычников. И то, что первый появился на свет раньше, не дает ему никакого преимущества перед братом-близнецом».

У Илариона Измаил, родившийся раньше Иакова, тем не менее меркнет перед ним, как бы уходит в тень. И Измаил у Илариона,

и Фарес у Климента — преграда «для прежде бывшего благочестия и для будущей благодати».

«Приточный» метод рассмотрения библейских текстов давал возможность Клименту Смолятичу не только находить «прообразы», опираясь на «готовые» сюжеты, но и составлять по их канве свои собственные «микрорассказы» в форме вопросов и ответов на них, напоминающие «диалоги» древнегреческого философа Платона. Именно таковы его рассказы о Ехионе, Ионе-пророке, Алкионе и его 14 днях, о Саламандре Прованском, опиравшиеся на сочинения Аристотеля, Плиния и Григория Богослова. Эти аналогии характерны для повествовательной манеры Климента Смолятича.

Эпистолярная проза русского митрополита принадлежит к популярному в то время жанру так называемой библейской экзегетики, стоящей на грани художественной литературы и литературной критики в нынешнем её понимании. При переводе с греческого языка русские книжники нередко пытались совершенствовать текст оригинала. Сокращая или дополняя его, они вводили новый материал, добиваясь наилучшей формы его выражения. Такой представляется внешняя сторона, обусловившая особенности вопросно-ответных произведений русской экзегетики. Привлекательна и внутренняя сторона, поскольку произведения этого жанра содержали разгадку неясного понятия путём замены его другим, более понятным, аналогичным ему по смыслу, поясняющим его, раскрывающим его значение. Не только законченные фразы, но каждое слово в этих произведениях получало образное выражение, а поэтому жанр библейской экзегетики позволял Клименту Смолятичу широко внедрять понятия и образы античной философии и литературы.

Послание митрополита отличается живым изложением, стянуто единой связующей нитью, что свидетельствует об огромном таланте их автора, проявившего особое пристрастие к «прообразам», зачастую к символическому способу объяснения существа церковных и мирских книг. Здесь чувствуется что-то идущее от древних Вед, от мифологических сказаний и притч, только с христианской «начинкой». Излагая проблемы от первого лица, используя факты личной биографии, как и Владимир Мономах, Климент Смолятич действовал в духе русских проповедников XI — XII веков — Луки Жидяты, Феодосия Печерского, архиепископа Ильи. Особенно близок он к Феодосию Печерскому, традиции дидактического красноречия которого обнаруживаются и при обсуждении кардинальных вопросов веры и неверия, а также в самой манере изложения проблем и даже в стиле повествования. Этот «диалог» митрополита

с пресвитером напоминает диалог Бояна и Ходыны в «Слове о полку Игореве».

Следует отметить большое полемическое искусство Климента Смо-лятича. Сила его аргументации неотразима, выводы бесспорны. Сквозь скрытый, подчёркнуто серьёзный тон нередко пробивается ирония, обезоруживающая противника, отнимающая у него желание продолжать спор. Такое искусство требовало, конечно, огромного духовного напряжения и большого мастерства.

Литература Древней Руси, выражаясь «старыми словесы», «многими красотами удивлена еси». Уже в своём раннем развитии она сумела разработать широко разветвлённую, стройную жанровую систему. И летописание, аналогов которому не знает ни одна литература мира; и красноречие, воскресившее и приумножившее традиции языческого и античного искусства; и жития святых отцов, исполненные «чудес», сопровождающих благую жизнь преподобных; и хождения, открывающие дали не только зримые глазом, но и духовно преображающие человека, — всё это звенья мощного, как водопад, творческого процесса.

Многие исследователи литературной традиции Киевской Руси были удивлены тем, откуда у нашей словесности такие высокие идеи и нерастраченные чувства, способные «обойти всю землю и выше небес взойти» (как выразился Иоанн, экзарх Болгарский, древнейший писатель и философ). К большому сожалению, в тени исследовательской мысли оказались эпистолярные жанры русской литературы. В представлении ученых-медиевистов они числились за пределами художественности, хотя были предельно насыщены литературной аурой, и, конечно, могли повлиять (и фактически повлияли) на развитие общего литературного процесса. Ярким примером может служить послание Климента Смолятича, оказавшее, бесспорно, большое влияние на современную и последующую русскую словесность.

Библиографический список

1. Сказание о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси. М., 1976. С. 293.
2. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. С. 393. Далее ссылки на это издание в тексте.
3. Послание, написано Климентом, митрополитом русским, Фоме, пресвитеру. Истолковано Афанасием мнихом // Златоструй. Древняя Русь X—XIII веков. М., 1990. С. 180. Далее ссылки по этому изданию.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. СМОЛЕНСКИЙ МОНАХ-УЧЁНЫЙ

Велика бо бывает полза от ученья книжнаго; книгами бо кажемии и учими есмы пути покаянью. Мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных; книгам бо есть неисщетная глубина; сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть...

Повесть временных лет

Рассматривая жизнеописания русских святых как древнейший литературный жанр, выдающийся учёный прошлого века В. О. Ключевский отметил высокую книжную культуру «Жития преподобного Авраамия» — произведения, по его словам, глубокого по содержанию, цельного и высокохудожественного. Смоленская письменность конца XII — начала XIII в. выдвинула житие местного святого, ни в чём не уступающее позднейшим произведениям этого жанра. Из традиционных форм русской агиографии следует отметить в нём, прежде всего, приступ, напоминающий приступ «Жития Бориса и Глеба». Литературные переклички можно обнаружить и с «Житием Феодосия Печерского». Традиционен плач по случаю кончины главного героя произведения. В то же время «Житие Авраамия Смоленского» отличает ряд важных художественных открытий, которые выделяют его среди других памятников агиографического жанра. Главный герой его не князь и не воитель, а обыкновенный рядовой монах.

Чтобы сохранить своеобразный стиль произведения, его художественную сердцевинную основу, воспроизведём авторский язык и стиль, приблизив произведение вплотную к его подлиннику.

По словам автора жития, блаженный Авраамий родился от правоверных христиан, которые хорошо и благочестиво жили по Божьим законам. Отца его все почитали и любили, он был в чести у князя, поистине все его знали. Был он украшен правдой, многим помогал в бедах, был милостив и спокоен со всеми, к молитвам и службам церковным прилежание имел. Мать его также была украшена всяким благочестием. И хотя была она не бесплодна — родилось у неё двенадцать дочерей, — но не было у них сына. И это было им по Божьему Промыслу. Они усердно молили Бога даровать им сына, принося многие обеты и милостыню в церкви и монастыри. И Бог услышал их, даровал им сына. И ещё когда он находился в материнской утробе, благодать Христа его прославила и призвала его, освятила и даровала его матери, как прежде Самуила даровала Анне. Жила в то время некая дева, блаженная инокиня. По Божьему Промыслу однажды в воскресенье, когда она сладко спала поутру, к ней постучали в дверь и позвали её: «Быстро вставай и иди, так как Мария родила сына, а ты будешь его крестить». «И было это со мной, — рассказывала она, — как будто наяву. Когда же я вошла в дом его матери, многие святители благоговейно омывали отрока, как бы крещением благодати освящали его, и некая женщина, сияющая ярким светом, стояла рядом и держала одежду белую, как самый белый снег. А когда слуги спросили: „Кому, госпожа, дать этого ребенка?“ — то повелела принести его себе. И, как будто в свет, одела она его в светлую ризу, и отдала матери.

Когда же я рассказала об этом видении его матери, она ответила: „В этот час ребёнок ожил в моей утробе“. Когда наступил день рождения, родила она блаженного ребенка, а затем в восьмой день принесли его к священнику, чтобы, как принято у христиан, имя ребенку дать. А пресвитер, увидев ребенка, глазами сердца по Божьей благодати прозрел, что хочет он смолоду посвятить себя Богу. Затем, когда ребенку исполнилось сорок дней, пресвитер его окрестил. Мальчик же рос и вскармливался своими родителями, и была с ним благодать Божья, и Божий Дух уже в молодости вселился в него. И когда по благодати Христа мальчик достиг разумного возраста, родители отдали его учиться по книгам. Он же не унывал, как прочие дети, но, благодаря большому прилежанию, быстро обучился; к тому же он не играл с другими детьми, но спешил впереди других на божественное и церковное пение и чтение, так что его родители радовались этому, а другие удивлялись такому разуму ребенка. Ведь на нём была Господня благодать, которая просвещала его разум и наставляла на путь Христовых заповедей».

Так необычно и по-своему автор рассказывает о рождении героя. Чудеса, которые должны были сопровождать его появление

на свет, он представил не наяву, а во сне, что можно считать новационным.

Иначе мотивируется и страстнотерпческая судьба Авраамия. Среди противостоящих ему сил были такие же, как и сам он, священнослужители. В житии используются карнавальные сцены, придающие произведению сатирический оттенок.

Идеальный герой противопоставлен враждебной массе — многоликой, злобной и беспощадной. Против него возбудилась толпа горожан, подстрекаемая священнослужителями и монахами. Она низвергала хулу и проклятия прямо в лицо Авраамию: «Льстец, еретик, волхв!» В то время это были сильные обвинения. Но насколько они были обоснованы?

Наряду с богослужебными книгами рьяный проповедник слова Божьего пользовался так называемыми глубинными книгами. Не только сам читал их, но знакомил с их содержанием всех, кто к нему приходил за советом в Селищенский монастырь, а затем в монастырь Честного Креста, расположенный в городе Смоленске.

Непримиримые противоречия разделяли Авраамия с его монастырской братией. Он один выступил против всех, приняв всю ответственность за свободу своих активных действий. Такой же конфликт лежал и в основе античной трагедии. Если учесть, что традиция античного искусства нашла своё прочное обоснование в трудах Климента Смолятича, который оставил после себя свою школу в Смоленске, то использование этих традиций его младшим современником Авраамием и его учеником Ефремом не может вызывать уже никаких недоумений или сомнений. Кроме античной традиции, в житии используются элементы византийского торжественного красноречия — ораторское искусство Иоанна Златоуста, Василия Великого и других святителей.

В соответствии с особенностями жанра Ефрем (как автор жития об Авраамии) преимущественно сосредоточил внимание на главном герое — человеке талантливом, одарённом, высокообразованном. Его герой выступает в произведении не только как великий книжник, но и как страстный оратор, проповедник слова Божьего. Всё, что он говорил, отзывалось в сердцах его многочисленных учеников. В то же время он резко выступал против тех, кто не соблюдал христианских обрядов, жил в браке без церковного благословения, сквернословил и распутничал. Этих отступников он стращал страшным Божьим судом.

Как главный персонаж жития, Авраамий предстает перед нами не только проповедником, но и музыкантом, живописцем и талантливым писателем. Сохранилось два его произведения дидактического красноречия: «Слова о небесных силах, чего ради создан

бысть человек» и «О двенадцати мытарствах», произносимых в день архангела Михаила.

Историк XIX века Шлоссер, опираясь на архивные источники, утверждал, что в конце XII – начале XIII века в Смоленске существовала большая рукописная библиотека. Книги издавались и в Селищенском монастыре, где в это время руководил скрипторием Авраамий, и в других местах. Составленные и изготовленные на Смоленщине книги проникали в другие княжества и даже за пределы Русской земли. Из жития можно почерпнуть ценнейшие сведения о событиях, которые имели место не только в Смоленске, но и в других княжествах разобщённого древнерусского государства.

Ефрем, составитель произведения, передал не только подробную биографию святого, но и поведал о его кипучей деятельности на ниве просвещения. Причём он постарался выполнить всё это в высшей степени талантливо. О родителях Авраамия он рассказал, вспоминая содержание своих бесед с ним, не упустив при этом ни одной значащей подробности. Когда ребёнку исполнилось сорок дней, пресвитер его окрестил. Мальчик же рос и вскармливался своими родителями, и была с ним благодать Божья, а Божий Дух уже в молодости вселился в него. Когда по благодати Христа мальчик достиг разумного возраста, родители отдали его учиться. Он быстро обучился, к тому же он не играл с другими детьми, но спешил впереди других на божественное и церковное пение и чтение, так что его родители радовались этому, а другие удивлялись такому разуму ребенка. Когда же он вырос, то как свет сиял красотою телесною и своими добродетелями. Хотя родители принуждали его вступить в брак, он сам не захотел этого. Более того, он сам наставлял и учил их презирать и ненавидеть славу здешней жизни, прелесть этого мира, советовал постричься в монахи. Когда же его родители отошли к Богу, он богатство, которое они оставили, раздал нищим, вдовам, сиротам и инокам, помышляя о том, как бы ему без печали отказаться от земных благ и обратить свою мысль к Богу. Он сменил богатые одежды на бедные и ходил как нищий. Стал юродивым и раздумывал, прося и молясь Богу, о том, как бы ему спастись и в какое бы уйти место. «Следуя наставлениям бога, он отошел далее пяти поприщ от города, скрыв это от всех, и постригся, как известно многим, в монастыре святой Богородицы, в месте, называемом Селище, к востоку от города. И был он с тех пор по благодати Христа ещё более склонен к подвигу, готовый на все труды, и мысленно представляя себе святой город Иерусалим и гроб господень, и все священные места, где избавитель бог и спаситель всего мира претерпел мучения ради нашего спасения,

и все святые места, и пустыни преподобных отцов, где они подвиг и труд совершили: о дивном основателе пустынножительства и воссиявшем, равном ангелам великом Антонии, который был крепок и храбр и победил крестной силой духов враждебного ему Илариона, его бывшего ученика; затем о прославленном среди постников Евфимии-чудотворце; затем о Савве и Феодосии-архимандрите, самом старом наставнике всех иноков, живущих вокруг Иерусалима.

Из всех книг более всего любил он часто читать учение преподобного Ефрема и великого учителя вселенной Иоанна Златоуста, и Феодосия Печерского, который был архимандритом всей Руси. Изучая и вдумываясь в святые боговдохновенные книги с их житиями и поучениями, он читал днём и ночью, непрерывно молясь богу, и совершая поклоны, и просвещая свою душу и помыслы. И он кормился словом божьим, как трудолюбивая пчела, облетающая все цветы и приносящая и готовящая себе сладкую пищу; так и он выбирал всё из всех книг и переписывал кое-что своей рукой, кое-что поручал многочисленным писцам, как добрый пастух, знающий и паству свою, и когда на какой пажити ему пасти стадо, а не так, как невежда, который не знает стада, так что оно иногда от голода по горам разбредется, блуждая, а некоторых звери съедят. Да будет известно это всем невеждам, которые облачаются в сан священника. Так и моряки, и искусные кормщики, зная путь и пристани, ожидают милости от бога и попутного ветра, а не плывут навстречу буре и волнам морским, но знают, как с Божьей помощью достигнуть необходимого города без несчастья и потопления. <…>

Так и Авраамий, заботясь и почитая такой дар и труд Божественных Писаний, думал, как бы корабль своей души уберечь с Божьей помощью от многих бурь и волн, то есть от бесов и людей, и не погибнуть в этих бедах, а достичь пристанища спасения и в тишину небесного Иерусалима прийти. Ибо в святых книгах пишется, что наша здешняя жизнь — это смерть, искушение и война, так что трудно кому-либо пройти её без напастей. Ведь и сам Владыка и Спаситель, Господь и Сотворитель всех, создавший всё и пришедший на наше спасение от Пречистой Девы Богородицы, не претерпел ли такие страдания от своей твари, будучи безгрешен, — и сколько святых не претерпели ли то же и так достигли Небесного Царства, которое и мы молимся получить.

Пребывал же блаженный Авраамий в Селищенском монастыре в труде, и в бодрствовании, и в голоде днём и ночью, так что и сам игумен радовался, видя его славную жизнь, и вся братия славила Бога, и многие миряне приходили, чтобы он их утешил чтением святых книг. И он во всём повиновался игумену, и слушался

всех братьев, и был полон любви и смирения, и покорялся всем Бога ради. И игумен его испытал, во всем ли он ему повинуется и слушается (ибо и сам игумен был начитан в божественных книгах, и знал всё, и проникал во всё, как известно многим, и никто не смел с ним спорить о книжной премудрости), и принудил он блаженного Авраамия принять священнический сан; и тогда он был поставлен дьяконом, а потом священником при княжении великого и христолюбивого князя Мстислава Смоленского и всей Руси. Когда же блаженный принял священный сан, он ещё более смирился, поскольку Христос даровал ему такую благодать.

А Божественную литургию, которую Христос велел творить за весь мир, он с большим усердием совершал, и ни единого дня не пропускал, и делал это, как известно многим, до самой смерти, и не оставил церковных правил, и Божественной литургии, и своего подвига. Кто может рассказать о его нищете и наготе, и о поношениях от дьявола, и о болезни, и об испытании его игуменом и всеми братьями и рабами? Он и сам говорил: „Я терпел испытание пять лет, поносили меня, бесчестили как злодея“. Так вот, дьявол, не терпя его и видя, что побеждён святым, воздвиг на него крамолу своими злоумышлениями, желая его оттуда прогнать; что и сбылось. Ведь дьявол видел, что многие из города приходят и умножаются сторонники его учения духовного, приходят к покаянию от многих грехов, хотя мы можем думать и иначе — Бог так хотел, „потому что не подобает светильнику сиять во тьме и не может укрыться город, стоящий на верху горы“. Ибо пишется о великом просветителе и учителе всего мира, об Иоанне Златоусте, что когда он ушёл в пустыню и пробыл в пустыне некоторое время, то из-за большого труда, и воздержания, и голода слабость и недуг охватили его тело, и это было по Божьему Промыслу, чтобы учитель не был далеко от города. И после этого он возвратился в город, поучая людей и призывая их к страху перед Господом. И по наущению дьявола и с Авраамием то же произошло, ибо некоторые из священников, а другие из числа иноков помышляли, как бы восстать на него, и некоторые приходили из города, чтобы оскорбить и обидеть его, другие же лиходействовали и утверждали, что он ничего не знает по сравнению с ними, но уходили со стыдом, посрамленные. И снова не переставали они воздвигать на него крамолу в городе и повсюду, говоря: „Вот уже он обратил к себе весь город“. К этому можно добавить, братья, одно слово вам для утешения: он так по благодати Христовой утешал приходящих и пленял их душу и разум, что, если бы возможно было, они уже не уходили, чему также есть многие свидетели. Так что не мог стерпеть этого даже сам игумен, видя, что к нему многие приходят,

и не желая этого, он отлучил Авраамия и сказал ему: „Я за тебя отвечаю перед Богом, а ты перестань поучать“; и возвёл на него многие обвинения.

И оттуда он вернулся в город и находился в одном монастыре Честного Креста. И сюда стали приходить люди ещё больше, и учение его ещё больше распространилось, и враг сетовал, а Господь Бог прославлял своего раба и соблюдал его всё время, подавая благодать и силу рабу своему. И был он там недолго, и от многих получал подношения: ему давали необходимое и сверх потребностей, а он тотчас раздавал все вдовам и нищим, а себе оставлял только необходимое. Украсил же он церковь иконами, и завесами, и свечами, и многие из города начали приходить и слушать церковное пение и чтение божественных книг. Ибо блаженный был искусным чтецом, так как по Божьей благодати он мог не только читать, но также толковать книги, так что многие несведущие люди, слушая его, понимали всё, что он сказал; и он говорил наизусть и по памяти, потому что ничто в Божественных Писаниях не утаилось от него, так что его уста никогда не умолкали, обращаясь ко всем, к малым и к великим, к рабам и свободным, и к ремесленникам. И так как они иногда приходили на молитву, иногда на церковное пение, иногда же для утешения, он даже ночью мало спал, но совершал коленопреклонения и тихо проливал из глаз обильные слезы, и бил себя в грудь, и обращался к Богу, умоляя помиловать своих людей, отвратить гнев свой и послать милость свою, и избавить нас от угрожающих нам бед, и дать мир и покой молитвами Пречистой Девы Богородицы и всех святых. Написал же он две иконы: одну — Страшный Суд Второго Пришествия, а другую — испытание воздушных мытарств, которых никто не избежит, как учит великий Иоанн Златоуст, который напоминает о страшном дне, и Сам Господь, и все Его святые проповедуют это испытание, которого нигде не избежать, не скрыться от него, и огненная река течёт перед судилищем, и раскрываются книги, и восседает Судья, и явными становятся дела всех людей. Тогда будет слава, и честь, и радость всем праведным, грешным же — вечная мука, которой сам сатана боится и трепещет. Если уж, братья, страшно слышать об этом, то ещё страшнее будет самому видеть… И он не переставал вспоминать страшный Суд, боясь испытания, и не переставал прилежно молиться Богу, и ночью, и днём, и всем приходящим к нему не переставал говорить об этом страшном дне, читая великого и светлого учителя вселенной Иоанна Златоуста, и преподобного Ефрема, и всех богогласных святых, внимая Святому Духу, который говорил их устами, и всем проповедуя. И жил блаженный, воздерживаясь от многого питья, особенно же ненавидел пьянство,

и любил он скромную одежду, пренебрегая очень дорогой одеждой и будучи всегда смиренным. А на трапезы и на пиры он никогда не ходил из-за многих ссор, которые бывают там между выбирающими себе места, и из-за многих других бед, которые бывают из-за неумеренного пьянства, поэтому он избегал пиры. Лицо же блаженного и тело были сильно изнурены, так что его кости и суставы можно было сосчитать как мощи, и лицо его было бледно из-за великого труда, и воздержания, и бодрствования, и из-за многих проповедей, которыми он изнурял себя, из-за пения и чтения, и молитв, возносимых к Богу. И когда он с благочестием и с вниманием приближался к Божественному Жертвеннику для Божественного Приношения Святых Даров, которое завещано Господом на вечери апостолам, а апостолами Нового Завета передано нам во оставление грехов, тогда он не разрешал разговаривать в церкви, особенно на литургии, наставляя и поучая, повелевая тогда ум вместе с душой неколебимо, как подобает, с прилежанием целиком обращать к Богу. Когда он облачался в одежды священника, был он образ и подобие Василия Великого: имел такую же черную бороду, только что голова у него была плешива. Но не осудите, братья, мою грубость, ведь не лгу я, не хитрю, не мудрствую, но говорю это для тех многих, что не видели и не слышали его. И вспоминаю Господа, говорящего: „Раб ленивый и лукавый! Надлежало тебе отдать серебро Моё торгующим, и я получил бы Моё с прибылью“. Поэтому, боясь такого осуждения, я пишу это, чтобы, выслушав, мы прославили Бога, ниспославшего такую благодать и помощь городу Смоленску, как блаженный Авраамий. <...>

Сатана, видя, что силой Христа побеждён он святым, являлся ему иногда ночью, иногда днём, устрашая и угрожая ему, освещая его ночью как огонь, так что многие вместе с ним не могли спать, иногда же сатана путал его, или являясь ему во многих наваждениях ростом вплоть до потолка и снова нападая на него как лев, устрашая его, как лютые звери, или же нападая и избивая его подобно воинам, иногда даже сбрасывал его с постели. Когда же блаженный пробуждался, вкусив мало сна из-за злых окаянных бесовских видений, тот ему днём ещё более досаждал, являясь ему иногда в собственном виде, иногда преображаясь в бесстыдных женщин, как пишется и о Великом Антонии. Видя дьявольскую силу и злобу беса на нас, Господь не дал ему полной свободы, но допускает по своему усмотрению, чтобы мы соразмерно нашей силе могли вступать с ним в борьбу, ибо Господь сказал в Евангелии, что сатана „не имеет власти даже над свиньями без Божьего повеления“; пусть так Божьи рабы укрепляются. Тому же учит Златоуст, говоря: „Господи, если Ты дашь свободу одному

врагу, то его не одолеет даже весь мир, а что смогу я, который кал и грязь?“ Укрепивший же Антония явился ему, повелевая дерзать: „Не бойся, Я тебе помогу“. Он же давал благодать и силу и этому блаженному и избавлял его.

И всем этим сатана искушал блаженного, но не одолел его, ибо Бог помогал ему, и тогда воздвиг на него мятеж, как и при Господе было: вошёл сатана в сердца иудеям, и они учинили суд, и много надругались над Ним, и предали мучению Господа Славы. Так же и с Авраамием было: как сатана его выгнал из прежнего монастыря, так он сделал и теперь, так как не мог окаянный терпеть его вследствие благодати и помощи, которая бывает верным и христолюбивым христианам, и будучи побеждаем всеми силою Христа. Но поскольку душам пасущих предназначено принимать на себя беды, то сатана, войдя в сердца бесчинных, воздвиг их на Авраамия: и начали одни клеветать на него епископу, другие же хулить его и досаждать ему, одни называли его еретиком, другие же говорили о нём: он читает глубинные книги, другие же обвиняли его в блуде, а попы с яростью говорили: „Он уже совратил всех наших детей“; другие же называли его пророком и многое другое говорили о нём, в чём блаженный неповинен. Поистине скажу, что не было в городе такого, кто не оговаривал бы блаженного Авраамия, так что дьявол радовался этому, а блаженный, радуясь, терпел всё во имя Господа. Собрался на него весь город от мала до велика: одни говорят, что его нужно заточить, другие — здесь пригвоздить к стене и поджечь, а другие — утопить его, проведя через город. Когда же собрались все на двор владыки, игумены и попы, и чернецы, князья и бояре, дьяконы и все церковнослужители, тогда послали за блаженным, когда уже все собрались. Посланные же слуги, схватив Авраамия, волочили его как злодея, одни ругались над ним, другие насмехались над ним, бросая ему оскорбительные слова, и так делал весь город и по торгу, и по улицам — везде много народу; и мужчины, и женщины, и дети, и было тяжело видеть это зрелище. Блаженный же был схвачен руками, как птица, не знал, что ему сказать или что отвечать, но уповал на одного только Бога, и молился Ему, чтобы Он избавил его от такого несчастья, и вспоминал страдания Господа нашего Иисуса Христа, который все это претерпел ради нашего спасения, и молился за них: „Господи, не вмени им сего греха и не допусти, чтобы твой раб был предан в их руки, но укроти их и запрети им, как перед учениками Ты повелел умолкнуть ветру на море“. Так и случилось, ибо властителям Бог смягчил сердце; а игумены и священники, если бы могли, съели бы его живьем. Когда же его вели на суд, Господь явился в это время у церкви честного Архангела Михаила преподобному

Луке Прусину. В то время когда он стоял на молитве в 9 часов, ему слышен был голос, говорящий, что „вот Моего блаженного угодника ведут на суд с двумя его учениками, хотят его мучить, ты же ни в коем случае не сомневайся в нем“. И сказал блаженный Лука судящим блаженного Авраамия и унижающим его: „Ведь его сильно унижают, несправедливо хуля; но если бы его грехи были на мне! А слышали вы, что хотели в давние времена сделать такие же безумные люди и их епископ, не имеющие страха Божьего и как хотели безвинно убить другого святого. Это к тому же злой порок, и хула, и злая клятва, и за это гнев Божий продолжался более тридцати лет, а с вами будет хуже, если не покаетесь“.

Однако возвратимся к тому, о ком я начал говорить. Когда блаженный был приведён на суд, не нашли за ним никакой вины, но бесчинно попы, а также игумены ревели на него, как волы; а после того как князь и вельможи не нашли за ним никакой вины, проверивши всё и убедившись, что нет никакой неправды, но все лгут на него, сказали тогда в один голос: „Да будем неповинны, владыка, —сказали они всем, — в том, что воздвигли такое обвинение на него, а мы неповинны в том, что вы на него наговариваете или замышляете какое-то беззаконное убийство!“ И говоря: „Благослови, отец, и прости нас, Авраамий!“ — с тем и ушли восвояси.

Увидев же, что те разошлись и не за что им осудить Авраамия, повелели людям, приготовленным для этого епископом, крепко стеречь и блюсти его и ещё двух его учеников, которые верно служили преподобному. Когда же утром собрались игумены и священники, они, укорив и оскорбив его, возвели на него прежние обвинения. И с этого времени блаженный снова вошёл в монастырь, в котором он прежде постригся, когда ему не причиняли ещё никакого зла. И вот с этого времени много зла совершилось: все, кто были научены блаженным, возвратились к своим злым греховным делам. И слава Богу, терпящему всех их! И был в то время блаженный Лазарь ещё священником (а после Игнатия он стал епископом), воистину был он как бы поборник и пастух словесных овец Христовой церкви, ибо он ради Бога оставил свою епархию из-за многих обид святых церквей, которые обижают и властители, отнимающие чужое неправедно и обижающие вдов и сирот. Так вот, этот Лазарь видел и слышал, что несправедливо на блаженного Авраамия воздвигли преследование, и он, поскольку Бог вложил ему это, сказал, придя к епископу Игнатию: „Граду сему великая епитимия будет, если ты искренне не раскаешься“; так и случилось. Блаженный Игнатий послушался его — послал быстро ко всем игуменам и ко всем попам, приказывая и запрещая произносить какие-либо злые слова о блаженном Авраамий. „Ведь вот, послушавшись вас, я принял

на себя от Бога вечную епитимию. А вы, дети мои, покайтесь, ведь вы и сами знаете, как Бог наказал восставших на великого Иоанна Златоуста; а если вы не покаетесь, то же произойдёт и с вами“. А блаженный подражал своему святому, имя которого он носил, как и тот пострадал от селения язычников и молился за них Богу, обращая всех к Богу и спасая, и терпел блаженный их преследование.

И Авраамию также было запрещено, чтобы кто-либо к нему приходил, и поэтому много стражников было выставлено на всех дорогах, а некоторые люди были ограблены. Но Бог хочет, чтобы все спаслись, поэтому иногда Он являет своё человеколюбие и милость, иногда же казнит, посылая беды: голод, смерть, бездождие, засуху, грозные тучи, набеги поганых, пленение городов и всё, что нам ни посылается Богом. И этими бедами Он обращает нас и приводит к Себе, поскольку мы небезгрешны, а, терпя все это, поймём и вспомним, сколько злых дел мы совершили, а затем предали их забвению, согрешая ночью и днём. <…>

В городе приключилось великое бездождие, так что высыхала земля, и сады, и нивы, и весь земной плод, чего никогда не бывало, и все горевали и молились Богу. И сам епископ, блаженный Игнатий, с честным клиросом и с богобоязненными игуменами, и священниками, и дьяконами, и монахами, и со всем городом, с мужчинами и женщинами, и со всеми молодыми людьми, — все жители города вместе ходили вокруг с Честным Крестом, и с иконой Господней, и с честными мощами святых и просили Бога с великим умилением и со слезами помиловать людей Своих, и послать милость Свою на землю, и отвратить гнев Свой: „Пусти, Господи, дождь, одожди лицо земли, молимся тебе, Святой“. И когда они кончили отпуст, каждый ушел восвояси, освятив воду Крестом и мощами святых. И не было дождя на земле, и были все в великой печали. Всё же это было по Божьему Промыслу. И поскольку Бог хотел прославить блаженного Авраамия, Он вложил в сердце некоему священнику мысль о нём, так что тот, отправившись к христолюбивому епископу Игнатию, напомнил ему о блаженном Авраамии, говоря так: „Мы все молились, но Бог не услышал нас. Какая такая вина блаженного Авраамия, что он лишён возможности служить Божественную Литургию? Не из-за этого ли ниспослана от Бога казнь сия?“ Тогда блаженный Игнатий быстро послал за блаженным Авраамием и, призвав его и испытав, выяснил, что все обвинения против него были ложью и клеветой из-за зависти и злобы дьявола, и он простил его, говоря: „Благослови меня, честной отец, я сделал это тебе по неведению, и благослови весь город, и прости послушавших лживых клеветников и обвинителей“.

И благословил его, чтобы он снова совершал пречистую и честную Литургию: „И моли Бога о городе и о всех людях, чтобы Господь помиловал их и послал Свой обильный дождь на землю“. И сказал блаженный епископу: „Кто такой я, грешный, что ты повелеваешь мне сделать то, что свыше моих сил?“ Но сказал: „Да будет над всеми нами воля Божья! А ты, о честной святитель, сначала помолись о нас, о своём порученном Богом тебе избранном святом стаде словесных овец“. После чего блаженный вышел, и молился Богу, и говорил: „Услышь, Боже, и спаси нас, Владыка-Вседержитель, молитвами Твоего святителя, и всех Твоих священнослужителей, и всех Твоих людей. И отврати гнев Свой от рабов Твоих, и помилуй этот город и всех Твоих людей, и прими милостиво воздыхания всех молящих Тебя со слезами, и пусти, и пошли дождь, напои лицо земли, возвесели людей и скотов. Господи, услышь и помилуй!“ — и не успел ещё преподобный дойти до своей кельи, как Бог уже послал на землю дождь, так что все славили Бога и говорили: „Слава Тебе, Господи, что скоро услышал Своего раба!“ И была в городе большая радость. И с тех пор стали люди приходить в город, и говорили все, что „Бог помиловал, избавил нас от всех бед твоими, отец, молитвами“. И с тех пор ещё более прославился он по Христовой благодати.

Подобает здесь вспомнить также о жизни преподобного отца всей Руси Феодосия Печерского. Когда Бог хотел показать веру Своего раба и с одного места переселить его на другое, чтобы он создал более светлую и просторную церковь, поскольку умножилась братия, тогда, как говорят, Бог показал ночью чудо: появилась как бы дуга от верха церкви, а другой её конец был на холме, и видели преподобного отца Феодосия, идущего с иконой Пречистой Богородицы, и братия шла за ним вслед и пели, как потом и случилось. Так и теперь вспомним о преподобном Авраамии, и о молитве Пресвятой Богородицы, и о братии, идущей за ним и поющей, что и было потом, поскольку нужно было показать место, где блаженный и многие другие, что спасутся с ним, станут жить в Боге. Преподобный и благочестивый епископ Игнатий задумал создать каменную церковь во имя святого Игнатия на память о себе, а за пределами города имеется недалеко ровное место, подходящее для построения церкви, где могут разместиться все монастырские строения. И он скупил вокруг этого места огороды, и поставил церковку во имя Богоносца, а затем, разрушив её, он перенес её на другое место, где основал большую церковь, и дал ей имя в честь Положения Честных риз и пояса Святой Владычицы нашей Богородицы. И там было несколько братьев, которых содержал блаженный епископ Игнатий.

Некоторые же глупцы уничижали его, говоря: „Кто хочет, пусть пойдет на игуменство“, и называли имя. А преподобный епископ говорил со многими и по Божьей благодати увидел духовными очами, что Бог и молитва Пресвятой Богородицы хотят прославить это место, и многие христолюбивые люди, посвятив себя Богу и во имя Его приходя сюда, спасутся в этом месте по Христовой благодати. Спустя некоторое время (ибо Бог об этом заботился) сетовал блаженный Авраамий на то, что он находится далеко от приходящих к нему из города людей. Тогда же вспомнил об этом по Божьей воле блаженный епископ, призвал из своего честного клироса самого старшего из протопопов по имени Георгий и завёл с ним беседу о блаженном Авраамии, сказав, что Авраамий находится далеко от города, и поэтому он в большой скорби, и повелел, чтобы протопоп позвал его скорее.

Блаженный вскоре пришёл по повелению епископа и, войдя, поклонился, говоря так: „Благослови, святой владыка, твоего раба“. Призвал к себе блаженного Авраамия епископ и спросил, утешая его: „Как, отец, живешь о Господе?“ Когда же тот ответил: „Поистине, святой владыка, хорошо твоими молитвами“, — епископ сказал ему: „Хочу дать тебе благословение, если ты примешь его“. Блаженный же ответил, сказав: „Не только благословение честное, но и дар“. И сказал ему епископ: „Вот благословение: я тебе поручаю и даю дом Пресвятой Богородицы; иди, хваля и славя Бога, и молись за всех“. Блаженный же радовался и хвалил Бога, который даровал Своему рабу такую благодать молитвами Святой Богородицы. И когда он входил в монастырские ворота, то в сердце у него воссиял некий свет от Бога, радостно просвещая его душу и ум, как он рассказывал всем об этом. Так же и Иаков во сне видел лестницу, доходящую до небес, и сказал, что „Господь присутствует на сем месте“, и поскольку Господь счёл Авраамия достойным, ему также открылось это. И сбылся псалом Давидов: „Ты посадил людей на головы наши, и мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу“. Ведь как царь после многих побед и трудов возводит воина своего в больший сан и честь, так и Господь Бог Сам уже даёт утешение Своему рабу, поскольку он трудился, обращая сердца всех, дальних и близких, своей благостью, и просвещая души всех.

И с тех пор он вернулся к первоначальному подвигу, и все приходили к нему с великой радостью, ибо на городе была великая благодать Божья, просвещающая, и веселящая, и хранящая, избавляющая всех, а также подающая тишину и мир, и все благости на многие лета, и эта благодать не оскудеет, молитвами Святой Богородицы и ради преподобного Авраамия, и всех Его святых.

И с тех пор ещё больше прославил его Господь, поскольку те, которые зло оскорбили блаженного, начали раскаиваться и припадать к его ногам, прося прощения. Тот, кто был всеми ненавидим, теперь стал любим всеми, и те, кто раньше боялись прийти, уже без боязни, но с радостью приходили, и горожане приходили не одни, но с женами и с детьми, а также и от князя, и от вельмож приходили зависимые и свободные люди, исповедуя ему все свои грехи, и затем, радуясь, расходились по своим домам. А блаженный принял дом Святой Богородицы и украсил его, как невесту, ещё более прежнего, иконами, и завесами, и свечами; так что и теперь могут видеть это все, приходящие в дом для Её милости и заступничества, на похвалу Бога и Его угодника. Многие же хотели стать иноками, но он не сразу постригал желающих, зная тяжесть монашеской жизни, большое искушение от всеобщего врага, и число братьев было семнадцать человек. А блаженный испытывал по Христовой благости (ибо Господь наградил его даром все ясно разуметь) тех, кто хотел с ним жить и приходил к нему, и встречал их вот как: он говорил с послушными и смиренными, повелевая им часто приходить к нему, тех же, которые приходили из-за златолюбия и злобы, он избегал. Ведь он имел достаточно искушения и от своих напастей, и от монахов, поэтому не торопился принимать приходящих. Испытывал же он их так, поскольку был сведущ в книгах, и слышал он о некоем игумене, у которого было только до двенадцати монахов, а два — в испытании. А когда кто-нибудь хотел у него постричься, то Авраамий сначала обращал внимание, к какому брату он войдёт: если он шёл к подвижнику, то Авраамий, стоя, славил Бога, воздев руки и молясь за пришедшего Богу, если же он шёл к другому брату, то Авраамий печалился. А блаженный думал так про себя, зная, что труден подвиг сей для ленивых иноков, а подвизающимся Господь сказал: „Возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдёте покой душам вашим и утешение. Ибо иго Моё благо и бремя Моё легко“, — так будет всем, приходящим с открытым сердцем.

И со временем блаженные прониклись друг к другу большою любовью: епископ радовался, что Бог даровал ему такого святого и блаженного мужа, а Авраамий радовался, что Бог даровал ему такого святого и блаженного епископа; Авраамий к тому же радовался, что получил от Него такой дар благодати. В такой любви с Авраамием епископ жил недолго и отошёл к Богу, а был он, по правде сказать, воистину свят и преподобен и стремился к Богу, потрудившись от юности и до седых волос великого священства. Так отошёл к Богу Игнатий, великий епископ города Смоленска, а многие рассказывают, что когда он умирал, великий свет, как

говорят, сошёл на него с неба, так что страх объял всех, и так он, радуясь, взошёл на Небеса, блаженно завершив течение жизни о Господе Боге. И будем все просить милости у Бога, чтобы Он помиловал нас по Своей милости, по которой Он даровал этому городу такого епископа. И с тех пор блаженный Авраамий стал ещё большим подвижником из-за такой разлуки с преподобным епископом, и пребывал он во многом смирении и плаче сердечном со вздохами и со стенаниями, ибо вспоминал он часто о разлучении души от тела. Блаженный Авраамий часто напоминал себе, как придут ангелы испытывать душу, и какое будет испытание на воздухе от бесовских мытарей, как придётся предстать перед Богом и дать обо всём ответ, и в какое место нас поведут, и как нужно будет во Второе Пришествие предстать перед судом страшного Бога, и какой приговор произнесут судьи, и как потечёт огненная река, всё сжигая, и кто тогда поможет нам, кроме покаяния и милостыни, и беспрестанных молитв, и любви ко всем, и кроме других подобных благих дел, которые в силах помочь душе. У нас же этого нет даже в мыслях, но мы обращаемся то к одному, то к другому делу и не сможем сказать ни одного слова, представ перед Богом.

В таком подвижничестве блаженный пребывал во все дни своей жизни, помня об этом, и молился с воздыханием, наставлял многих и призывал их пребывать в благом труде, в бодрствовании и в молитве, в терпении и смирении, в милостыни и в любви. И так наказывал всем со слезами обильными никогда не забывать об этом и говорил: „Не забывайте и меня, смиренного, в ваших молитвах, молясь Владыке и Богу и Пресвятой Его Матери со всеми Его святыми“. И потом блаженный был поражён болезнью, от которой и умер, передав свою блаженную и святую душу Господу, и получил то, что желал получить, — Царство Небесное. А в подвиге пребывал Авраамий в течение пятидесяти лет, трудясь от юности до конца своей жизни о Господе нашем Иисусе Христе, которому слава и держава с Отцом и Святым Духом ныне и всегда во все бесконечные веки».

Такие подвиги совершил преподобный Авраамий. Ефрем, сочинитель его жития, заключая своё произведение, оставил запись о том, как он работал над жизнеописанием святого.

«Так вот, братья, вспоминая жизнь преподобного и то, что она ещё не описана, я был всегда одержим печалью и молился Богу: „Господи, сподобь меня написать всё по порядку о жизни нашего богоносного отца Авраамия“, — чтобы будущие иноки, получив наставление и читая его, видя доблесть мужа, восхвалили Бога и, прославляя Его угодника, укрепились на дальнейшие подвиги,

особенно же в этой стране, ибо здесь появился такой муж, угодник Божий. Ведь о таких, как он, Господь через пророка сказал: „Я призвал тебя из утробы матери“. Собираясь начать рассказ, прежде всего, молюсь Богу, говоря так: „Владыка мой Вседержитель, податель благ, Отец Господа нашего Иисуса Христа, приди ко мне на помощь и просвети моё сердце для разумения заповедей Твоих, открой уста мои для изречения слов Твоих и чудес и для похвалы Твоего святого угодника, и пусть прославится имя Твоё, так как Ты помощник всем, уповающим на Тебя всегда“».

Библиографический список

1. Житие Авраамия Смоленского. Цитируется по книге «Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века» (М.: Художественная литература, 1978).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ПОДВИГ МЕРКУРИЯ СМОЛЕНСКОГО

...Он искони благословил
Славянские знамена.

В. А. Жуковский

Повесть о Меркурии Смоленском, спасшем Смоленск от нашествия татарского хана Батыя, многие годы существовала сама по себе как устное народное сказание. В середине XV в. легенда об этом защитнике национальной независимости Руси была литературно обработана в житийном стиле, а затем в XVI веке включена в Великие Четьи-Минеи митрополитом Макарием. Первоначальный текст смоленского народного сказания лучше сохранился в более поздней версии повести, дошедшей до наших дней в редакции второй половины XVII века, названной Ф. И. Буслаевым «народной». Она имеет следующий вид: жил в Смоленске благочестивый юноша по имени Меркурий, «цветый преподобным житием, постом и молитвою сияя бо, яко звезда богоявленна посреде всего мира».

Наиболее полная смоленская литературная редакция повести о Меркурии указывает, что он был «от римских пазух, от славного рода княжеского, а заехал в Смоленск ещё в юном возрасте на службу к самодержцу того города». Пришло время, когда безбожный царь Батый, разоряя русские города, подошёл и к Смоленску, «и ста от града за 30 поприщ, и многи святыя церкви пожже, и християн поби, и твердо вооружашеся на град той». Горожане в великой скорби пребывали в соборной церкви Богородицы, «умилно вопиюще с плачем великим и со многими слезами... еже сохранитися граду тому от всякого зла». И вот за Днепр-рекою пономарю Печерского монастыря явилась Богородица и велела тайно позвать юношу Меркурия в церковь. Пономарь пришёл ко двору Меркурия и нашёл его уже опоясанным и вооруженным, «во всемь

воиньском подобии». Меркурий молился богу, но, почувствовав приход пономаря, «флягнуя (покашляв), постона легко, яко объявляше себе ему: бе бо глубоко в нощи пришествие пономарево». Пономарь же, стоя у ворот, тихо проговорил: «Изыди скоро, яко Госпожа зовет тя».

«Меркурий же, отверз врата, и изыде, и идяше на гору с пономарем». Придя в церковь, он увидел «пречистую Богородицу на злате престоле седящу, Христа в недрах имущу, обстоиму аггельскими вои». Богоматерь послала Меркурия против безбожного царя Батыя и обещала ему победу. «Потом, —сказала она ему, — приидет ти человек красен лицем, вдаи же ему в руце все оружие свое, и усечет ти главу. Ты же ю возми в руку свою и прииди в свой град и тамо приимеши кончину, и положено будет твое тело в моей церкви». Выйдя из церкви, Меркурий «обрете ту прехрабра коня стояща, и воссед нань, и исшед из града». Он разбил войска Батыя, «прехрабро скакаше по полкам, яко орел по воздуху летая». Одержимый страхом Батый, увидев разгром своих войск, «отбежа града того безо успеха в мале дружине». Он ушёл в Угры, где и был убит Стефаном. А перед Меркурием предстал прекрасный воин, которому он отдал своё оружие. И был им усечён; «и тако блаженный взем главу свою в руку свою, а в другую руку коня своего и пришед во град свой безглавен».

По литературной версии голову Меркурию отсёк сын убитого им татарского исполина, мстя за смерть отца. У Мологинских ворот Меркурия встретила «некая девица», шедшая по воду, «и зря святаго без главы идуща, и начат святаго нелепо бранити». Он же лёг в тех воротах и умер, а конь его стал невидим. И пришёл архиепископ того города «со кресты со множеством народа, хотя взяти честное тело святаго; и не вдася им святый. Тогда бысть велий плачь в людех и рыдание, что не восхоте поднятися святый». Так тело Меркурия три дня оставалось без погребения. Архиепископ всё время молился, «без сна пребываше... да явит ему бог тайну сию. И зря во оконце свое опасно прямо соборныя церкве, се же видит ясно в велицей светлости, аки в солнечной зари, исшедши ис церкви пречистая Богородица со архистратиги Михаилом и Гавриилом и... взем тело Меркурия в полу свою... и принесше во свою соборную церков, и положи на месте своем во гробе, идеже есть и до ныне...» В литературной версии повести есть ещё одна подробность: после смерти Меркурий явился пономарю, «яко жив во всемь воинском подобии», и велел гражданам повесить его оружие, копьё и щит над его гробом, «да подасть им Господь Бог победу от оружия сего и врагы града посрамить».

Сказание о Меркурии, спасшем Смоленск от Батыя, в своей устной и письменной традиции прошло длинный и сложный путь. На нём отразилось воздействие древнейших исторических преданий о борьбе Руси с восточными народами — касогами, печенегами и др. И летописи, и русский народный эпос сохранили сказания, напоминающие по своему содержанию, отдельным подробностям и последовательности рассказа подвиг Меркурия Смоленского. В этой связи можно указать летописное сказание о переяславском богатыре Демьяне Куденевиче и былину о Сухмане Домантьевиче.

Если судить по Никоновской летописи 1148 года, Демьян Куденевич защищал Переяславль от нападения Глеба Юрьевича с половцами. Когда переяславские «стражие» услышали о движении его войск, они «пригнаша в Переяславль; князю же Мстиславу Изяславичу *еще лежащу на одре своем, яко пред светом бе».* Князь быстро встал и поспешил «к Демьяну богатырю Куденевичу и *глагола ему сице: „Ныне, о человече божий, время божьей помощи и пречистыя богородицы и твоего мужества и крепости“».* Демьян Куденевич только с одним своим слугою выехал навстречу Глебу Юрьевичу. *«И нападает яро на воинство его и убивает многих нещадно.* Князь же Глеб Юрьевич *ужасеся зело, и скоро побеже назад».* В этом же году Глеб Юрьевич с половцами вновь «безвестно идоша к Переяславлю *на ранней зоре* и посад зажгоша» и «оступиша град, и *бысть во граде много смущение и плачь.* Демьян же Куденевич *един выеде* из града… и *много бив ратных,* настрелен быв от половец, и изнемог возвратися во град; *ратнии же вси, страхом обдержими, бежаша спешно кождо во свояси».*

Когда к умирающему Демьяну Куденевичу пришёл князь с дарами и обещал передать ему власть, тот произнёс: «О суетия человеческого! Кто мертв сый желает дарования тленнаго и власти погибающия!» И, произнеся это, *«усну вечным сном,* и бысть по нем плачь великий во граде».

Исследователи-медиевисты полагают, что Демьян Куденевич — это тот же летописный или устнопоэтический образ, с теми же чертами и с той же судьбой, что и Меркурий Смоленский. Он так же благочестив, беззаветно храбр, бескорыстен, с таким же глубоким ощущением воинского долга. Сама обстановка борьбы в летописном рассказе сильно напоминает повесть о Меркурии: враги подходят к городу внезапно, на ранней заре; Демьян Куденевич выезжает в бой (со слугою или один); он разбивает врагов, которые, «страхом обдержими, бежаша спешно кождо во свояси»; Демьян же, возвратясь в город, умирает от ран.

Нет необходимости настаивать на влиянии этого сказания на легенду и сказание о Меркурии Смоленском. Общность сюжета,

характерных черт героя и самого сказа в этих произведениях, очевидно, генетически между собою не связаны. Они свидетельствуют о широком распространении подобного рода сказаний в устном народном творчестве древней Руси, о выработке устойчивых поэтических норм.

Типические черты подобного рода исторических сказаний сохранила и былина о Сухмане Домантьевиче, обставив их новыми эпическими подробностями. Во время охоты Сухман Домантьевич подъезжает к Днепру-реке и видит, что Днепр течёт не по-старому: он подмывает крутые берега, роет желтые пески. Сам Днепр сообщает Сухману, что татары переправляются на киевскую сторону:

Надо мной стоит сила неверная.
Того Мамая безбожного:
Идет он на дом пресвятыя богородицы,
На славен батюшко на Киев-град.

Сухман избивает татарские войска, но и сам в бою получает «три раны сердечные»:

Сердечные раны, кровавые.
Побежит он из силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
К той кочке болотинной.
Клал седелышко черкасское...
И клал свою буйну голову
На то седелышко на черкасское.

Умирающего Сухмана нашёл Владимир, князь киевский, и повёл его «...во Киев град, // Во ту ли церковь соборную. // Тут Суханьша покаялся. // И тут Суханьша преставился».

Богатырский образ Сухмана Домантьевича имеет много общего с благочестивыми Демьяном Куденевичем и Меркурием. Похоже очерчена и обстановка подвига Сухмана: о нападении врагов он узнал чудесным образом — от Днепра-реки; его подвиг связан с именем Богородицы; он умер в «соборной церкви».

Может быть, этот эпический сюжет нашёл своё художественное отражение в смоленской легенде о спасении города от татаро-монголов. В новой для себя обстановке он претерпел некоторые изменения, соответственно новым обстоятельствам и местным смоленским условиям. На старую эпическую основу легли, прежде всего, черты христианской легенды и жития. Сохранение града Смоленска от разгрома на фоне общерусского всенародного бедствия было

истолковано как проявление особой сверхъестественной помощи, а поэтические краски для такого освещения события дали житие Меркурия Кесарийского, легенда об убийстве им Юлиана Отступника и сказание о Дионисии Ареопагите. Исследователь А. Кадлубовский даже предполагает, что «сказание о Меркурии Смоленском явилось как результат приурочения к русской почве рассказов о Меркурии Кесарийском, приурочения, которое затем вызвало представление об особом новом святом Меркурии, уже русском». Если даже не придерживаться этого крайне сомнительного мнения, то всё же некоторые из указанных учёным параллелей действительно могут быть объяснены только влиянием цикла сказаний о Меркурии Кесарийском на смоленскую легенду в момент её создания. Отсюда, вероятно, попали в неё следующие типично житийные черты: Меркурий *защищает Смоленск по повелению Богоматери, явившись на её зов; он завещает хранить его оружие над его гробом* и т. п. В смоленской легенде есть ряд и других черт, сближающих её с житийной литературой: эпизод с пономарём встречается в житии Алексея, человека божия; похороны тела святого с участием небесных сил описываются в апокрифическом мучении Никиты. Из житийной литературы проник в смоленскую легенду и мотив усечённой головы, скорее всего, под влиянием западноевропейских рассказов о мученике, несущем свою голову в руках. Такие сюжеты были широко распространены на Западе в легендах и художественных изображениях и относилось не только к Дионисию, но и к ряду других святых. В местах соприкосновения Смоленского княжества с Западом мотив этот легко мог перейти из Руси на Запад и наоборот. Вероятность такого предположения подтверждается существованием ряда рассказов, возникших на западе — в частности в Польше и на западной окраине Руси — и развивающих мотив усечённой головы. В сборнике чудес Почаевской иконы Богоматери, написанном частью на русском, а частью на польском языке (1793 и 1807), есть следующий рассказ. Татары, подойдя в 1607 году к Почаевскому монастырю, увидели монаха, совершавшего молитвы. Заметив, что он стар и потому не годится в невольники, один из татар отрубил ему голову. Взяв голову в руки, монах донёс её до монастыря и положил перед иконой Богоматери, а затем умер. Этот же мотив имеет место и в духовном стихе западного и южнорусского происхождения. Например, в легенде о Корнилии Печерском и Иване Грозном, записанной П. И. Якушкиным.

В смоленскую легенду о Меркурии вошли местные подробности: Меркурий молится у *креста* в окрестностях Смоленска, сражается с татаро-монголами у Долгого моста и умирает у *Мологинских ворот.* Всё это — достоверные подробности.

Можно представить обстановку, при которой легенда о Меркурии получила литературное оформление. Икона Богоматери Одигитрии в самом начале XV века в связи с захватом Смоленска литовским князем Витовтусом была вывезена из Смоленска в Москву и стояла на великокняжеском дворе у церкви Благовещения. В 1456 году в Москву прибыл епископ Мисаил со смолянами просить великого князя, чтобы тот разрешил взять икону в Смоленск. Посовещавшись с митрополитом и боярами, князь исполнил просьбу. По этому случаю было устроено торжество. Митрополит Иона и «весь священный собор» пришли в церковь Благовещения и совершили пред иконой молебен и литургию. Присутствовал великий князь, княгиня и их дети — Иван, Юрий и Борис, а младшего сына Андрея принесли на руках. После пышного богослужения, взяв икону, московское и смоленское духовенство, великий князь, бояре и войска, собранные тогда в Москве, пошли в торжественном шествии и проводили икону до церкви Благовещения на Дорогомилове. Очевидно, в этой атмосфере исключительного внимания к иконе, уносимой тогда в Смоленск, произошло литературное оформление её главного «чуда». Народная легенда с героической основой под рукой умелого книжника превратилась в произведение, цель которого — прославление «святого Меркурия», национального русского героя, победителя татар. Это один из ранних примеров использования легенды в политических целях Москвы. Несколько позже это направление в литературной работе московских книжников, поддерживаемое духовной и светской властью, выразилось в сосредоточении в Москве и редактировании многочисленных местных легендарных сказаний об иконах. Наряду с этим здесь нашло своё выражение и возросшее национальное самосознание русского человека. Так, в частности, заимствованный автором повести из апокрифического видения апостола Павла плач земли «за умножение грехов человеческих» превращён здесь в лирический плач Русской земли по поводу татаро-монгольского нашествия. «Чаде мои! Чаде мои! — плачет Русская земля. — Вижю вас от пазухи моеа отторгаемы и в поганьския рукы немилостиво впадша вас… Аз бедная вдова бых… Вдовство же менит запустение монастырей и… церквей и градов многых… Не терплю жалости моея лютыя сеа беды, взопию к творцю: Не презри на безаконие людей сих… и возврати их, да мя вторицею наследят…»

На «Сказание о Меркурии Смоленском» могли повлиять прекрасно оформленные, литературно гениальные проповеди Серапиона, епископа Владимирского, прошедшего до приезда во Владимир школу в Киево-Печерской лавре. Литературная деятельность этого своеобразного древнерусского писателя интересна в том смысле,

что он в своей личности соединил сразу две культуры — Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. Все пять его сохранившихся проповедей, пять «Слов», затрагивают одну и ту же тему — великие бедствия на Руси.

Это очень яркие «слова». В этом можно убедиться, если процитировать небольшой отрывок из его речи-проповеди. Он говорит о том, что «пришёл народ немилостивый, народ лютый, народ, не щадящий ни красоты юных, ни немощи старых, ни младости детей... Кровь отцов и братьев наших, как река обильная, землю напоила, князей наших воевод храбрость исчезла, братья и дети наши в плен отведены, сёла наши кустарниками поросли, красота погибла».

Как можно убедиться, эта литературно оформленная, глубоко продуманная речь священнослужителя была рассчитана на психологическое воздействие. Она составлена по всем правилам ораторского искусства.

Главную причину постигшей беды Серапион видит в Божьей каре за совершённые грехи. Причина та же, что и в летописи, и в «Повести о Калкском побоище», и в других художественных произведениях Древней Руси. Выход из тяжелейшего положения проповедник видит только в покаянии, в нравственном совершенствовании. В них — спасение.

Религиозно-нравственная концепция опирается в произведении Серапиона на показ конкретных явлений, сочетается с наглядностью описания бедствий.

Такая проза согревала людей, впавших в отчаяние, объединяла народ для борьбы с врагами. В этом её высокий патриотический накал. Можно говорить о глубине душевных чувств автора, который переживает за свой русский народ, за целую страну, попавшую в страшную беду. Чтобы вернуть ей национальную честь, требовалось пробудить в людях солидарность, объединить их.

В ярких импровизациях Серапиона ощущается его огромная талантливость, широкая образованность. Призыв к сплочению и единству духовному связывает проповеди владимирского епископа с автором «Слова о полку Игореве», что в целом не могло не повлиять на повесть о Меркурии Смоленском. В журнале «Наш современник», уже в наше время, была опубликована повесть Д. Балашова о Серапионе Владимирском. Очень интересный писатель, ушедший из жизни при непонятных обстоятельствах, подчеркнул огромную роль православной церкви в борьбе с татарами.

Все пять «Слов» Серапиона отличает простота, убежденность автора в победе русского народа, образность мышления. Упрекая своё поколение в беспечности и легкомыслии, пламенный проповедник

призывал людей к духовному совершенству, но не к смирению. Напротив, он пытался убедить современников стоять насмерть, «крепкой стеной», борясь за землю Русскую и православную веру.

О возросшем национальном самосознании свидетельствует и биографическая гипотеза автора сказания о происхождении героя: «бяше бо сий Меркурий от рода славна, или се рещи — княжскаго, бе бо родиною земля римьскыя». Это не что иное, как одна из вариаций важнейшей для Московского государства XV—XVI вв. идеи преемственности русской власти и святыни от Византии и Рима, концепции «Москва — третий Рим».

Яркий рассказ о Меркурии Смоленском продолжал жить в устном народном творчестве и после создания литературной повести о нём. В XVII в. рассказ вторично подвергался литературной обработке (Синодальный Цветник Жюлева 1665 г.), сохраняя народную основу даже лучше, чем повесть конца XV в. Устный рассказ о подвиге Меркурия дожил и до времени научных этнографических записей. В. Добровольский записал его уже в сильно сокращённом виде и с особыми эпическими и историческими наслоениями: Меркурий назван здесь отважным воином, который сражался с литовскими пришельцами, напавшими на древний град Смоленск. В художественной интерпретации сказание получало новые сюжетные решения. Так, И. А. Бунин в повести «Суходол» рассказал о бытовании легенды в XX веке на Орловщине, что свидетельствует о культе Меркурия и иконе Божьей Матери Одигитрии. Описывая старинное дворянское гнездо, писатель замечает: «В углу лакейской чернел большой образ святого Меркурия Смоленского, того, чьи железные сандалии и шлем хранятся на солее в древнем соборе Смоленска. Мы слышали: был Меркурий муж знатный, призванный к спасению от татар Смоленского края гласом иконы Божьей Матери Одигитрии Путеводительницы. Разбив татар, святой уснул и был обезглавлен врагами. Тогда, взяв свою главу в руки, пришёл он к городским воротам, дабы поведать бывшее... Жутко было глядеть на суздальское изображение безглавого человека, держащего в одной руке мертвенно-синеватую голову в шлеме, а в другой икону Путеводительницы...»

В композиционном плане повесть-сказание делится на две части: в первой рассказывается о всенародной беде, постигшей Русскую землю в связи с монголо-татарским нашествием, во второй — о конкретных событиях защиты Смоленска.

В духе своего времени древнерусский автор считает, что грозное нашествие ниспослано на землю Богом за великие прегрешения людей. Во второй части, по контрасту с первой, Богородица избирает Смоленск, ибо по сравнению с другими городами он менее

подвергся духовной порче. Она указывает на Меркурия, самого достойного человека, непорочного и крепкого в православной вере, который способен защитить город. М. П. Погодин, ссылаясь на какие-то неизвестные нам исторические источники, указывал, что святой Меркурий был выходцем из Моравии — великой славянской державы, в Смоленск прибыл на службу и честно служил смоленскому князю.

«Повесть о святом мученике Меркурии, чудотворце Смоленском» выполнена в духе воинского жития. Этот своеобразный литературный жанр сложился в конце XIII — начале XIV века на основе сближения воинской повести с произведениями житийной агиографической литературы. Литературный памятник повествует, очевидно, о горячих событиях 1237 года, а может быть, несколько поздних, когда татарские орды были заметно ослаблены, пройдя через Венгрию, Чехию и Силезию, где им оказали упорное сопротивление. Смоленск в таком случае явился одним из последних пунктов их грабительского похода, после чего хан Батый ушёл в Прикаспийские степи, где и остановился, основав Золотую Орду.

Оставаясь в основе своей воинской повестью, она вместе с тем имеет художественные признаки жития, которые умело и талантливо наложены автором на образную систему воинской повести. Атрибутом поэтики житийного жанра являются образы Божьей Матери и прекрасного воина. Культ иконы Богородицы Одигитрии существовал у смолян со времени постройки Владимиром Мономахом соборной церкви в Смоленске. Поэтому в самую лихую годину горожане обратились к иконе, как к спасительнице, за помощью. Именно она, сойдя с иконостаса, вдохновила смелого воина на великий подвиг.

Создавая произведение-гибрид, совместившее в себе художественную структуру воинской повести и жития, автор проявил исключительную чуткость к слову как «строительному материалу». Вызывает восхищение его мастерство в подборе лексики, общей для этих двух жанров. Из других особенностей повести следует отметить обилие в ней прямой речи, которая создаёт впечатление живости, непосредственности происходящих событий, что всегда было характерной особенностью русских воинских повестей с их быстрым развитием сюжета, с часто звучащими княжескими речами-обращениями. А что касается усечения головы в произведении, то эта версия берёт своё начало в русской житийной литературе и той традиции, которая существовала в предшествовавшей ей европейской литературе.

«Повесть о святом мученике Меркурии, чудотворце Смоленском» в то же время даёт основание заключить, что даже в тяжёлое

лихолетье, вызванное татарским нашествием, литература в Смоленском княжестве продолжала развиваться, обретая новые жанровые формы.

Библиографический список

1. Бахтина О. Н. Летописная редакция повести о Меркурии Смоленском в своде 1652 года // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск: Наука, 1985.
2. Буслаев Ф. И. Смоленская легенда о св. Меркури и ростовская о Петре, царевиче Ордынском // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861.
3. Дмитрий Ростовский. Память святого мученика Меркурия Смоленского // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1905.
4. Ильин В. В. Повесть о святом мученике Меркурии, чудотворце Смоленском // Золотой фонд души. Смоленщина от Бориса и Глеба. Смоленск: Маджента, 2009. Т. 1.
5. Кадлубовский А. Великомученик Меркурий Кесаийский и мученик Меркурий Смоленский // Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.
6. Стороженко Э. А. Текст, структура, комментарии и лексика повести о святом мученике Меркурии Смоленском. Смоленск, 2009.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ЛЮДИ СМОЛЕНЩИНЫ В ЛЕТОПИСИ АВРААМКИ

Чьрна земля подъ копыты костьми
Была посеяна, а кровию польяна,
Тугою възыдошя по Русьской земли.

Слово о полку Игореве

«Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки» в разделе «Начало Рустии земли» воспроизводит в предельно кратком изложении содержание «Повести временных лет». Поведав о расселении древних народов по Днепру, летописец строго дифференцирует их по отдельным племенным группам. «И отселе начаша родъ их в Полянех княжити, а в Древлянехъ свой, а въ Новегороде свой, а иное на Полоте Полочане. Отъ нихже и Кривицы, иже седять на врьхъ Волгы, и на врьхъ Двины и на верхъ Днепра. Ихъ же градъ есть Смоленеск...» [1]. В недатированной части истории древнейшей Руси Смоленск встаёт рядом с Полоцком. От полочан, как указывает летопись, берёт начало род кривичей, которые со временем займут верховья Волги, Двины и Днепра, а главным городом их станет Смоленск.

Современные исследования позволяют значительно расширить территорию расселения кривичей. В античную пору их предки проникли далее, в Южную Европу и на Апеннинский полуостров, и основали ряд городов: Рим, Венецию и легендарную Трою. Они именовали себя в те времена этрусками, оставили высокую, вполне античного уровня культуру. Академик В. А. Чудинов в капитальном труде «Вернём этрусков Руси» [2] расшифровал многие надписи, которые остались после них, и убедительно доказал, что этруски — как народ, как этнос — ведут своё начало от смоленских кривичей.

В датированной части русской истории Авраамка в 880 году написал о том, как Олег со многими воинами, преимущественно кривичами, спустившись по Днепру, взял Смоленск и посадил там своих мужей. Это первое упоминание о «главном городе» кривичей. Следующая запись рассказывает о том, что в 1169 году князь Мстислав со смольнянами участвовал в осаде Новгорода. 72 князя, осаждавшие «вольный город», были разбиты новгородским князем Романом Мстиславичем 25 февраля.

Составитель летописного сборника обратил внимание не только на военные события, которые так или иначе соприкасались с жизнью Смоленского княжества. Его интересовали и другие кардинальные проблемы, чисто морального значения и свойства. Так, в заметке от 1177 года он рассказал, как были ослеплены великим московским князем Всеволодом удельные князя Мстислав и Ярополк. Они прозрели, когда их привезли в Смоленск и поместили в церкви Святых Мучеников Бориса и Глеба, расположенной на набережной Днепра, у места впадения в него речки Смядыни. Там было оживлённое место, куда приставали торговые суда, идущие по пути «из варяг в греки».

В своих летописаниях Авраамка приводит многие факты современной междоусобной борьбы. Она приобретала необычайные, порой уродливые формы, позорившие участников, состоявших в кровных родственных связях. Одно из таких событий произошло в 1297 году, когда ярославский князь Фёдор Ростиславич, по прозвищу Чёрный, собрав множество воинов, обрушился всей силой своей на Смоленск. Собираясь в поход, он не подумал, что здесь когда-то протекло его детство, отрочество, возможно, и юность, поскольку его отец Ростислав Мстиславич княжил в Смоленске 33 года. Долго и безуспешно дружинники князя Фёдора штурмовали город на Днепре, в котором в то время княжил Александр, его племянник. В конце концов осаждавшие вынуждены были снять осаду и возвратиться несолоно хлебавши туда, откуда пришли. Через два года Фёдор Ростиславич получил-таки право княжить в одно и то же время и в Ярославле, и в Смоленске, но смерть настигла его как раз тогда, когда его амбиции были полностью удовлетворены.

Много места в летописи занимают сложнейшие проблемы, возникавшие во взаимоотношениях Золотой Орды с Великим Литовским княжеством. Смоленщина оказалась между молотом и наковальней. Об этом красноречиво говорят на своём особом языке рисунки-миниатюры лицевой Псалтири Онежского Крестного монастыря, выпущенной в Смоленске монахом Лукой в 1395 году. Смоленский инок изобразил в одной из миниатюр (всего их в книге 175) такую картину: вверху стоят на изготовке, чтобы прыгнуть тот

час и поразить врага, крылатые лев и барс с разинутыми пастями; внизу, в такой же позе, стоят медведь и какое-то рогатое животное с козлиной бородой; посредине этой страшной компании сидит дрожащий от страха зайчик. Под миниатюрой надписи: лев — «царь Римский», барс — «царь Македонский», медведь — «царь Вавилонский», чудище — «антихрист».

Исследователь Г. К. Богославский, открывший этот памятник, так прокомментировал содержание миниатюры: царь Римский — это католическая Литва, барс — Тевтонский орден, медведь — Московское царство, антихрист — татарский хан, а зайчик — это Смоленское княжество, которое не знает куда податься в этой трагической ситуации.

После того как татаро-монголы потерпели поражение в Куликовской битве 1380 года, они не отказались от своей агрессивной политики и по-прежнему продолжали вмешиваться в русские дела. В 1382 году ордынский хан Тохтамыш захватил Москву, разрушил и разграбил её, залив кровью. Авраамка не преминул рассказать о дальнейшей судьбе золотоордынского хана. На смену ему пришёл новый властелин, Темир Кутлуй. Тохтамыш вынужден был бежать из Сарая, столицы Золотой Орды, в соседнюю Литву. Темир Кутлуй прислал своих послов к великому князю литовскому Витовту с такими словами: «Выдай мне беглого царя Тохтамыша, а всё, что он имеет, возьми себе». Услышав это, возмущённый бесцеремонностью хана Витовт дал его посланникам такой ответ: «Я царя Тохтамыша не выдам, я с ним хочу себя видеть». Решительное слово князя Витовта было подкреплено делом. Рассчитывая на своих подопечных, русских вассальных князей, он намеревался наказать наглого хана, явившегося откуда-то из Сибири, и выступил со своими вассальными князьями против него. Своих воинов он привёл к реке Ворксле, которая находилась уже на татарской земле. Узнав об этом, Темир Кутлуй вторично направил к великому литовскому князю послов с последней своей речью: «Если ты пришёл увидеться с нами, а нашего беглого царя не выдал, мы твоей земли не хотели — ни городов твоих, ни сёл, — но сейчас с нами Бог и правда».

И тогда сошлись враждующие войска, развернулись обоими полками. И была злая сеча и кровавая, какой никогда не бывало в Литовском княжестве и Золотой Орде. Летописец говорит, что за грехи великие «случилось горе немалое литовским людям, бывшим в изнеможении». При столкновении противников погибли в бою не только литовские князья — Андрей Ольгердович и брат его, князь Михайла Евнутьевич. Этими жертвами дело не ограничилось: в битве погибли смоленский князь Глеб Святославич; князь

Иван Михайлович и его воины; князь Михайла Данилович со всей своей дружиной и брат его, князь Дмитрий; князь Михайла Подберезский и брат его, князь Александр; князь Фёдор Патрикеевич Рыльский; князь Андрей Дрюцкий; князь Иван Ямонт, наместник смоленский. Всего русских и литовских князей именитых погибло 74, а воевод и бояр — бесчисленное множество. «Только Бог весть, сколько здесь пало», — подводит итог летописец.

Князь Витовт, затеявший эту бессмысленную бойню, видя, что сражение явно проиграно, обратился в бегство. Татары, как всегда в таких ситуациях, выпустили свою конницу против побеждённых, преследовали их, секли и убивали на протяжении 500 вёрст, гнали до самого Киева. Подойдя к городу, они взяли с него огромный откуп (5000 рублей) и вернулись в Золотую Орду.

По убеждению летописца, Бог навёл поганых татар на Литовскую землю за грехи христианские, ибо князь Витовт раньше был веры христианской, а имя ему было Александр, но он затем отверг православную веру христианскую и принял католичество — ради утверждения себя в великом княжении. Церкви святые он перевёл на богомерзкое служение. И так тогда подумал: «Захвачу Русскую землю, Новгород и Псков». Однако не вспомнил он о Господе и о чём говорили пророки: как один пожнет тысячу, а два двинут тьму. Битва Великого Литовского княжества, объединившегося с Польшей и оккупировавшего Смоленскую землю и всю правобережную по Днепру Украину, с Золотой Ордой произошла 5 августа 1404 года, в канун Спасова дня. И Господь, по словам летописца, покарал отступников веры христианской.

Обращают на себя внимание два факта. Во-первых, Смоленщине и другим русским княжествам пришлось кровью заплатить за амбиции и промахи во внешней политике с объединённым Литовским государством. Во-вторых, не следует забывать о христианском происхождении великого князя литовского Витовта, который фактически был русским по рождению, а затем сменил православную веру на католическую и стал, по существу, перевёртышем, за что Бог и покарал его и весь литовский народ, а заодно и русский. Чтобы усилить впечатление от ужасного побоища, летописец упомянул, что в ту осень на солнце были потемнение и дымка; солнце пропало, а месяц появился на небе вместо него; а потом, в октябре, на солнце стали видны кровавые лучи, испускавшие мглу, и случилось это в день памяти святой мученицы Анастасии.

Авраамка рассказывает, как Литва, которую в XII веке не раз и не два покоряли воины Смоленска, теперь сами подверглись нашествию. В 1395 году Витовт в первый раз взял город и посадил в нём своего наместника. Княживший там Юрий Святославич

вынужден был бежать в Рязань. Через год великий литовский князь ходил туда с большим войском и разорил многие волости.

В конце XIV века великий князь литовский Витовт вместе со смоленским князем Василием Ивановичем искали союза с Великим Новгородом для коллективного отражения натиска Тевтонского ордена крестоносцев. С этой целью они в 1398 году послали послов, но их дипломатическая миссия ничего существенного не принесла. К ним тогда не прислушались сопредельные русские княжества, хотя через короткое время немцы нагрянули, взяли 7 городов русских, пожгли их, уничтожив население и всякую живность.

Тревожной осенью 1404 года смоляне приняли на княжение Юрия Святославича. И в этом случае предсказания высших небесных сил о грядущих несчастьях оправдались. Князь Роман Брянский, литовский наместник, по указанию князя Юрия, проявившего свой дерзкий и коварный характер, был убит. Витовт со всею силой литовской попытался восстановить прежнее положение. Разъярённый непослушанием, он подошёл к Смоленску с карательной целью, простоял под городом 4 недели, обстреливая его из пушек, но затем всё же отошёл от города ни с чем, вынужденный заключить мир «по-старому». По приказу Юрия Святославича — после ухода Витовта — смоляне избили тех бояр, которые переметнулись на сторону литовского князя и изменили князю своему, предав Смоленскую землю. Через год на небе появилось новое предзнаменование — хвостатая звезда, имеющая на западе светлый луч, которая была видна весь март. Тогда князь Ярослав стал воевать за Рязанскую землю, которая находилась под властью Литвы. Князь Семён Ольгердович настиг его, взял в плен и доставил к князю Витовту, а воинов его избил, других переловил. В тот год новгородцы заключили мир со Смоленском. Тогда же смоляне и убили наместника литовского — князя Романа Брянского. И князь Витовт с Ольгердовичами, Корибутом, Лугвенем, Светоригайлой и со всей силой подошёл к Смоленску. Князь Юрий закрылся в городе. Всю весну простоял Витовт, осаждая город, обстреливая его из пушек, и не мог взять, ибо Смоленск был очень крепок. Семь недель смоляне сражались под его стенами, а на Великие дни отступили прочь литовцы. По волостям смоленским они много зла учинили, как и раньше не раз бывало. Князь Юрий связался с великим князем Василием Московским и выехал из Смоленска с небольшой дружиной, оставив свою княгиню с боярами в городе, приказав ждать его и на первый срок, и на второй, и на третий. Прибыв в Москву, он бил челом великому князю Василию Дмитриевичу, отдаваясь ему со всем Смоленским княжеством. Однако великий московский князь не принял

его предложения, не захотел осложнять своих и без того нелегких и запутанных отношений с Витовтом. Когда князь Юрий был в Москве, Витовт в это время собрал большую силу и стал у Смоленска. Горожане не могли терпеть голода, изнемогли, истомились и сдали Смоленск врагу. То было последнее и окончательное пленение Смоленска. Оно случилось 26 июня, в четверг, в Петрово говенье. Витовт взял город и всё Смоленское княжество, а княгиню Юрия захватил и отправил в Литовскую землю. Князей смоленских тоже захватил, а бояр, которые хотели князю Юрию добра, развёл и рассредоточил по другим городам или на мучение обрёк. В Смоленске посадил он польских наместников, чтобы город впредь крепко держали. А за Юрием послал поиск. Князь Юрий, узнав об этом, ушёл из Москвы и отправился в Новгород. Вместе с ним туда прибыли его сын Фёдор и вяземский князь Семён Мстиславич с братом Владимиром. Новгородцы приняли их с честью и дали им на кормление 13 своих городов: Русу, Ладогу, Орешек, Тиверский, Карельский, Копорь, Торжок, Волок Ламский, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кошкин городок. Они же за это целовали крест, клянясь стоять за Новгород Великий не на жизнь, а на смерть, держать оборону против немцев и других неприятелей.

В 1406 году князь Юрий Смоленский снова уехал из Новгорода в Москву, так как великий князь Василий дал ему наместничество в Торжке. Получив власть, он убил служившего ему честно и бескорыстно Семёна Мстиславича, вяземского князя. На его княгиню Ульяну он «уязвился окаянным своим похотением». Она была доброй мужелюбицей и воспротивилась ему, схватила нож и ударила его в мышцу. Он разъярился, убил князя Семёна Мстиславича, а княгине повелел отрубить руки и ноги и выбросить в реку. И быть греху и суду великому. По этой причине он, боясь наказания за свой тяжкий грех, сбежал в Орду, не стерпев горького своего безвременья и бесчестия.

Той же зимой 1407 года, во время говения, татарский хан Шадибик убил царя Тохтамыша, выследив его в Сибирской земле. Тогда же умер и смоленский князь Юрий Святославич, на Воздвижение Честного креста. Умер не в своей вотчине, а на чужой земле, в изгнании, лишённый своего княжения, княгини своей и детей. Господь покарал его за совершённое злодеяние, за убийство вяземского князя и преданной ему, ни в чём не повинной княгини. Умер он на чужбине, где-то в пределах Рязанской земли, в пустынном монастыре, у некоего христолюбивого старца, игумена Петра. Несколько дней поболев, он скончался. Проводили его иноки с честью, видимо, за его смелую и самоотверженную борьбу против поляков и литовцев.

В 1410 году Авраамка сообщил о знамении, исходящем от иконы Святой Богородицы, в виде льющейся крови, что и подтвердилось 15 июля. В этот день произошла Грюнвальдская битва между крестоносцами Тевтонского ордена и Литовско-Польским княжеством. В битве приняли участие и смоленские полки, которые были поставлены на самые ответственные участки боя. Летописец повествует о «побоище королю Ягайлу Ольгердовичю, нареченному Володиславу, и князю великому литовьскому Витовту Кестутьевицу, с немцы, с прусы, в ихъ земли в Прусской, межи городи Дубравны и Острода». В сражении погибло множество военачальников и простых воинов, были захвачены немецкие города. Осенью произошли ещё три сражения, в которых погибло «много же хрестьян, и Литвы, и Ляховъ, избьено бысть отъ Немецъ». Под городом Марьином объединённые славянские войска стояли 8 недель, взяли две части немецкой крепости, а третью не сумели взять, затем прохозяйничали в немецкой земле ещё шесть недель. Так кратко, но в деталях дано описание Грюнвальдской битвы.

Точность описаний соблюдалась летописцем и раньше. И во всех других последующих подобных случаях он также был верен своей излюбленной манере писать кратко, ёмко, опираясь на конкретные факты и примеры.

11 апреля 1432 года он рассказал, как в Смоленск, где находился в это время митрополит Герасим, приехал для поставления на должность епископа новгородский священник Ефимий, а 26 апреля московский великий князь Василий подписал на дворе владыки грамоту о прежней плате. 26 мая владыка Ефимий вернулся в Новгород, уже поставленный и благословлённый митрополитом Герасимом Смоленским.

В 1440 году вся Литовская земля и зависимые от неё русские города избрали великого князя (королевича Казимира, сына Ягайлы) и посадили в Вильно на великое княжение тихо и безмятежно. В тот год сгорел весь Полоцк. Князь Юрий Семёнович выехал из Новгорода в Литву, и великий князь Казимир передал ему во владение всю его бывшую вотчину: Мстиславль, находившийся в ведении Смоленского княжества, Кричев, а также немало других городов и волостей. Он же возгордился, сидя в Смоленске, Полоцке и Витебске, что было ему и людям не на пользу, а на большой мятеж и войну. Осенью, испугавшись своей дерзости, сотворив неразумие, он бежал в Москву. В 1445 году великий московский князь Василий Васильевич послал двух татарских царевичей на Вязьму, Брянск и на другие города, которые были под Литвой. Они напали на эти города, побили и полонили множество людей, пожгли всю территорию чуть не до Смоленска. Узнав

об этом, князь литовский, королевич Казимир послал своих панов и рать свою на Можайск и в другие места, взял 5 городов, полонил землю, повоевал, христианам гибель великую содеял.

Так страдали от усобиц князей русский и литовский народы. В летописи говорится об этом с большим прискорбием. Летописец на этом прерывает повествование и возвращается к событиям «старины глубокой»; рассказывает о былых смелых походах русских князей, которые из Киева добирались до всемогущей Византии и брали с неё дань огромную; рассказывает о Владимире Святославиче, киевском князе, при котором Русь приняла новую христианскую веру и не отступила от неё в течение многих столетий. В третьей части составленного летописного сборника Авраамка даёт перечень русских князей (от Рюрика до Ивана III), а затем их сыновей (от сына Рюрика, Игоря, до сыновей московского князя Василия – Юрия, Ивана, Данилы, Семёна и Василия).

О деяниях смоленских князей летописец рассказывает на фоне событий истории всей Русской земли. О некоторых событиях он говорит как бы мимоходом, а другие разворачивает во всех деталях, повествует о них с указанием не только дня, но и часа. Часты его обращения к явлениям природы. Он пытается объяснить суть и значение их в жизни людей, своих современников. Человек строго религиозный, Авраамка уповает на Бога, который всё видит и обо всём судит. И никому не уйти от его строгого, сурового и справедливого суда. Бог являет свою волю в разных видах: и как грозное и страшное затмение солнца днём, и как затмение луны, и как сильное половодье весной, и как страшные пожары, уничтожающие городские кварталы, а то и целые города.

Авраамкина летопись заметно выделяется среди других памятников русского Средневековья оригинальным стилем, красочными описаниями, подробностями и авторскими оценками, напоминая художественный рассказ.

Библиографический список

1. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Ссылки на это издание даются в переводе на современный русский язык.
2. Чудинов В. А. Вернём этрусков Руси. М., 2006.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. СМОЛЯНЕ В РАДЗИВИЛОВСКОЙ «ЛИЦЕВОЙ» ЛЕТОПИСИ

Ты забралась в такие дали, Русь!
Тайга, тайга — темнее всякой тучи.
И, глядя в небо, я не разберусь,
С каких широт несется ветр летучий.

Андрей Румянцев

Древняя Русь, достигшая своего экономического, политического и государственного могущества при «старом» Владимире Святославиче и Ярославе Мудром, на этой высокой волне создала великие произведения литературы и искусства. В них она выразила не только свою радость по случаю свершившегося, но в то же время и печаль по поводу начавшегося духовного разобщения, сепаративных действий удельных князей и междоусобных войн. Печаль и радость легли в основу русских летописей, одного из самых древних жанров нашей литературы. Они ярко запечатлены на её страницах. Но не только крупные общественные события интересовали составителей летописей. Летописцы часто прикасались к судьбам отдельных людей. Много рукописных страниц они, живя и работая в разных городах, посвятили, например, трагической судьбе единоутробных братьев Бориса и Глеба, детям князя Владимира, крестившего Русь. В тексте, датированном 1106 годом, летописец сообщает о смерти Яня, «старца добра», который прожил 90 лет. «От него же и аз, — пишет он, — многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи сем». Янь родился на второй год после смерти князя Владимира. Отец его, Ярослав Вышата, был участником похода на греков в 1043 году. Он мог помнить сам акт крещения Руси. От деда своего он мог знать и о князьях Игоре и Святославе, о княгине Ольге.

Летописание велось в ряде крупных городов Древней Руси. Рукописи затем объединялись, переписывались, обновлялись новыми фактами. Так появились своды. Известны Киевский, Новгородский, Черниговский и Галицкий летописные своды. Многие из них не сохранились, погибли во время войн, пожаров или были похищены и увезены в другие страны, где и пропали.

Путешествуя в 1697—1698 годах по странам Западной Европы под именем Петра Михайлова, русский царь Пётр Первый, работая в Кёнигсбергской библиотеке, обнаружил объёмную рукопись, выполненную славянскими письменами, со множеством цветных рисунков. Он попросил снять с неё копию и привез её в Россию. Так была открыта и введена в научный оборот первая иллюстрированная, или «лицевая», русская летопись — Кёнигсбергская. Она имеет и второе название — Радзивиловская, по имени Яноша Радзивила, литовского князя, который вывез её из Смоленска в 1633 году, а затем подарил или продал Кёнигсбергской библиотеке.

В конце XIX века известный русский учёный Н. П. Лихачёв (не путать с академиком Д. С. Лихачевым) установил, что привезённый Петром Первым летописный свод относится к письменным памятникам второй половины XV века. Он был изготовлен на основе какой-то древней несохранившейся рукописи, скорее всего, попавшей в Смоленск из Северо-Восточной Руси, центром которой были тогда города Владимир и Великий Новгород. Датировка рукописи была подтверждена исследователями древнерусского летописания — В. Ю. Покровским, А. М. Копаневым, М. В. Кукушкиной и М. Н. Муравьёвым.

Радзивиловский летописный список, написанный полууставом, общим объёмом в 251 лист, имеет 613 красочных миниатюр. Каждый лист «красно украшен» двумя-тремя рисунками.

Уже первые исследователи этого исторического и литературного памятника сделали предположение о его смоленском происхождении. Однако глубоко этими вопросами никто не занимался. Наши наблюдения относительно места издания, содержания и полиграфических особенностей памятника тоже не выходят за пределы предположительных, гипотетических соображений.

Если говорить о смоленском происхождении этой рукописи XV века, то, очевидно, нужно указать на существование соответствующих предпосылок полиграфического плана, необходимого для изготовления «лицевой» летописи именно в Смоленске.

Такая база, безусловно, здесь существовала. В «граде» — так называлась княжеская часть Смоленска, носящая название Смядынь, — функционировал с XII века скрипторий для переписки

и тиражирования книг. На левом берегу Днепра размещался княжеский дворец — Борисоглебский монастырь. Возможно, при нём функционировало «училище» и издавались книги. В начале XII века здесь были изготовлено так называемое Мстиславово Евангелие, уникальнейший памятник древнерусской письменности.

Учреждение в 1137 году Смоленской епископии потребовало подготовки священников. Князь Ростислав Мстиславич приложил много усилий к тому, чтобы повысить удельный вес образования в своей вотчине. Сам он живо интересовался науками и искусством, переписывался, как уже было указано выше, с Митрополитом всея Руси Климентом Смолятичем, вёл дискуссии по сложнейшим вопросам церковной экзегетики, философии и античного искусства. Перу смоленского князя принадлежит «Уставная грамота» 1150 года — своеобразный свод законов духовной и светской жизни. Рукопись была изготовлена, по всей вероятности, в скриптории училища при Борисоглебском монастыре на Смядыни.

Свою неудержимую страсть к знаниям князь Ростислав Мстиславич передал и своим детям. Особенно отличался в этом плане его сын Роман, открывший во время своего княжения в Смоленске несколько школ и училищ. Одно из них имело скрипторий и находилось в северо-западной части города, при Иваново-Богословском храме. Роман Ростиславич так увлекся своими просветительскими идеями, что, когда умер, в казне его не оказалось денег на похороны. Тогда смоляне собрали сумму, равную годовой дани, и похоронили его с большими почестями. Действительно, «храбрая мысль носила ум» князя «на дело». Это был уникум: князь-книжник, философ, учёный человек. Летопись отмечает, что Роман Ростиславич в самом деле был «вельма учен всяких наук».

Высокий уровень образования и книжной культуры удерживался в Смоленске и при брате Романа, Давыде Ростиславиче, который, хотя «немного был учён, но любил книги читать и память острую имел». Этот князь, придя на смену умершему Роману, тоже много сделал для процветания культуры и образования в городах и весях Смоленщины.

Смоленская письменная культура конца XII — начала XIII века породила «Житие преподобного Авраамия Смоленского» — произведение, которое ничем не уступало позднейшим произведениям этого жанра XV и XVI веков.

Преподобный Авраамий, помимо просветительства, организовал в Селищенском монастыре, где пребывал, группу писцов для тиражирования старых и новых книг, в том числе и собственных сочинений. Влияние его на умственную жизнь Смоленщины было весьма значительным, о чём красноречиво говорят многие факты.

В XIII веке в Орше, которая входила тогда в состав Смоленского княжества, было изготовлено пергаментное Евангелие — в красках, золоте, с изображением птиц, животных, змей, драконов. Если судить по рисункам, а более — по содержанию текста, выполненного с некоторыми чисто смоленскими диалектологическими особенностями, то можно заключить, что оно было изготовлено каким-то местным «доброписцем».

В 1395 году в Смоленске вышла роскошная «лицевая» книга — «Псалтирь Онежского Крестного монастыря». Переписанная чётким, красивым полууставом, она была украшена авторскими рисунками. Всего в книге имеется 175 красочных миниатюр, выполненных отчётливо и профессионально. Заставки сделаны разными цветами, инициалы евангелистов скопированы под золото.

В 1437 году некто дьяк Сенко выпустил минею за март и апрель на 183 страницах, в два столбца, полууставом XV века.

В 1495 году «во граде Смоленце... рукою многогрешного раба Божия Авраамки» был составлен большой летописный сборник в 150 страниц.

Такой мощной и плодотворной представляется смоленская книжная традиция, которую венчает Радзивиловская «лицевая» летопись XV века.

Этот летописный свод отличается от других произведений этого жанра своим содержанием. О Смоленске упоминается в летописи начиная с 882 года, когда «поиде Олег поимъ вои многы: варягы, чудь, словене, мерю и все кивичи, и прииде къ Смоленску и с кривичи, последне приа град и посади мужи свои». Слово «последне» приписано другими чернилами. Ни в Лаврентьевской, ни в Ипатьевской летописях его нет, а здесь оно уточняет смысл всей фразы, а именно: Олег подошёл к Смоленску с кривичами и вместе с ними взял город и посадил в нём своих правителей. Выходит, что кривичи не были коренным населением до взятия Смоленска, они пришли как его завоеватели. Не могло ведь быть так, чтобы кривичи шли сами на себя войной. В данном случае эта фраза из Радзивиловской летописи заставляет исследователей ещё раз внимательно взвесить и проанализировать исторические факты. Дореволюционный местный историк С. Писарев без всяких колебаний считал, что до завоевания города Олегом в Смоленске коренным населением были не кривичи, а смоляне — особое племя, которое затем ассимилировалось с кривичами, дало им свою культуру, более высокую по сравнению с их культурой. Не случайно ведь Смоленск стал центром кривичей, оттеснив и Полоцк, и Изборск, и Псков.

Сообщение летописца о взятии Смоленска закреплено в Радзивиловской летописи красочной миниатюрой, которая тоже многое

объясняет читающему её книгочею. И так повсюду в ней. Летописец всегда точен в расстановке исторических фактов. Так, в тексте, датированном 885 годом, он рассказал о ляшских племенах радимичей, которые осели ещё в доисторическую пору в Смоленщине, на реке Сож, и стали платить дань Олегу. В 1015 году вызванный Святополком в Киев Глеб, младший сын Владимира в христианском браке, «приде к Смоленску и поиде от Смоленска, яко зрима, и ста на Смядыни въ насаде». На миниатюре изображён молящийся Богу юный муромский князь Глеб, погибший здесь от руки наёмников старшего брата, незаконно занявшего киевский золотой стол Святополка. Слова «яко зримо» и «в насаде» подчёркивают прекрасную ориентацию автора на местности. Только живший в Смоленске человек мог сделать такие точные записи. Смядынь действительно находится от города в пределах видимости («яко зримо»). В том месте Днепр в то время был мелким, а смоляне ловили там рыбу («в насаде»). Теперь там простирается большой луг: за девятьсот лет грунтовые воды реки ушли глубоко в землю.

Трагической истории гибели единоутробных братьев Бориса и Глеба в летописи отведено достаточно много места. Конечно, это вполне объяснимо: современников до глубины души потрясла эта трагическая история. Немыслимо даже представить, чтобы Святополк, старший брат по отцу, одержимый жаждой власти, решился на такое тяжкое преступление — убил своих «соперников», ни в чём не повинных младших братьев. В произведении, сочинённом, как считают учёные, смолянином Яковом Мнихом, черноризцем Киево-Печерского монастыря, были затронуты очень важные морально-этические проблемы, характеризующие нравственный облик людей XI века. Жертвы Святополка предстают со страниц летописи как люди идеальные, непорочные. Подчёркнута их набожность, мягкость характеров, воспитанность, образованность, интеллигентность. И это запечатлено в миниатюрах.

Идеальным братьям Борису и Глебу противопоставлена лихая сила в лице Святополка, представленного как воплощение зла, как исчадие ада, как отъявленный злодей, сеющий коварство, жестокость и смерть. Интересна мотивировка его поведения. Он рождён был «от двою отцу». Его красавица-гречанка мать была расстрижена из монахинь князем Ярополком, который поразился её красотой. В междоусобной борьбе он погиб от руки князя Владимира, будущего крестителя Руси, который «поял» его жену и отправил в Киев, где она родила Святополка «с печатью греха», «от двою отцу», поскольку было неясно, кто в действительности был его отцом — Ярополк или Владимир. Потерпев поражение в битве с Ярославом Мудрым, Святополк бежал в Ляжские земли и умер

там от полученных ран, в заброшенном месте, терзаемый угрызениями совести. И это показано в миниатюре.

Составитель или переписчик летописного свода счёл необходимым также уточнить, когда Владимир Мономах начал княжить в Смоленске. Сама его запись представляет большой интерес с точки зрения языка и стиля. «1078 Володимиру, сидящу в Смоленску...» — это типичный местный оборот речи с окончанием «у». В тексте, датированном тем же годом, повествуется о Борисе и Олеге: в союзе с половцами они разбили дружину князя Всеволода на реке Сож и много своих же русичей посекли. В миниатюре также хорошо запечатлен этот трагический эпизод междоусобной борьбы.

В лето 1131 года, по сообщению летописца, «Ярославъ и Мстиславъ идоста на Ляхы, и заяста грады Червеньския опять, и повоеваста Лядцкую землю и многы ляхи приведоста и разделивша я».

Смоленский князь Мстислав в последние годы жизни княжил в Киеве, поэтому в летописи он назван «великим». Именно Мстислав построил ряд церквей, заложил церковь «святые Богородицы Пирогощу», которую прославил позднее автор «Слова о полку Игореве»:

Игорь едет по Боричеву
К святей Богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

В 1130 году, по летописи, он «поставиша епископа Мануила скопца к Смоленску». Скопец — это кастрат. В Западной Европе кастрацию производили, чтобы сохранить чистоту и звучность голоса у солистов. Считалось, что скопцы стоят ближе к Богу. Даже на Руси и в Европе были специальные касты скопцов. Русская пословица, которую приводит В. И. Даль, гласит: «Себя скоплю, себе рай куплю».

В тексте летописи, датированном 1036 годом, сделана запись: «Мстислав изыде на ловы, и разболеся и умре. И положиша у церкви Святаго Спаса, юже бе сам заложил: бе бо възделаное при нем възвыше на кони стоячи рукою досячи. Бе же Мстиславъ дебелъ теломъ и лицем, великима очима, храборъ на рати, и милостив, любяше дружину повелику, имениа не щадяше, и питьа и ядениа не броняше». Много внимания уделено в летописи князю Изяславу Мстиславичу. Именно он на свою власть в 1147 году «постави митрополита Клима русина особе со 6-ю епископ июля 27, на святаго Пантелеймона». За кандидатуру Климента («русина») не проголосовал смоленский епископ, грек по национальности, за что попал в немилость к митрополиту Клименту Смолятичу.

Следует указать ещё на одну запись с соответствующей миниатюрой — о князе смоленском Давыде Ростиславиче, который «приеха ночи противо свету к Киеву, ять брата князя Андрея Всеволода и Ростиславича Ярополка дружину их». О Ярополке Ростиславиче в тексте, датированном 1175 годом, записано, что зимой он «оженился» (чисто смоленское слово), «поя за ся Всеславлю дщерь, князя Витепского, и венчался с не в Володимире у святей Богородицы («у святей» — тоже чисто смоленское выражение), генваря 3 мясопустые недели во второк» (последнее слово также из смоленского говора). Как видно, составителя Смоленского летописного свода интересовали подробности не только общественной, но и личной жизни смолян и их современников из других княжеств.

Рассказывая подробно о Ростиславичах, внуках и правнуках Владимира Мономаха, летописец резко осуждал междоусобицы, которые истощали русские народные силы. В тексте, датированном 1205 годом, им сделана запись: «Роман емь, и посла в Киев, и пострижe в чернци, и жену его, и дщерь его, юже бе пустил; сына Рюрикова и брата его Володимира, а тою поя с собой». Так поступил Роман Волынский, победив Рюрика в междоусобной борьбе.

Летопись обрывается рассказом о пострижении Рюрика Ростиславича. Повествователь не находит слов от волнения и прерывает свою речь без возобновления её. Ему, безусловно, жаль князя, который рос и воспитывался в Смоленске, а затем, благодаря своим выдающимся способностям, добился «золотого» киевского стола.

В летописном Радзивиловском (Кёнигсбергском) своде предпочтение отдаётся преимущественно Смоленску перед другими русскими городами, даже перед Киевом и Новгородом Великим. Первый из них к тому времени уже постепенно терял своё былое величие, уступив первенство Владимиру, второй же находился за пределами другого государства, так как Смоленск был захвачен поляками и литовцами. Вспоминая прошлое величие Смоленска, которым долгое время управляли умные князья, летописец обстоятельно повествует о Мономаховичах и Ростиславичах. В общей сложности им отведено более ста страниц повествовательного текста.

Особое место в истории развития русской цивилизации летописец отводит XV веку. Длившееся более двухсот лет военное преимущество Золотой Орды придерживало духовное развитие Руси, но не могло подорвать её базисных основ. И поэтому на развалинах прежней цивилизации, начиная с XV века, покорённые, но не побеждённые русские княжества, каждое на свой лад, пытались создать новую национальную культуру. На северо-востоке заметно усиливается Владимиро-Суздальская земля, пытаясь представить

общие русско-христианские интересы. Постепенно на первое место выдвигается Москва, собирая все силы для отражения вражеского нашествия татар (на Востоке) и поляков и литовцев (на Западе).

Мобилизация духовных сил Руси способствовала выходу её из состояния кризиса. После Мамаева побоища на Куликовом поле в 1380 году начинается интенсивный процесс возрождения Руси в широком смысле этого слова. Повсеместно восстанавливаются города и веси, монастыри и храмы, разорённые в результате нашествия, реанимируется киевская культурная традиция на базисной основе нового православно-славянского возрождения. Успешно преодолевая кризис ереси в его разных проявлениях, русская культура начинает выходить на широкую дорогу. Филофей, игумен Елизарова монастыря в Пскове, выдвигает ставшую знаменитой идею «Москвы — Третьего Рима».

Возрождение прежней домонгольской культуры идёт путём усвоения, преумножения и переработки главных культурных ценностей Киевской Руси как непрерывающейся традиции. Чтобы понять её инновационно, надо осмыслить и оценить совершенный в XV веке в ней синтез, понять, что в этой новой культуре вновь пульсирует горячая кровь славянско-православного патриотизма, который особенно заметно выражен в Радзивиловской летописи, ориентированной уже на новые принципы, связанные с возрождением Северо-Восточной Руси во главе с Владимиро-Суздальским княжеством, ставшим теперь центром древнерусского государства.

Если Радзивиловская «лицевая» летопись, как установлено учёными (так называемые скептики в расчёт не принимаются), была переписана с какого-то более древнего владимиро-суздальского списка в XV веке, то как мог получить её текст Януш Радзивил непосредственно из Суздаля или Владимира, если эти города и само княжество находились вне досягаемости литовцев и поляков, обосновавшихся в Смоленске? Смоленские же переписчики вполне могли получить такой «заказ», поскольку ещё по старой традиции имели привилегию отличных мастеров. Что касается Радзивилов, то при штурме Смоленска в начале XV века один из них был в числе главных военных предводителей, поощрявших грабёж города. Не могли князья Радзивилы быть составителями летописного свода, отразившего высокие чувства смолян, их психологию, патриотические и нравственные идеалы.

Когда во время Семилетней войны в 1761 году русские войска взяли Кёнигсберг, президент Российской академии наук граф К. Г. Разумовский вытребовал оригинал летописи. И с этого времени она хранится в библиотеке Российской академии наук. Много лет потребовалось для того, чтобы реставрировать обветшавшую

рукопись, обновить её миниатюры. В 1995 году в Финляндии с реставрированной уже рукописи были сделаны факсимильные копии. Один экземпляр её вместе с комментаторским томом был подарен правительством Российской Федерации городу Смоленску. Этот дарственный жест неслучаен, ведь летопись была изготовлена в XV веке смоленскими мастерами книжного дела, они же и иллюстрировали её. На этом основании летописный свод следует по праву назвать не Радзивиловским, а Смоленским, сняв с титульного листа имя похитителя этого древнерусского литературного памятника.

Перевод летописи на современный русский язык, сделанный впервые в Смоленске, преследует своей целью ознакомить с её содержанием массового читателя, который не соприкасался раньше с письменными памятниками Древней Руси, но хочет знать её историю. Конечно, из существующих жанров русского Средневековья на почётное место нужно поставить, безусловно, летописание. Русская летопись — явление исключительное, феноменальное в мировой литературе. Оно существенно отличается от греческих и других европейских хроник. Наша летопись — это живой рассказ, воспроизведённый со слов очевидцев, передающих содержание самих фактов или событий, происходивших на их глазах. Вместе с тем она отражает внутреннее, духовное состояние самих рассказчиков, их радости или тревоги по поводу случившихся событий. Для полной достоверности своих рассказов летописцы, как правило, привлекали участников событий, своего рода свидетелей, и заставляли говорить каждого о том, что он лично видел и знал. Внимательно выслушав их, хроникёр сопоставлял, если имел возможность, рассказы с другими фактами и только после этого фиксировал в летописи. Надо отметить, что русская летопись воспроизводила исторические события свободно, естественно, «безыскусственно», как говорил Ф. И. Буслаев, т. е. непосредственно, по горячим следам событий, тем самым активно воздействуя на умы и чувства своих действительных и воображаемых собеседников, как бы ведя с ними диалог, приводя их в повышенное возбуждение. В этом плане Радзивиловская «лицевая» (т. е. иллюстрированная красочными миниатюрами) летопись имеет двойное воздействие — и своим содержанием, и своими рисунками, которые академик А. В. Арциховский назвал «окнами в исчезнувший мир» (по два на каждом листе, как в обычной крестьянской избе на каждой солнечной стене).

В своей начальной части, в составе «Повести временных лет», которая является общей для всех русских летописей, Радзивиловский «лицевой» свод сообщает важнейшие сведения и о Смоленской земле:

«И по смерти братьев этих [имеются в виду Кий, Щек и Хорив, основавшие Киев] потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было своё княжение, а у дреговичей своё, а у славян в Новгороде своё, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и — в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город —Смоленск. Именно там сидят кривичи, от них же происходят и северяне... Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами».

Затем летописец рассказывает о двух пришедших славянских племенах:

«Были два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили своё название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сёстрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят её накануне, а на следующий день приносят за неё — кто что даст.

А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нём тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь ещё вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон».

Дальнейшие события датированы:

«В год 984. Пошёл Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост, и послал Владимир Волчьего Хвоста вперёд себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане и победил их. Оттого и дразнят русские радимичей: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне...

В 1146 году отправил Изяслав киевский своего брата Ростислава Мстиславича Смоленского и сына Ярослава Изяславича на Туров. В том же году выступили Давыдовичи с Изяславом против Ольговича с сыном Мстиславом, пошли к Новгороду, и много зла сотворили около Новгорода. И бежал Святослав к Корачеву, Изяслав послал за ним Шварна и Изяслава Давыдовича. И взяли много пленных у Карачева. Святослав же вернулся и прогнал их снова, а сам, уйдя к вятичам, воротился восвояси.

В тот год Юрий, услышав о смерти Изяслава, пошёл в Русь. Когда он проходил Смоленск, то получил весть: „Брат твой, Вячеслав, умер, Ростислав побеждён, Изяслав княжит в Киеве, а Глеб в Переяславле“. Тогда к Юрию пришли новгородцы и попросили у него сына Мстислава в князья».

Далее идёт повествование об основателе княжеского рода в Смоленске — Ростиславе Мстиславиче:

«Когда Ростислав прибыл в Смоленск, он выслал к дяде посланника, прося мира. Юрий же не упомянул недобрых дел брата своего, ни его самого, и заключил с ним мир. Сам же он пошёл к Киеву. Придя, остановился у Стародуба. И тогда приехал к нему Святослав Ольгович и велел ему принять с любовью племянника своего Всеволодича. Юрий дал ему мир и приказал следовать за собой в Киев. По пути в Киев Юрий и Святослав стали слать к Святославу письма, предлагая ему уйти из Киева вместе с Изяславом. Он же не желал уйти из Киева, так как любил этот город.

Святослав остался в Чернигове, а Юрий остановился у Моровийска. Тогда же выслал к нему Изяслава со словами: „Сам ли ты стал княжить в Киеве? Меня посадили киевляне“. Юрий послал к Изяславу сказать: „Моя вотчина Киев, а не твоя“. Изяслав ответил ему: „Не делай мне зла, Киев — твой“. Юрий же смилостивился, обещая, что ничего дурного не сделает. И благодаря Богу, вошёл в Киев и занял дедов и отцов золотой стол.

В 1154 году умер Святополк Мстиславич. На его место во Владимире Изяслав посадил сына своего Ярослава. В том же году умер Глеб Юрьевич. Осенью, 13 ноября утром, на Филиппов день, умер Изяслав Мстиславич, положили его в церкви святого Феодора, в монастыре. Когда Изяслав Давыдович узнал о смерти Изяслава, то прибыл по Днепру под Киев и велел сказать Изяславичам, Вячеславу и Мстиславу: „Хотя я не был под братом своим, но если скажете, то оплачу гроб его“. Тогда, подумав, Вячеслав с Мстиславом и с дружиной не пустили его в Киев, потому что не прибыл Ростислав из Смоленска. Когда он прибыл, то стал князем в Киеве.

Ему было сказано: „Поскольку брат твой чтил Вячеслава, то и ты чти его, пожизненно Киев будет твоим“.

В 1165 году Ростислав Мстиславич послал своего сына Мстислава княжить в Новгород.

В год 1167. Умер благоверный князь Ростислав, сын Мстислава на пути из Смоленска к Киеву. Княжил он в Киеве 9 лет. 21 марта привезли его в Киев».

В летописи прослеживаются послужные пути детей Ростислава — Рюрика, Давыда и других, княживших в разных городах.

«В год 1174. Ушёл Рюрик из Новгорода. После этого новгородцы послали к князю Андрею, чтобы он дал им сына (дитя) Юрия, которого и приняли с честью. В том же году не покорившиеся князю Андрею Ростиславичи, особенно Давыд Ростиславич Вышгородский, который задумал со своими братьями крамолу, прибыл ночью на рассвете в Киев, взял брата Андрея, Всеволода, Ярополка Ростиславича и их дружину. В том же году князь Андрей узнал, что его брата захватил Давыд Ростиславич с братьями, послал сына Юрия с новгородцами, и с ростовцами, и суздальцами, и со всей дружиной, и с воеводой Борисом Жидиславичем, и с другими двадцатью князьями с полками своими. Давыд, заточив Мстислава в Вышгороде, отправился в ночь в Галич просить помощи. В помощи ему отказали. Подошедшие к Вышгороду большие силы, посланные Андреем, стояли 9 недель под городом и, ничего не сделав, возвратились назад…

В год 1203. 2 января был взят Киев Рюриком и Ольговичами вместе со всею половецкой землей. И сотворили они великое зло в земле Русской, какого не было со времён крещения в Русской земле. На Киев нападали и ранее, но такого зла не творили. Всё Подолье было сожжено, и гора [центр] взят, митрополию святой Софии разграбили, и Десятинную церковь Святой Богородицы, и все монастыри, и иконы ободрали, а другие унесли, кресты честные, и сосуды священные, и книги, и одежду первых блаженных князей, которые были развешены в церквах святых на память, — всё это было захвачено и унесено. Как говорит пророк Давид: „Боже, пришли иноверцы в царствие Твоё и осквернили церковь святую Твою, превратили Иерусалим в овощное хранилище. Положили трупы рабов Твоих в пищу птицам небесным, плоть преподобных Тебе зверям земным, пролив кровь их, как воду“. То всё взял на себя Киев за грехи наши.

В том году зимой пошли на Полоцк Давыд Ростиславич из Смоленска, сын его Мстислав из Новгорода, Василько Владимирович из Лошска, Всеслав из Дрютска. Узнав об этом, полочане сказали: „Не можем мы против новгородцев и смолян воевать, пустим их

в свою землю. С тем и мир заключим с ними, а не пустим их, они много зла причинят, если пойдут на нас. Пойдём к ним на сближение“. И собрались все, и пошли к ним. И встретились с ними на границе с поклоном и честью, дали дары большие, и всё уладили, и разошлись каждый по своим уделам.

В год 1205. Русские князья ходили на половцев: киевский Рюрик, переяславский Ярослав, великого князя Всеволода сын, галицкий Роман Мстиславич и другие князья. Зима тогда была суровая. И половцы испытывали большие муки, посланные как наказание от Бога. Русские князья захватили множество пленных, скот захватили. И возвратились домой с большой добычей. И была радость великая всем христианам Русской земли. Один дьявол не радовался, ибо не хотел добра роду христианскому. Рюрик и Роман прибыли в Треполь. И Ростислав приехал, будучи у шурина своего в Переяславле. Здесь был заключён мир во всех волостях, которые терпели за Русскую землю.

И дьявол посеял смятение — Роман захватил Рюрика, отправил в Киев и постриг в монахи, и жену его, и дочь, сына Рюрика и брата его Владимира захватил и взял с собою. И узнал об этом великий князь Всеволод, был весьма опечален тем, что произошло в Русской земле, потому что всякий христианин радуется, когда творится добро, и печалится, когда наступает зло. Великий князь Всеволод был опечален по поводу расправы над сватом его и зятем Рюриком, а также его детьми. И вложил ему Бог в сердце печаль за Русскую землю — можно мстить врагам, но не христианам. И послал мужей своих в Галич к Роману. Роман послушался великого князя и отпустил зятя его, оставив по-прежнему его в Киеве князем, и брата его отпустил».

Библиографический список

1. Радзивиловская летопись. Текст. Исследования. Описание миниатюр // Перевод на современный русский язык В. В. Ильина. СПб.: Глагол, М.: Искусство.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. СМОЛЯНЕ В БИТВЕ НА ПОЛЕ КУЛИКОВЕ

И положили есте головы своя за святыя церькви, за землю за Русскую и за веру крестьянскую. Простите мя, братия, и благословте в сем веце и в будущем

Задонщина

К осени 1380 г. основные силы татарского темника Мамая стали продвигаться на север для встречи со своими союзниками – литовским князем Ягайло и рязанским князем Олегом Ивановичем. Мамай долго простоял на реке Воронеже, и Дмитрий Донской успел собрать русские силы, которые начали концентрироваться в Коломне. Под стяги великого князя московского собрались дружинники 27 русских городов и княжеств. Перейдя через Оку, объединённая рать двинулась быстрым маршем и 6 сентября достигла Дона. На военном совете было решено перейти через реку и встретить врага за притоком Дона – Непрядвой. В ночь с 7 на 8 сентября войска перешли Дон и ранним утром 8 сентября (21 сентября) стали разворачиваться в боевые порядки, заняв около километра, обратившись лицом на юго-восток, откуда ждали неприятеля.

В последние десятилетия, в связи со всеобщей суматохой, сложившейся в исторической науке, стали пересматриваться установившиеся относительно Куликовской битвы каноны. На первое место выдвинуты домыслы и вымышленные подробности.

В начале 2000-х годов схема Куликовской битвы оказалась кардинально перерисованной. Вместо картины эпических масштабов, с длиной фронта построения в 7–10 вёрст, представлена небольшая лесная поляна, зажатая между оврагами, длиной около двух километров, при ширине в несколько сот метров. «Уточнено», что

вечером 7 сентября русские войска выстроились в боевые порядки. Большой полк и весь двор московского князя встали в центре. Ими командовал московский окольничий Тимофей Вельяминов. На флангах стали полк правой руки под командованием литовского князя Андрея Ольгердовича и полк левой руки князей Василия Ярославского и Феодора Моложского. Впереди, перед большим полком, стал сторожевой полк князей Симеона Оболенского и Иоанна Тарусского. В дубраве, вверх по Дону, был поставлен засадный полк во главе с Владимиром Андреевичем и Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским. Считается, что засадный полк стоял в дубраве рядом с полком левой руки, однако в «Задонщине» говорится об ударе засадного полка с правой руки. О делении на полки по родам войск не известно. Чему верить: «Задонщине», созданной по горячим следам событий, или «новым» уточнениям, появившимся через шестьсот лет?

Вечером и ночью 7 сентября Дмитрий Иванович объезжал войска, делая смотр. Тогда же, вечером, татарские передовые части, тесня русских разведчиков Семёна Малика, увидели русские построившиеся войска. В ночь на 8 сентября Дмитрий с Боброком выезжали на разведку и издали осматривали татарские и свои позиции.

Утро 8 сентября было туманным. До 11 часов, пока туман не рассеялся, готовые к бою войска стояли, поддерживали связь («перекликались») звуками труб. Князь вновь объезжал полки, часто меняя лошадей. В 12 часов показались на Куликовом поле и татары. Битва началась с нескольких небольших стычек передовых отрядов, после чего состоялся знаменитый поединок татарина Челубея (или Телебея) с иноком Александром Пересветом. Оба они пали мёртвыми, однако победа осталась за Пересветом, потому что конь смог довезти его до русских войск, в то время как Челубей оказался выбитым из седла. Далее последовал бой сторожевого полка с татарским авангардом, возглавляемым военачальником Теляком (в ряде источников — Туляк). Дмитрий Донской сначала был в сторожевом полку, а затем встал в ряды большого полка. Он поменялся одеждой и конём с московским боярином Михаилом Андреевичем Бренком, который затем сражался и принял смерть под знаменем великого князя.

Бой в центре был затяжной и долгий. Кони уже не могли не ступать по трупам, так как не было чистого места. «Пешаа русскаа великаа рать, аки древеса сломишися и, аки сено посечено, лежаху, и бе видети страшно зело...» В центре и на левом фланге русские были на грани прорыва своих боевых порядков, но помог частный контрудар, когда «Глеб Брянский с полками владимирским

и суздальским поступи через трупы мёртвых». «На правой стране князь Андрей Ольгердович не единою татар нападши и многих избил, но не смеяша вдаль гнатися, видя большой полк недвижусчийся и яко вся сила татарская паде на средину и лежи, хотяху разорвати». Основной удар татары направили на русский полк левой руки. Тот не удержался, оторвался от большого полка и побежал к Непрядве, преследуемый татарами. Возникла угроза тылу русского большого полка. Лишь на правом фланге их атаки не увенчались успехом, так как там монгольским воинам приходилось взбираться на крутой холм.

Владимир Андреевич, командовавший засадным полком, предлагал нанести удар раньше, но воевода Боброк удерживал его, а когда татары прорвались к реке и подставили засадному полку тыл, приказал вступить в бой. Удар конницы из засады с тыла на основные силы монголов стал решающим. Монгольская конница была загнана в реку и там перебита. Одновременно перешли в наступление полки Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Татары смешались и обратились в бегство.

Мамай, наблюдавший издали за ходом сражения, увидел поражение и бежал с малыми силами, как только засадный полк русских вступил в бой. Засадный полк преследовал татар до реки Красивой Мечи 50 вёрст, «избив» их «бесчисленное множество». Вернувшись из погони, Владимир Андреевич стал собирать войско. Сам великий князь был контужен и сбит с коня, но смог добраться до леса, где и был найден после битвы под срубленной берёзой в бессознательном состоянии. Летописцы сильно преувеличивают число погибших ордынцев, доводя их до 800 тысяч и даже до 1,5 млн. человек. «Задонщина» говорит о бегстве Мамая в Крым, то есть о гибели 8/9 всего войска. Все эти данные «новые историки» взяли из литературных памятников Куликовского цикла, которые перед этим заподозрили в неточности. Поэтому уточнения, сделанные ими, расходятся с прежними представлениями историков об этой битве, опубликованными перед юбилеем 600-летия победы над татарами. А они выглядят так. В центре встал главный полк, его фланги прикрывали полки правой и левой руки, которые упирались своими краями в заросшие лесом отроги, балки и речки. Передний полк, который принял первый удар и весь пал, как «скошенное сено», возглавляли Дмитрий и Владимир Всеволожи, потомки Владимира Мономаха, внуки смоленского князя Ростислава Мстиславича. Основной полк возглавили Дмитрий Иванович, правое и левое крыло — князь смоленский Иван Васильевич и воевода Иван Родионович Квашня. За большим полком располагался резерв. Предугадывая ход битвы, русские военачальники разместили

восточнее полка левой руки, в лесном урочище «Зеленая Дубрава», засадный полк, состоявший из отборных конных дружин. Следовательно, в Куликовской битве принимали участие не только князья, которые были выходцами из Смоленщины, но и смоляне-воины, хотя Смоленщина в то время находилась под оккупацией Литвы. Следует отметить, что ни один источник не подтверждает участия смолян на стороне Ягайло и Мамая.

Мамай расположил свою конницу и генуэзских наёмников в линейном порядке. Бой начался около 11 часов утра фронтальными атаками татарской конницы. Русские полки выстояли, и тогда, чтобы создать численный перевес, Мамай ввёл свежие силы и бросил их на полк левой руки. Понеся большие потери, он начал отступать. Положение не спас и выдвинутый ему на помощь резерв. Огибая фланг большого полка, золотоордынская конница около двух часов дня начала заходить в тыл русских войск, создавая угрозу окружения. И в это время в спину прорвавшимся татарам ударил засадный полк, что резко переломило ход сражения. Вступление в бой засадного полка послужило сигналом к всеобщему наступлению русского войска. Началось массовое бегство темников Мамая. Преследование их велось до наступления темноты. Победа была полной, были захвачены весь лагерь и обоз врага.

Конечно, победа на Куликовом поле многого стоила. Русская рать понесла огромные потери. Семь дней русичи собирали и хоронили в братских могилах павших на поле брани воинов, поэтому Куликовскую битву считают одним из самых крупных сражений средневековья. На поле боя, по подсчётам историков, сошлось несколько десятков тысяч воинов. В крови Мамаева побоища зарождалась будущая великая Россия. Битва оказала решающее влияние на создание единого русского государства, на утверждение национального русского характера.

В исторических и литературных источниках сохранились три основных памятника: летописная повесть, поэтическая повесть под названием «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» — обширная повесть, синтезировавшая летописное и поэтическое повествование. Именно против последнего сочинения и направлен главный удар современных скептиков. Они считают, что «Сказание» содержит явный социальный заказ и призвано прославить нарождающееся самодержавие и вместе с тем заклеймить предателей-рязанцев, злодеев-татар и литовцев. «Новые историки» вообще пытаются уберечь от критики Золотую Орду, идеализируя её, утверждая, что это было централизованное государство, где всяческие разбои карались смертной казнью, хотя вся художественная и летописная литература периода татарского нашествия свидетельствует о грабежах,

разбоях и массовых убийствах на покорённых татарами территориях. Поэтому поставлены под сомнение правдивые, исконно русские исторические источники о татарщине на Руси. Некто А. Петров пишет о недостоверности «Сказания» как исторического и литературного памятника, о его компилятивности, калькировании с «Сербской Александрии».

На самом же деле «Сказание о Мамаевом побоище» с некоторыми оговорками может служить главным источником, восстанавливающим ход Куликовской битвы. В то же время нельзя забывать, что это памятник искусства, со всеми вытекающими отсюда особенностями «лирического» плана. Но кто может оспорить, что литературное произведение начисто лишено реальности? Каждое слово его также в высшей степени значимо. В этом убеждают нас гениальное «Слово о полку Игореве» и другие произведения литературы Древней Руси. Уже в самом начале автор демонстрирует свою осведомленность в происходивших на Руси событиях. Мы вынуждены несколько сократить авторскую оценку противоположных сторон, участвовавших в битве на Куликовом поле. Конечно, они увидены и оценены христианским писателем. Так он пишет:

«Тот же безбожный Мамай стал похваляться и, позавидовав второму Юлиану-отступнику, царю Батыю, начал расспрашивать старых татар, как царь Батый покорил Русскую землю. И стали ему сказывать старые татары, как покорил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимир, и всю Русь, славянскую землю, и великого князя Юрия Дмитриевича убил, и многих православных князей перебил, а святые церкви осквернил и многие монастыри и сёла пожёг, а во Владимире соборную церковь златоверхую пограбил».

Собрав огромные силы, Мамай сказал им: «Пойдём на Русскую землю и разбогатеем от русского золота!»

«...Прознал же о том князь Олег Рязанский, что Мамай кочует на Воронеже и хочет идти на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Скудость ума была в голове его, послал сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и с многими дарами и писал грамоты свои к нему так: „Восточному великому и свободному, царям царю Мамаю — радоваться! Твой ставленник, тебе присягавший Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь идти на Русскую землю, на своего слугу князя Димитрия Ивановича Московского, устрашить его хочешь. Теперь же, господин и пресветлый царь, настало твое время: золотом, и серебром, и богатством многим переполнилась земля Московская, и всякими драгоценностями твоему владению на потребу. А князь Димитрий Московский — человек христианский — как услышит слово ярости твоей, то отбежит в дальние пределы

свои: либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, а великое богатство московское и золото — все в твоих руках будет и твоему войску на потребу“».

Другого посла с письмом такого же содержания он отправил к великому литовскому князю Ольгерду. «Ныне же, княже, настало наше время, ибо великий царь Мамай грядет на него и на землю его. И сейчас, княже, присоединимся мы оба к царю Мамаю, ибо знаю я, что царь даст тебе город Москву, да и другие города, что поближе к твоему княжеству, а мне отдаст он город Коломну, да Владимир, да Муром, которые к моему княжеству поближе стоят».

Текст «Сказания о Мамаевом побоище» даётся здесь в своде четырёх существующих редакций, поэтому в нём не устранены неточности. В союзе с Мамаем выступал не Ольгерд, который к тому времени уже умер, а его старший сын Ягайло. Но о замыслах Мамая и его союзников, обменявшихся грамотами, сказано достоверно.

«И прослышал князь великий Дмитрий Иванович, что надвигается на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, неустанно ярясь на христиан и на Христову веру и завидуя безголовому Батыю, и сильно опечалился князь великий Дмитрий Иванович из-за нашествия безбожных. И, став пред святою иконою господня образа, что в изголовье его стояла, и, упав на колени свои, стал молиться и сказал: „Господи! Я, грешный, смею ли молиться тебе, смиренный раб твой? Но к кому обращу печаль мою? Лишь на тебя надеясь, господи, и вознесу печаль мою. Ты же, господи, царь, владыка, светодатель, не сотвори нам, господи, того, что отцам нашим сотворил, наведя на них и на их города злого Батыя, ибо ещё и сейчас, господи, тот страх и трепет великий в нас живет“».

Эта часть памятника взята из редакции, подготовленной митрополитом Киприаном. Он вынес на первый план роль церкви в победе над татарами на Куликовом поле. Далее в «Сказании» речь идёт о Дмитрии Ивановиче, который рассылал скорых гонцов по всем русским княжествам, посылал за всеми воеводами на местах, за детьми боярскими и за всеми служилыми людьми. Великий князь повелел им быстро прибыть в Москву. По их прибытию он, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пришёл к преосвященному митрополиту Киприану и сказал ему: «„Знаешь ли, отче наш, предстоящее нам испытание великое, — ведь безбожный царь Мамай движется на нас, неумолимую в себе ярость распаляя?“ И митрополит отвечал великому князю: „Поведай мне, господин мой, чем ты пред ним провинился?“ Князь же великий

сказал: „Проверил я, отче, всё точно, что всё по заветам наших отцов, и даже ещё больше, выплатил дани ему“. Митрополит же сказал: „Видишь, господин мой, попущением божьим ради наших грехов идет он полонить землю нашу, но вам надлежит, князьям православным, тех нечестивых дарами удовлетворить хотя бы и вчетверо. Если же и после того не смирится, то господь его усмирит, потому что господь дерзким противится, а смиренным благодать подаёт“».

«...Дмитрий Иванович послал к нечестивому царю Мамаю избранного своего юношу, по имени Захарий Тютчев, испытанного разумом и смыслом, дав ему много золота и двух переводчиков, знающих татарский язык. Захарий же, дойдя до земли Рязанской и узнав, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к поганому царю Мамаю, послал быстро вестника скрытно к великому князю.

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав ту весть, воскорбел сердцем, и исполнился ярости и печали. <...> И, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пошёл во второй раз к преосвященному митрополиту и поведал ему, как Ольгерд Литовский и Олег Рязанский соединились с Мамаем... Преосвященный же митрополит сказал: „А сам ты, господин, не нанес ли какой обиды им обоим?“ Князь же великий прослезился и сказал: „Если я перед богом грешен или перед людьми, то перед ними ни единой черты не преступил по закону отцов своих“».

После этого великий князь разослал гонцов с грамотами по всей Русской земле, по всем городам: «Будьте же все готовы идти на мою службу, на битву с безбожными агарянами, татарами; соединимся же в Коломне на Успение святой богородицы... И всё множество людей будто одними устами сказало: „Дай же нам господи, решение это исполнить имени твоего ради святого!“»

Взяв с собою Владимира Андреевича и всех князей русских, Дмитрий Иванович поехал к живоначальной Троице, на поклон к отцу своему духовному, преподобному старцу Сергию, дабы благословение получить от святой той обители. Князь был в замешательстве, ибо пришли к нему вестники с сообщением, что уже приближаются поганые татары. И просил он преподобного, чтобы тот его отпустил. И ответил ему преподобный старец: «Это твоё промедление двойным для тебя послушанием обернётся. Ибо не сейчас ещё, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся». Преподобный Сергий «окропил князя священной водою и всё христолюбивое его войско, осенил великого князя крестом Христовым — знамением на челе. И сказал: „Пойди, господин, на поганых половцев,

призывая Бога, и Господь Бог будет тебе помощником и заступником“, и добавил ему тихо: „Победишь, господин, супостатов своих, как подобает тебе, государь наш“. Князь же великий сказал: „Дай мне, отче, двух воинов из своей братии — Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь“. Старец же преподобный велел тем обоим быстро готовиться идти с великим князем, ибо были известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тот час послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал он им вместо оружия тленного нетленное — крест Христов, нашитый на схимах, и повелел им вместо шлемов золочёных возлагать его на себя. И передал их в руки великого князя, и сказал: „Вот тебе мои воины, а твои избранники“, — и сказал им: „Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами“. И осенил Христовым знамением все войско великого князя — мир и благословение».

Вернувшись в Москву, великий князь «пошёл к преосвященному митрополиту Киприану, и поведал ему тайно всё, что сказал лишь ему старец святой Сергий, и какое благословение дал ему и всему его православному войску. Архиепископ же повелел эти слова сохранить в тайне, не говорить никому. Когда же наступил четверг 27 августа, день памяти святого отца Пимена Отшельника, в тот день решил князь великий выйти навстречу безбожным татарам. <...> Княгиня же великая Евдокия, и Владимира княгиня Мария, и других православных князей княгини, и многие жёны воевод, и боярыни московские, и жены слуг тут стояли, провожая, от слёз и кликов сердечных не могли и слова сказать, свершая прощальное целование. <...>

Князья же белозерские отдельно со своим войском выехали; изготовленным выглядит войско их. Князь же великий отпустил брата своего князя Владимира дорогою на Брашево, а белозерских князей — Болвановскою дорогою, а сам князь великий пошёл на Котел дорогою. Перед ним солнце ярко сияет, а вслед ему тихий ветерок веет. Потому же разлучился князь великий с братом своим, что не пройти им было одной дорогой».

Великий же князь отправился, захватив с собою мужей знатных, московских купцов. И пришёл в Коломну в субботу, в день памяти святого отца Моисея Эфиопа. Наутро он повелел выехать всем воинам на поле к Девичьему монастырю. «В святое же воскресение после заутрени зазвучали многие трубы боевые, и литавры загремели, и зашумели расшитые знамена у сада Панфилова.

Сыновья же русские вступили в обширные поля коломенские, но и тут не вместиться огромному войску, и невозможно было

никому очами окинуть рати великого князя. Князь же великий, въехав на возвышенное место с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя такое множество людей снаряженных, возрадовался и назначил каждому полку воеводу».

Распределив полки, он повелел им через Оку-реку переправляться и приказал каждому полку и воеводам: «Если же кто пойдет по Рязанской земле, —не коснитесь ни единого волоса!» И, взяв благословение от архиепископа коломенского, князь великий перешёл реку Оку со всеми силами и отправил в поле третью заставу, лучших своих витязей, чтобы они сошлись со сторожей татарской в степи: Семёна Медика, Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Олексина, Петрушу Чурикова и многих других удалых наездников.

«Олег Рязанский услышал, что князь великий соединился со многими силами и следует навстречу безбожному царю Мамаю да к тому же вооружен твёрдо своею верою, которую на бога-вседержителя, всевышнего творца, со всею надеждой возлагает. И начал остерегаться Олег Рязанский и с места на место переходить с единомышленниками своими, так говоря: „Вот если бы нам можно было послать весть об этой напасти к многоразумному Ольгерду Литовскому, узнать, что он об этом думает, да нельзя: перекрыли нам путь. Думал я по старинке, что не следует русским князьям на восточного царя подниматься, а теперь как все это понять? И откуда князю помощь такая пришла, что смог против нас трёх подняться?“ <...>

Князь же Ольгерд Литовский, в согласии с прежним замыслом, собрал литовцев много и варягов, и жмуди и пошёл на помощь Мамаю. И пришёл к городу Одоеву, но, прослышав, что князь великий собрал великое множество воинов, — всю русь и словен, да пошёл к Дону против царя Мамая, — прослышав также, что Олег испугался, — и стал тут с тех пор недвижимо, и понял тщетность своих помыслов, о союзе своём с Олегом Рязанским теперь сожалел, метался и негодовал, говоря: „Если человеку не хватает своего ума, то напрасно чужого ума ищет: никогда ведь не бывало, чтобы Литву поучала Рязань! Ныне же свёл меня с ума Олег, а сам и пуще погиб. Так что теперь побуду я здесь, пока не услышу о московской победе“.

В то же время прослышали князья Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский, Ольгердовичи, что великая беда и забота отяготили великого князя Дмитрия Ивановича Московского и всё православное христианство от безбожного Мамая. Были же те князья отцом своим, князем Ольгердом, нелюбимы из-за мачехи их, но ныне богом возлюблены были и святое крещение приняли.

Были они, будто какие колосья плодовитые, сорняком подавляемые: живя среди нечестия, не могли плода достойного породить. И посылает князь Андрей к брату своему, князю Дмитрию, тайно письмо небольшое, в нём же написано так: „Знаешь, брат мой возлюбленный, что отец наш отверг нас от себя, но отец наш небесный, господь бог, сильней возлюбил нас и просветил святым крещением, дав нам закон свой, — чтобы жить по нему, и отрешил нас от пустой суеты и от нечистой пищи; мы же теперь чем за то богу воздадим? Так устремимся, брате, на подвиг благой для подвижников Христа, источника христианства, пойдем, брате, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всем православным христианам, ибо большая беда наступила для них от поганых измаилтян, да ещё и отец наш с Олегом Рязанским присоединились к безбожным и преследуют православную веру христианскую“. <…>

Князь же Дмитрий Ольгердович, прочтя письмо брата своего старшего, возрадовался и заплакал от радости, говоря: „Владыко, господи человеколюбец, дай же рабам твоим желание совершить таким путем подвиг этот благой, что открыл ты брату моему старшему!” И велел послу: “Скажи брату моему, князю Андрею: готов я сейчас же по твоему приказу, брат и господин.“ <…>

Через несколько дней сошлись оба брата, как решили, со всеми силами в Северской земле и, свидясь, порадовались, как некогда Иосиф с Вениамином, видя с собою множество людей, бодрых и снаряженных умелых ратников. И достигли быстро Дона, и догнали великого князя Дмитрия Ивановича Московского еще на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй, и тут соединились».

Когда князь великий был на месте, называемом Березуй, прибыли двое из его сторожевой заставы, Пётр Горский и Карп Олексин. Они привели знатного языка со стана Мамая. И рассказал он: «Уже царь Кузьмине гати стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского да Олега Рязанского; руководствуясь сведениями, полученными от Олега, о твоих сборах царь не ведает и встречи тобою не ожидает; через три же дня должен быть на Дону». Князь великий спросил его о силе царской, и тот ответил: «Несчётное множество войск его сила, никто их не сможет перечесть».

Дмитрий Иванович «стал совещаться с братом своим и со вновь обретённою братьею, с литовскими князьями: „Здесь ли и дальше останемся или Дон перейдем?“ Сказали ему Ольгердовичи: „Если хочешь твёрдого войска, то прикажи за Дон перейти, чтобы не было ни у одного мысли об отступлении; о великой же силе врага не раздумывай, ибо не в силе бог, но в правде“». И князь великий приказал войску всему через Дон переправиться. А в это время разведчики поторапливали, ибо приближались поганые татары. В эти

дни «множество волков стекалось на место то, завывая страшно, беспрерывно все ночи, предчувствуя грозу великую, и галки своим языком говорят, и орлы, во множестве с устья Дона слетевшись, по воздуху паря, клекчут, и многие звери свирепо воют, ожидая того дня грозного, богом предопределённого, в который должны лечь тела человеческие: такое будет кровопролитие, будто вода морская. От того-то страха и ужаса великие деревья преклоняются и трава расстилается».

Здесь видна явная перекличка со «Словом о полку Игореве».

«А в шестом часу дня примчался Семён Мелик с дружиной своей, а за ним гналось множество татар: нагло гнались почти до нашего войска, и лишь только русских увидев, возвратились быстро к царю и сообщили ему, что князья русские изготовились к бою у Дона». Семён Мелик поведал князю великому: «Уже Мамай-царь на Гусин брод пришёл, и одна только ночь между нами, ибо к утру он дойдёт до Непрядвы». Дмитрий Иванович до шестого часа расставлял свои полки. Волынский воевода Дмитрий Боброк, который знатным был полководцем, расставил полки по достоинству, как и где кому подобает стоять.

Увидев свои полки достойно устроенными, Дмитрий Иванович «сошёл с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка чёрным знаменем, на котором вышит был образ владыки господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно: „О владыка-вседержитель! Взгляни проницательным оком на этих людей, что твоею десницею созданы и твоею кровью искуплены от служения дьяволу“. <…>

Окончив молитву и сев на коня своего, стал он по полкам ездить с князьями и воеводами и каждому полку говорил: „Братья мои милые, сыны русские, все от мала и до великого! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился — в эту ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготовится, утром ведь уже невозможно будет приготовиться: ибо гости наши уже приближаются, стоят на реке на Непрядве, у поля Куликова изготовились к бою, и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, её ведь, друзья мои, еще на Руси мы возжелали. Ныне, братья, уповайте на бога живого, мир вам пусть будет с Христом, так как утром не замедлят на нас пойти поганые сыроядцы“.

Ибо уже ночь наступила светоносного праздника Рождества святой Богородицы. Осень тогда затянулась и днями светлыми ещё радовала, была и в ту ночь теплынь большая и очень тихо, и туманы от росы встали. Ибо истинно сказал пророк: „Ночь не светла

для неверных, а для верных она просветленная“. И сказал Дмитрий Волынец великому князю: „Хочу, государь, в ночь эту примету свою проверить“ — а уже заря померкла. Когда наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собою великого князя только, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и обративши к татарской стороне, услышал стук громкий, и клики, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий, громкий очень, а по левой стороне будто горы шатаются — гром страшный, по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещая. И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: „Слышим, брат, —гроза страшная очень“, — и светил Волынец: „Призывай, княже, бога на помощь!“

И повернулся он к войску русскому — и была тишина великая. Спросил тогда Волынец: „Видишь ли что-нибудь, княже?“ — тот же ответил: „Вижу: много огненных зорь поднимается...“ И сказал Волынец: „Радуйся, государь, добрые это знамения, только бога призывай и не оскудевай верою!“ И снова сказал: „И ещё у меня есть примета проверить“. И сошёл с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: „Что там, брат Дмитрий?“ Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: „Одна примета тебе на пользу, другая же — к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точено какая-то женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметами битв проверил, оттого и рассчитываю на милость Божию — молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христолюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет“.

Услышав это, князь великий прослезился и сказал: „Господу богу всё возможно: всех нас дыхание в его руках!“ И сказал Волынец: „Не следует тебе, государю, этого войску рассказывать, но только каждому воину прикажи богу молиться и святых его угодников призывать на помощь. А рано утром прикажи им сесть на коней своих, каждому воину, и вооружиться крепко и крестом осенить себя: это ведь и есть оружие на противников, которые утром свидятся с нами“.

В ту же ночь некий муж, именем Фома Кацибей, разбойник, поставлен был в охранение великим князем на реке Чурове

за мужество его для верной охраны от поганых. Его исправляя, бог удостоил его в ночь эту видеть зрелище дивное. На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое весьма, будто какие войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, в обоих руках острые мечи, и сказали предводителям войска: „Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам господь даровал?“ И начали их рубить и всех порубили, ни один из них не спасся. Тот же Фома, с тех пор целомудрен и благоразумен, уверовал в бога, а о том видении рассказал наутро великому князю одному. Князь же великий сказал ему: „Не говори того, друже, никому“, — и, воздев руки к небу, стал плакать, говоря: „Владыко господи человеколюбец! Молитв ради святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею на амаликетян, и как старому Ярославу на Святополка, и прадеду моему великому князю Александру на похвалявшегося короля римского, пожелавшего разорить отечество его. Не по грехам же моим воздай мне, но излей на нас милость свою, простри на нас милосердие свое, не дай нас в осмеяние врагам нашим, чтобы не издевались над нами враги наши, не говорили страны неверных: «Где же бог, на которого они так надеялись». Но помоги, господи, христианам, ими ведь славятся имя твое святое!“

И отослал князь великий брата своего, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву, чтобы там затаился полк его, дав ему лучших знатоков из своей свиты, удалых витязей, твёрдых воинов. А ещё с ним отправил знаменитого своего воеводу Дмитрия Волынского и других многих.

Когда же настал, месяца сентября в восьмой день, великий праздник Рождества святой Богородицы, на рассвете в пятницу, когда всходило солнце и туманное утро было, начали христианские стяги развеваться и трубы боевые во множестве звучать. И вот уже русские кони взбодрились от звука трубного, и каждый воин идёт под своим знаменем. И радостно было видеть полки, выстроенные по совету твёрдого воеводы Дмитрия Боброка Волынца.

Когда же наступил второй час дня, начали звуки труб у обоих войск возноситься, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы загремели громче. Полки же ещё не видят друг друга, ибо утро было туманное. А в это время, братья, земля стонет страшно, грозу великую предрекая на восток вплоть до моря, а на запад до самого Дуная, и огромное то поле Куликово прогибается, а реки выступали из берегов своих, ибо никогда не было стольких людей на месте том.

Когда же князь великий пересел на лучшего коня, поехал по полкам и говорил в великой печали сердца своего, то слёзы

потоками текли из очей его: „Отцы и братья мои, господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чём, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос-бог и спаситель душ наших“.

Укрепив полки, снова вернулся под своё знамя чёрное, и сошёл с коня, и на другого коня сел, и сбросил с себя одежду царскую, и в другую оделся. Прежнего же коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку и ту одежду на него воздел, ибо любил его сверх меры, и знамя своё чёрное повелел оруженосцу своему над Бренком держать. Под тем знаменем и убит был вместо великого князя.

Князь же великий стал на месте своём, и, сняв с груди своей живоносный крест, на котором были изображены страдания Христовы и в котором находился кусочек живоносного древа, восплакал горько и сказал: „Итак, на тебя надеемся, живоносный господен крест, в том же виде явившийся греческому царю Константину, когда он вышел на бой с нечестивыми, и чудесным твоим видом победил их. Ибо не могут поганые нечестивые половцы твоему образу противостоять; так, господи, и покажи милость свою на рабе твоём!“

В это же время пришёл к нему посланный с грамотами от преподобного старца игумена Сергия, а грамотах написано: „Великому князю, и всем русским князьям, и всему православному войску — мир и благословение!“ Князь же великий, прослушав писание преподобного старца и расцеловав посланца с любовью, тем письмом укрепился, точно какими-нибудь твёрдыми бронями. А ещё дал посланный старец от игумена Сергия хлебец пречистой богородицы, князь же великий принял хлебец святой и простёр руки свои, вскричав громогласно: „О великое имя все святой троицы, о пресвятая госпожа богородица, помоги нам молитвами той обители и преподобного игумена Сергия; Христе боже, помилуй и спаси души наши!“ И сел на лучшего своего коня, и, взяв копье своё и палицу железную, выехал из рядов, хотел раньше всех сам сразиться с погаными от великой печали души своей, за свою великую обиду, за святые церкви и веру христианскую. Многие же русские богатыри, удержав его, помешали ему сделать это, говоря: „Не следует тебе, великому князю, прежде всех самому в бою биться, тебе следует в стороне стоять и на нас смотреть, а нам нужно биться и мужество своё и храбрость перед тобой показать: если тебя господь спасёт милостью своею, то ты будешь знать, кого чем наградить. Мы же готовы все в этот день головы свои положить за тебя, государь, и за святые церкви, и за православное христианство“. <…>

Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу: пяти сажен высота его и трёх сажен ширина его. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выступив из рядов, сказал: „Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведаться!“ И был на голове его шлем, как у архангела, вооружен же он схимою по велению игумена Сергия. И сказал: „Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой, Андрей Ослябя, моли бога за меня! Чаду моему Якову — мир и благословение!“ — бросился на печенега и добавил: „Игумен Сергий, помоги мне молитвою!“ Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: „Боже, помоги рабу своему!“ И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались.

Увидев, что настал третий час дня, князь великий произнес: „Вот уже гости наши приблизились и передают друг другу круговую чашу, что первые уже испили её, и возвеселились, и уснули, ибо уже время пришло и час настал храбрость свою каждому показать“. И стегнул каждый воин своего коня, и воскликнули все единогласно: „С нами бог!“ — и ещё: „Боже христианский, помоги нам!“, — а поганые татары своих богов стали призывать. И сошлись грозно обе силы великие, твёрдо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от ужасной тесноты под конскими копытами испускали дух, ибо невозможно было вместиться всем на том поле Куликове: было поле то тесное между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище. Ибо в один только час, в мановение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий божьих! Воля господня свершается: час, и третий, и четвертый, и пятый, и шестой твёрдо бьются неослабно христиане с погаными половцами.

Когда же настал седьмой час дня, по божьему попущению и за наши грехи начали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские, и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены. И самого великого князя ранили сильно, и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще и божьею силою сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не истребили их божьей милостью, они ещё больше утвердились. <...>

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели — уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую погибель русских сынов, князь Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынцу: „Так какая же польза в стоянии нашем? Какой успех у нас будет? Кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны, жестоко погибают от поганых, будто трава клонится!“ И ответил Дмитрий: „Беда, княже, велика, но ещё не пришёл наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет; ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благо рожденными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим по заслугам противникам нашим“. <…>

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Волынец голосом громким: „Княже Владимир, наше время настало и час удобный пришел!„ — и прибавил: „Братья моя, друзья, смелее: сила святого духа помогает нам!“

Соратники же друзья выскочили из дубравы зелёной, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твёрдым воеводою Дмитрием Волынцем: и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно. <…>

Безбожный же царь Мамай, увидев свою погибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия и Хорса и великого своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила святого духа, точно огонь, ожигает их. И Мамай, увидев новых воинов, что, будто лютые звери, скакали и разрывали врагов, как овечье стадо, сказал своим: „Бежим, ибо ничего доброго нам не дождаться, так хотя бы головы свои унесем!“ И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в излучину моря, скрежеща зубами своими, плача горько, говоря: „Уже нам, братья, в земле своей не бывать, а жён своих не ласкать, а детей своих не видать, ласкать нам сырую землю, целовать нам зелёную мураву, и с дружиной своей уже нам не видеться, ни с князьями, ни с боярами!“ И многие погнались за ними и не догнали, потому что кони их утомились, а у Мамая свежи кони его, и ушёл он от погони.

Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под чёрным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда, и жалостно видеть и горько взглянуть на человеческое кровопролитие: как морское пространство, а трупов человеческих — как сенные стога: быстрый конь не может скакать, и в крови по колено брели, а реки три дня кровью текли.

Князь же Владимир Андреевич не нашёл брата своего, великого князя, на поле, но только литовских князей Ольгердовичей, и приказал трубить в сборные трубы. Подождал час и не нашёл великого князя, начал плакать и кричать, и по полкам ездить сам стал, и не сыскал, и говорил всем: „Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал пастыря нашего и начальника?“ И добавил: „Если пастух погиб — и овцы разбегутся. Для кого эта честь будет, кто победителем сейчас предстанет?“ И сказали литовские князья: „Мы думаем, что жив он, но ранен тяжело; что, если среди мертвых трупов лежит?“ Другой же воин сказал: „Я видел его в седьмом часу твёрдо бьющимся с погаными палицею своею“. Ещё один сказал: „Я видел его позже того: четыре татарина напали на него, он же твёрдо бился ними“. Некий князь, именем Стефан Новосильский, тот сказал: „Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шёл он с побоища, и раненный весь. Оттого не мог я ему помочь, что преследовали меня три татарина и милостью божьей едва от них спасся, а много зла от них принял и очень измучился“.

Князь же Владимир сказал: „Братья и други, русские сыны, если кто в живых брата моего сыщет, тот воистину первым будет средь нас!“ И рассыпались все по великому, могучему и грозному полю боя, ищучи победы победителя. И некоторые набрели на убитого Михаила Андреевича Бренка: лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь великий; другие же набрели на убитого князя Фёдора Семёновича Белозерского, сочтя его за великого князя, потому что похож был на него. Два же каких-то воина отклонились на правую сторону в дубраву, один именем Фёдор Сабур, а другой Григорий Холопищев, оба родом костромичи. Чуть отошли от места битвы — и набрели на великого князя, избитого и израненного всего и утомленного, лежал он в тени срубленного дерева берёзового. И увидели его и, слезши с коней, поклонились ему. Сабур же тотчас вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: „Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует вовеки!“

Все князья и воеводы, прослышав об этом, быстро устремились и пали в ноги ему, говоря: „Радуйся, князь наш, подобный прежнему Ярославу, новый Александр, победитель врагов: победы этой честь тебе принадлежит!“ Князь же великий едва проговорил: „Что там, — поведайте мне“. И сказал князь Владимир: „Милостью божьей и пречистой его матери, помощью и молитвами сродников наших святых мучеников Бориса и Глеба, и молитвами русского святителя Петра, и пособника нашего и вдохновителя игумена Сергия, — тех всех молитвами враги наши побеждены, мы же спаслись“. <…>

И привели ему коня, и, сев на коня и выехав на великое, страшное и грозное место битвы, увидел войска своего убитых очень

много, а поганых татар вчетверо больше того убитых, и, обратясь к Волынцу, сказал: „Воистину, Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть“. И поехал с братом своим и с оставшимися князьями и воеводами по месту битвы, восклицая от боли сердца своего и слезами обливаясь, и так сказал: „Братья, русские сыны, князья, и бояре, и воеводы, и слуги боярские! Судил вам господь бог такою смертью умереть. Положили вы головы свои за святые церкви и за православное христианство“. И немного погодя подъехал к месту, на котором лежали убитые вместе князья Белозерские… И дальше поехал, и нашёл своего наперсника Михаила Андреевича Бренка, а около него лежит стойкий страж Семён Мелик, поблизости от них Тимофей Волуевич убитый. Став же над ними, князь великий прослезился и сказал: „Брат мой возлюбленный, из-за сходства со мною убит ты. Какой же раб так может господину служить, как этот, ради меня сам на смерть добровольно грядущий! Воистину древнему Авису подобен, который был в войске Дария Персидского и так же, как ты, поступил“. Так как лежал тут и Мелик, сказал князь над ним: „Стойкий мой страж, крепко охраняем был я твоею стражею“. Приехал и на другое место, увидел Пересвета-монаха, а перед ним лежит поганый печенег, злой татарин, будто гора, и тут же вблизи лежит знаменитый богатырь Григорий Капустин. Повернулся князь великий к своим и сказал: „Видите, братья, зачинателя своего, ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, благословенный игуменом Сергием, и победил великого, сильного, злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную чашу“.

И отъехав на новое место, повелел он трубить в сборные трубы, созывать людей. Когда же собрались все люди, князь великий стал посреди них, плача и радуясь: об убитых плачет, а о здравых радуется. Говорил же: „Братья мои, князья русские, и бояре поместные, и служилые люди всей земли! Подобает вам так служить, а мне — по достоинству восхвалять вас. Если же сбережёт меня господь и буду на своём престоле, на великом княжении в граде Москве, тогда по достоинству одарю вас. Теперь же вот что сделаем: каждый ближнего своего похороним, чтобы не попали зверям на съедение тела христианские“.

Стоял князь великий за Доном на поле боя восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Тела христиан в землю погребли, нечестивых тела брошены были зверям и птицам на растерзание. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: „Сосчитайте, братья, скольких воевод нет, скольких служилых людей“. Говорит боярин московский, именем Михаил Александрович, а был он в полку у Микулы у Васильевича, счётчик был гораздый: „Нет

у нас, государь, сорока бояр московских, да двенадцати князей Белозерских да тринадцати бояр — посадников новгородских, да пятидесяти бояр Новгорода Нижнего, да сорока бояр серпуховских, да двадцати бояр переяславских, да двадцати пяти бояр костромских, да тридцати пяти бояр владимирских, да пятидесяти бояр суздальских, да сорока бояр муромских, да тридцати трёх бояр ростовских, да двадцати бояр дмитровских, да семидесяти бояр Можайских, да шестидесяти бояр звенигородских, да пятнадцати бояр угличских, да двадцати бояр галичских, а младшим дружинникам и счёта нет; но только знаем: погибло у нас дружины всей двести пятьдесят тысяч и три тысячи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысяч“. <…>

Поганый же Мамай тогда побежал с побоища, и достиг города Кафы, и, утаив своё имя, вернулся в свою землю, не желая стерпеть, видя себя побеждённым, посрамлённым и поруганным. И снова гневался, сильно ярясь, и ещё зло замышляя на Русскую землю, словно лев рыкая и будто неутолимая ехидна. И, собрав оставшиеся силы свои, снова хотел изгоном идти на Русскую землю. И когда он так замыслил, внезапно пришла к нему весть, что царь по имени Тохтамыш с востока, из самой Синей Орды, идёт на него. И Мамай, который изготовил войско для похода на Русскую землю, с тем войском пошёл против Тохтамыша. И встретились на Калке, и был между ними бой большой. И царь Тохтамыш, победив царя Мамая, прогнал его. Мамаевы же князья, и союзники, и есаулы, и бояре били челом Тохтамышу, и принял тот их, и захватил Орду, и сел на царстве. Мамай же убежал снова в Кафу один; утаив своё имя, скрывался здесь, и опознан был каким-то купцом и тут убит он был фрягами; и так зло потерял жизнь свою. Об этом же кончим здесь.

Ольгерд же Литовский, прослышав, что князь великий Дмитрий Иванович победил Мамая, возвратился восвояси со стыдом велик. Олег же Рязанский, узнав, что хочет князь великий послать на него войско, испугался и убежал из своей вотчины с княгинею и с боярами; рязанцы же били челом великому князю, и князь великий посадил в Рязани своих наместников».

Использованный нами современный перевод «Сказания о Мамаевом побоище» осуществлён Л. А. Дмитриевым. В основу его положена далеко не лучшая Киприановская редакция памятника середины XVI века. Мало учтён текст Основной (ранней) редакции второй половины XV века. Из Распространённой редакции 1480—1490 годов взята для перевода только одна дополнительная повесть — о посольстве Захария Тютчева, опущена повесть о новгородцах, но, главное, переводчик не учёл Летописной редакции

начала XVI века, в которой исправлена историческая неточность: князя Ольгерда в дни Куликовской битвы уже не было в живых. В событиях, связанных с Мамаевым побоищем, принял участие на стороне ордынского темника его старший сын, великий литовский князь. Неточности также были допущены в переводе при описании расположения русских сил (перед началом битвы). Не все участники сражения перечислены. Тщательный анализ всех четырёх редакций памятника и наработки науки, осуществлённые накануне 600-летнего юбилея великого сражения, дали бы возможность переводчику уточнить некоторые исторические факты, в частности об участии в битве новгородцев и смолян.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. СМОЛЕНЩИНА В «СМУТНОЕ ВРЕМЯ»

Не воскресить былые времена.
Но вихри дней не стёрли имена
Тех, кем досель горда литература...

Юрий Паркаев

XVI в. и начало XVII в. известны в истории России как Смутное время. Оно предельно обострило противоречия внутри страны, серьёзно ослабило её внутриполитическое положение. Этим воспользовались исконные её враги — Польша и Швеция. Они хотели расчленить Россию, лишить её государственной самостоятельности. Свои преступные планы они сначала пытались осуществить при помощи внедрения самозванцев — Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Когда эта хитрая и коварная идея провалилась, с осени 1609 года они перешли к открытой агрессии против Российского государства. Польский король Сигизмунд III с крупными военными силами перешел её границу. Кроме поляков, к вторгшимся завоевателям присоединилось литовское воинство, а также татары, наёмные немецкие и венгерские пехотинцы. 21 сентября эти силы подошли к Смоленску и начали его осаду. На ультиматум польского короля о капитуляции смоленский воевода ответил гордым отказом. Как важнейший форпост на западной границе, Смоленск был ещё задолго до военных событий превращён в первоклассную неприступную крепость.

Смоленскую крепостную стену, это «каменное ожерелье России», создавала вся страна, а руководил строительством Фёдор Савельевич Конь (около 1540 — после 1606 г.), крупнейший русский зодчий рубежа XVI — XVII веков, носивший высокий персональный титул — «государев мастер» царя Бориса Годунова. Очевидно, он был автором и других несохранившихся архитектурных

ансамблей, близких по стилю к крепостным сооружениям Смоленска, а также соборов Болдинского монастыря, который расположен в Дорогобужском районе. Вообще говоря, о жизни знаменитого зодчего известно немного: существуют краткие и отрывочные записи в источниках конца XVI – начала XVII в., приходные и расходные книги Болдина монастыря за 1568–1607 годы, наказы и грамоты царя Фёдора Иоановича 1591 и 1595 годов, различные хронографы и летописцы XVII века. Его прозвище – Конь, видимо, было связано с его личными физическими силами, либо с его социальным происхождением. Ряд исследователей считает его выходцем из Троицкого монастыря в Болдине, так как в 1594 году им был сделан вклад в Болдинский монастырь в размере 35 рублей. С Болдиным, очевидно, была связана и его родная семья.

И вот теперь его грандиозное военное сооружение, воздвигнутое величием его гения, Смоленская крепостная стена, должна была пройти проверку на прочность. На вооружении крепости стояли 170 пушек и другое современное, добротное по тому времени военное вооружение. Гарнизон города насчитывал более пятидесяти тысяч человек. Оборону города возглавлял воевода Михаил Борисович Шеин, проявивший себя до этого как превосходный полководец. Ещё в сражении 1605 года под Добрыничами русские войска, которыми он командовал, нанесли сокрушительное поражение Лжедмитрию I. После этой победы Шеин получил высший в то время чин боярина, а в следующем году стал воеводой в Смоленске. Исторические источники утверждают, что он, обладая богатым военным опытом, отличался личной храбростью, твёрдостью характера, упорством и настойчивостью.

Летом 1609 года он получил достоверные надёжные сведения о том, что польского короля «чают под Смоленск к Спасову дни». Начались работы по укреплению города. В августе воевода Шеин отдал приказ о наборе даточных людей, разработал план обороны крепости – так называемую осадную городовую роспись. С приближением противника весь окружавший город посад (до 6000 деревянных домов) был выжжен.

Гетман С. Жолкевский, возглавлявший в то время польскую армию, на военном совете предложил королю ограничиться блокадой Смоленска, а главными силам идти на Москву. Король не согласился, и начался штурм города. М. Б. Шеин приказал перед всеми крепостными воротами поставить деревянные срубы и наполнить их землёй и камнями.

Поляки расположили главные свои силы перед восточными (Авраамиевскими) и западными (Копытицкими) воротами и пытались их взорвать. Ночью защитники крепости зажгли факелы, осветив

противника, а крепостная артиллерия открыла по нему ураганный огонь. Находившиеся в плотных построениях вражеская пехота и конница понесли тяжёлые потери и в панике отступили. Попытка снова ворваться в крепость была отбита. Потерпев первую неудачу, поляки перенесли основные военные действия на другие участки крепостной стены, но и там нигде не добились успеха.

Отражая вражеские атаки, защитники крепости продолжали в срочном порядке совершенствовать её оборону: повреждённые сооружения тут же восстанавливались; ворота, без которых можно было обойтись, засыпались землей и закладывались камнями. Имея перевес в артиллерии, защитники Смоленска наносили осаждавшему противнику серьёзный урон, особенно при подходе его на близкое расстояние к городским стенам. Тяжёлые орудия крепости несколько раз обстреливали королевский лагерь. Король Сигизмунд III вынужден был в конце концов отказаться от штурма и перешёл к длительной осаде. Узнав, что поляки закладывают мины, М. Б. Шеин приказал развернуть контрминные работы. Следует отметить высокую активность обороняющихся смолян, о чём свидетельствуют их многократные вылазки, в которых участвовали сотни воинов.

А в тылу врага развернулась партизанская война смоленских крестьян. Укрываясь в лесах, они оказывали значительную помощь осаждённому гарнизону: нападали на фуражиров и небольшие группы противника. Важную роль в организации партизанского движения на Смоленщине сыграл выдающийся русский полководец начала XVII века — князь М. В. Скопин-Шуйский, направивший в смоленские леса 30 ратных людей с задачей формирования из крестьян партизанских отрядов.

Наступила весна 1610 года. Смоленск сковывал основные силы врага, не позволяя ему двинуться далее на Москву. М. В. Скопин-Шуйский к этому времени одержал несколько важных побед над поляками, ликвидировал Тушинский лагерь Лжедмитрия II и в марте 1610 года снял осаду Москвы. Однако через месяц после торжественного вступления в столицу Скопин-Шуйский неожиданно умер. Смерть настигла его, когда он энергично готовился к новому походу, чтобы освободить Смоленск.

В мае 1610 года русская армия выступила из Москвы с целью снять осаду Смоленска. Однако у деревни Клушино она была наголову разбита поляками под командованием гетмана С. Жолкевского. Несмотря на эти неудачи, Смоленск по-прежнему крепко держал оборону. Ни голод, ни эпидемии не сломили мужества его защитников. В то время как силы смолян иссякали, к врагу постоянно прибывали новые подкрепления. Весной 1610 года под

Смоленск прибыли польские отряды, служившие ранее Лжедмитрию II. Подошли и значительные подкрепления из Польши. Надежды на помощь извне у защитников города постепенно таяли, а после поражения русской армии при Клушино и вовсе пропали. Однако все попытки склонить гарнизон и жителей к капитуляции успеха не имели. В июле поляки применили осадную артиллерию и стенобитные машины. 19 июля на рассвете польская армия начала очередной штурм Смоленска, который продолжался два дня. Наиболее ожесточённые бои за Смоленск прошли 11 августа 1610 года. В ходе их враг потерял до 1000 человек только убитыми и опять потерпел неудачу. Четвертый штурм, предпринятый врагом 21 ноября, также был отражён. Решение предпринять пятый штурм поляки приняли лишь после того, как перебежчик, некто А. Дедешин, рассказал о бедственном положении гарнизона и указал наиболее уязвимые места обороны в западной части крепостной стены. В полночь, соблюдая тишину, поляки пошли на штурм. В районе Авраамиевских ворот им удалось незаметно взобраться по штурмовым лестницам на стену и ворваться в город. В это время немецкие наёмники попытались проникнуть в крепость через брешь, пробитую накануне в стене. Однако здесь дорогу им преградили несколько десятков русских воинов во главе с воеводой М. Б. Шеиным. В ожесточенной схватке почти все они пали смертью храбрых. Несколько человек, в том числе и раненный в бою воевода, оказались в плену. М. Б. Шеин был закован в цепи, подвергнут пыткам, а затем отправлен в Литву. В плену он пробыл 9 лет. После взятия Смоленска Сигизмунд III не решился идти на Москву. Его армия оказалась не способна к активным военным действиям. Распустив войско, он вернулся в Варшаву.

Оборона Смоленска сыграла важную военно-политическую роль в борьбе Русского государства с интервенцией. Она почти на два года сковала главные силы врага, сорвала его план оккупации жизненно важных центров страны и тем самым создала условия для успешной национально-освободительной борьбы русского народа. Непоколебимая стойкость смоленских защитников вдохновила все народы России на борьбу с агрессорами, и в этом её огромное значение. С точки зрения военного искусства, оборона Смоленска является классическим образцом. Тщательная подготовка города к обороне позволила защитникам без какой-либо помощи извне, лишь рассчитывая на собственные силы и средства, успешно выдержать длительную осаду численно превосходящего противника, отразить несколько штурмов польской армии и настолько истощить её силы, что после овладения Смоленском она, по существу, утратила свои наступательные возможности. Только неуверенность тогдашнего

русского правительства, прямое предательство национальных интересов отдельными группировками правящего класса, бездарность общего высшего военного руководства позволили противнику в конечном счёте добиться успеха и овладеть крепостью. Не военное искусство интервентов, а голод и болезни сломили беспримерное мужество защитников Смоленска, до конца выполнивших свой патриотический долг. Высокая активность и устойчивость обороны, искусное использование артиллерии и ручного огнестрельного оружия, своевременный маневр резервами, умелое применение инженерных средств борьбы, непрерывное совершенствование обороны в ходе ведения боевых действий, высокий моральный дух, мужество и патриотизм защитников — всё это неопровержимо свидетельствовало о высокой психологической и нравственной тверди смолян.

Не случайно героическая оборона города на Днепре нашла отражение в художественной литературе. В этом плане привлекает внимание «Повесть о Савве Грудцыне», созданная в 70-х годах XVII века. В ней широко представлены исторические события первой половины «бунташного века» и многие бытовые черты того времени. В центр произведения поставлена судьба молодого человека, который по молодости и неопытности попал в зависимость от враждебной потусторонней силы, но преодолел её.

В повести многие оценки и авторские трактовки различных ситуаций носят традиционный характер. Отступление героя от принятых норм поведения, его любовная страсть, забвение своего долга перед родителями — всё это объясняется дьявольским искушением, но вместе с тем произведение впервые в древнерусской литературе развивает романическую тему повествования с отражением живых человеческих чувств. Характерно, например, что герой, охваченный любовной тоской, ищет утешение в общении с природой. Страсть, охватившая Савву, вызвана «приворотным зельем», но глубокие его переживания описаны автором сочувственно и жизненно. В произведении своеобразно переплетаются сказочные похождения Саввы с историческими событиями, в которых участвуют реальные лица. Примечательно в этом отношении то, что и сам герой произведения носит имя известного в XVII в. богатого купеческого рода Грудцыных-Усовых.

Сочетание в повести романической темы с подробными описаниями быта и нравов Руси XVII в. дало основание ряду исследователей видеть в этом произведении опыт создания первого русского романа. Действительно, события развиваются в нём на протяжении многих лет жизни Саввы Грудцына. Полюбив замужнюю женщину, он отдаётся своей страсти всей душой. А она, чтобы приворожить его, юного и неопытного, испытывает его, притворяясь перед ним

холодной и недоступной недотрогой. Не в силах побороть свою страсть, юноша отдаётся чарам дьявола и продаёт ему свою душу. Добившись с его помощью успеха, он вынужден расстаться с любимой женщиной, чтобы выполнить свой долг перед родиной. Вместе со своим спутником-бесом он, как сказочный Иванушка на коньке-горбунке, переезжает с места на место, становится участником больших исторических событий. Сопутствующий ему повсюду бес предлагает Савве идти в сражающийся Смоленск. «Брат Савва, — говорит бес ему, — пойдём в Смоленск и посмотрим, что поляки творят там и как город укрепляют и военные силы располагают». И в одну ночь он доставил его из Москвы в Смоленск. Три дня они, никем не видимые, всё внимательно осматривали и определяли, насколько тщательно поляки приготовились к штурму, «всякия гарматы поставляху». Когда на четвёртый день бес и Савва предстали перед польским воинством в настоящем виде, воины, увидев их, «вельми возмутились, начали преследовать их, чтобы поймать». Бес же и Савва, конечно, ушли из города, прибежали к Днепру. Расступилась перед ними вода, и перешли они реку посуху.

Затем они возвратились в Москву, где располагался русский лагерь и стояли войска, которые должны были отправиться на помощь смолянам. Их возглавлял сотник Яков Шилов. Когда же по указу царского величества пошли полки под Смоленск, тогда и Савва со своим названым братом присоединился к ним. Русскими силами командовал боярин Феодор Иванович Шеин. В пути бес сказал Савве: «Брат Савва, когда мы прибудем под Смоленск, тогда от поляков из города выйдет исполин на поединок и станет звать противника к себе. Ты же не бойся, выйди против него; я знаю и говорю тебе, что ты поразишь его. На другий день от поляков выедет другий исполин на поединок, ты выступи и против него; ты и того исполина поразишь. В третий же день выедет из Смоленска третий поединщик, ты же, ничего не бояся, и против того пойди, и его поразишь. Сам же уязвлен будеши от него. Я рану твою вскоре вылечу».

Пришли они под Смоленск и стали на видном месте. Как и предсказывал бес, из города вскоре вышел некий воин очень страшный. Скача на коне, он призывал из прибывших московских полков противника на поединок, но никто не выступал против него. Тогда Савва сказал: «Если б у меня был военный добрый конь, я бы пошёл на брань против сего неприятеля царского». Слышавшие это русские ополченцы скоро возвестили об этом своего боярина. Боярин же повелел привести для Саввы коня и дать оружие, думая, что вскоре может погибнуть юноша от такого страшного исполина. Савва же не размышляя и не боясь выехал против польского

богатыря и скоро сразил его, приведя его вместе с конем пред полки московские. И от всех получил за подвиг в бою похвалу. Во время боя бес находился при нём постоянно, оружие ему подносил.

Во второй день из Смоленска выехал ещё воин, ища из войска московского противника себе. И снова выехал против него Савва и поразил его. Все дивились храбрости Саввы. Боярин же злился на него, но скрывал злобу в сердце своём.

В третий день снова выехал из Смоленска некий славный воин, также ища и вызывая противника себе. Савва же, хотя и боялся ехать против такого страшного воина, но по бесовскому наущению немедленно выехал и против него. Яростно наступая, польский исполин уязвил Савву копьем в левое плечо. Но Савва изловчился, напал на поляка, убил его и вместе с конем в лагерь притащил. И этим своим подвигом всех в удивление привёл. Потом поляки начали из города делать одну вылазку за другой, и войско с войском сошлись свальным боем. Савва и брат его крепко сражались. С того крыла, где они воевали, поляки от них невозвратно бежали толпами, спину показывая. Бесчисленно много поляков они побили, сами же остались невредимыми.

Услышал боярин о храбрости юноши и уже не мог скрыть тайного гнева в сердце своём. Призвал он Савву к шатру своему и сказал: «Поведай мне, юноша, какого ты рода и чей сын?» Савва же поведал ему, что из Казани он, сын Фомы Грудцына-Усова. Боярин в ответ поносил его всякими нехорошими словами, говоря: «Какая тебя нужда в такой смертный случай сюда призвала? Я ведь отлично знаю отца твоего и всех сродников твоих, которые бессчётное богатство имеют, ты же от какого гонения или от скудности оставил родителей, придя сюда? Говорю тебе: немедля иди домой и там в благоденствии с ними пребывай. А если не послушаешь меня, и я узнаю, что ты здесь еще находишься, то без всякаго милосердия погублю тебя, голову твою велю отъять». Сказав это, боярин с яростью удалился. Юноша с великой печалью отошёл от него.

Когда он вернулся к бесу, тот сказал ему: «Что ты так печалишься об этом? Если неугодна служба наша здесь, то вернёмся назад в Москву и там останемся». Так и решили. Отъехав от Смоленска, они остановились в доме сотника. Бес днём пребывал с Саввой, к ночи уходил от него в своё адское жилище, а потом снова возвращался.

По прошествии немалого времени разболелся Савва, и болезнь его усилилась, как при наступлении смерти. Жена сотника, благоразумная и боящаяся Бога женщина, ухаживала за ним и многократно говорила ему, чтобы он позвал иерея, исповедался ему

в грехах своих и причастился святых тайн. «Да нельзя, — сказала она, — в такой тяжкой скорби внезапно без покаяния умирать». Савва сначала отрицал свою болезнь, говорил, что болеет, но не смертельно. Однако день ото дня болезнь становилась всё тяжелее. И он принуждён был всё-таки призвать к себе иерея церкви Святого Николая в Грачах. Тот стал читать ему покаянные молитвы, как обычно. Но когда иерей стал больного исповедовать, то внезапно увидел в храме толпу великую бесов. Мнимый же брат Саввы пришёл с ними уже не в человеческом образе, а в зверовидном. И, став позади бесовской толпы, он заскрежетал на Савву зубами, показывая ему богоотметное письмо, которое дал ему тогда в Соликамске. И сказал бес: «Видишь ли, что есть сие? Не ты ли писал это? Или думаешь, что покаянием этим уйдешь от нас?»

Что касается иерея, то он страшно испугался, потому что в это время никого в храме, кроме больного, не было. Видя огромные бесовские силы, он убежал в дом свой, никому ничего не поведав. После этого нечистые духи напали на Савву и начали немилосердно мучить его: били о стену, давили храпением и пеною и всякими различными томлениями мучили его. И дома продолжали мучить. Боголюбивый сотник с благонравною своею женою видели нападение на юношу бесов в доме своём, но ничем не могли помочь ему. Они обратились к царю, который прислал стражу. Но и она не могла помочь больному, обезумевшему от бесовских мучений.

Был месяц июль. Заснув, он во сне стал говорить, изливая слёзы: «О, всемилостивая госпожа царица и Богородица, помилуй, владычица, не солгу, но исполню, что обещаю тебе». Когда он «от сна возбнув», к нему приступил сотник и спросил его: «Поведай мне, господин Савва, что говорил ты со слезами во сне, и к кому обращался?» Он же, омывая лицо своё слезами, сказал: «Видех... ко одру моему пришедшу жену светолепну и неизреченною светълостию сияющу, носящу же ризу багряну, с нею же и два мужа некия, сединами украшены. Един убо во одежде архиерейстей, другий же апостолское одеяние носяще. И не мню инех, токмо жену мню быти пресвятую Богородицу, мужей же единаго наперстъника Господня апостола Иоанна Богослова, втораго же неусыпнаго стража града нашего Москвы преславнаго во иерарсех архиерея Божия Петра митрополита, их же подобия и образ добре знаю. И рече ми светолепная она жена: „Что ти есть, Савво, и чего ради тако скорбиши?“ Аз же рех ей: „Скорблю, владычице, яко прогневах сына твоего и Бога моего и тебе, заступницу рода христианскаго, и за се люте бес мучит мя“. Богородица сказала ему: „Что убо мниши, како ти избыти от скорби сея и како ти выручити рукописание свое из ада?“»

Однако только сам Бог мог помочь Савве. Божья Матерь обещала умолить об этом сына своего. Она сказала Савве, что, приехав в Казань, он должен прийти в её храм на площади у Ветошного ряда. И тогда она пред всем народом явит чудо.

Жена сотника довела эту новость до царского двора. Когда наступил праздник Казанской Пресвятой Богородицы, царь повелел принести больного Савву в церковь. Было в тот день хождение крестное из соборной апостольской церкви Успения Пресвятой Богородицы. Там же был и сам царь. И когда началась божественная литургия, принесли больного Савву и положили возле церкви на ковре. Внезапно раздался голос с неба, как бы гром великий возгремел: «Савво, востани! Что бо медлиши? И прииде во церковь мою, здрав буди, к тому не согрешай». И упало сверху богоотметное Саввино писание — всё заглажено, как никогда и не было писано. Царь, увидев это чудо, очень подивился. Больной же Савва вскочил с ковра, как если бы никогда не болел, и, прибежав в церковь, пал пред образом Пресвятой Богородицы и стал со слезами говорить: «О, преблагословенная мати Господня, христианская заступница и молебница о душах наших к сыну своему и Богу: избави мя от адския пропасти. Аз же въскоре исполню обещание свое».

«Услышав, великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России повеле призвати к себе Савву и спросив его о бывшем видении». Тот же поведал обо всём по порядку, показал писание своё. Царь подивился Божьему милосердию и несказанному чуду. Когда же отпели божественную литургию, пошёл Савва в дом сотника Якова Шилова, будто никогда и не болел. Потом он, раздав всё имение своё убогим, ушёл в Чудов монастырь. Такова эта повесть о физических и духовных мытарствах русского человека «смутного времени».

В начале XVII века безмолвная тишина, царившая при сыне Ивана Грозного, Фёдоре Иоанновиче, была взорвана государственной и духовной «смутой». Полные духовного смысла и значения хождения к святым местам и даже путешествия за дальние моря с целью установления контактов между странами сменились внутренними блужданиями, духовными «хождениями по мукам». Видимо, в этом следует искать главную причину трансформации жанра хождений в бытовую повесть. Авторы произведений этого литературного жанра стремились показать «жизнь человеческую» как «злострадания» человеческого рода. При этом сердце человека, «несмысленое и неуимчивое», служило источником внутреннего разлада.

Глубина содержания этих художественных произведений и красота их формы до сих пор поражают исследователей,

прикасающихся к людям этого «непокорливого племени», которые своим родителям стыдились покориться и поклониться, а хотели жить, как им любо. Это желание воли и протест против старого уклада жизни выливались у них порой в неразумные действия и поступки. Как правило, покидая отчий дом, они попадали в плохую компанию, а дружки случайные всегда обирали их до нитки.

Повесть о хождении Саввы также погружает нас в пучину общественной неурядицы и семейного разлада, всеобщего разорения. Следует сказать, что бытовой облик героя этого безвременья часто трудно уловим, носит расплывчатый, неопределённый характер. Однако в этой неопределенности и состоит его определение. В общем-то это выбитый из колеи человек, то есть типичная фигура эпохи смуты. Он поднят смутой на волны моря житейского, оторвался от родных берегов. Страх овладевает его душой. Для него начинается обездоленная жизнь. Мытарства его обычно заканчиваются уходом в монастырь.

Содержание произведений «смуты» во многом определяет их композиционное строение. Это особенно заметно в «Повести о Савве Грудцыне». Савва такой же «блудный сын» своего века, как и Добрый Молодец из «Повести о Горе и Злочастии». Герои показываются здесь предельно конкретно. Это люди, глубоко вросшие в свой быт. И по рождению, и по воспитанию Савва в данном случае представляет высший круг посадского общества, купеческую знать. Отец его ведёт обширную торговлю внутри страны и за её пределами.

В повести обозначились устоявшиеся формы повествования. Традиционен финал произведения — спасение грешника молитвой. Традиционен образ дьявола, извечного врага рода человеческого, а также жены купца Бажена, которая тоже выступает как орудие дьявола. С этой стороны повесть с мотивом продажи души дьяволу примыкает к житиям. Однако такая форма используется автором весьма оригинально: художественные персонажи, «неверная жена» и «прельщенный отрок», приобретают в литературном контексте реальный облик человека определённой эпохи.

«Повесть о Савве Грудцыне» отличает историческая точность. Жизнь героя от его рождения и до смерти даётся во всех важнейших проявлениях живой человеческой личности. Для выражения чувств героя автор нашёл свои средства художественного выражения. Порицая связь Саввы с женой Бажена, он использует слова из запаса древнерусской фразеологии. «Савва, — пишет автор, — всегда в кале блуда, яко свинья, валяшется и в таковом ненасытном блужении много времени, яко скот, пребываше». В других случаях, когда нужно, он для характеристики героя находит иные

слова. Во время размолвки с любимой женщиной Савва «сердцем же скорбя и неутешно тужаша по жене оной и начат от великие туги красота его лица увядати и плоть его истончаватися». Он начал бледнеть и сохнуть от неразделенной любви. Впервые в древнерусской литературе так повествуется о любовной неудаче героя. Савва уходит за город, чтобы на лоне природы развеять свою любовную тоску.

Повесть близка к устному народному творчеству, особенно в эпизодах сражения Саввы с польскими исполинами, которых он побеждает. В языке повести используются слова переходной эпохи: эпистолия, солдаты, артикул, рожа и др. Чувствуется, что автор хорошо знает русскую разговорную речь.

Таков этот яркий литературный памятник XVII века, эпохи Смутного времени. Однако он не единственный литературный памятник, который рассказал на особом языке словесного искусства о героической обороне Смоленска в трудные для него времена.

Героическая защита Смоленска художественно воплощена и в другом необыкновенно ярком и созданном в стиле торжественного красноречия оригинальном произведении — «Новой повести о преславном Российском царстве». Памятник создан в конце 1610 или в самом начале 1611 года, во время оккупации Москвы поляками и обороны Смоленска, в тяжелейший период так называемой семибоярщины.

После убийства Лжедмитрия II московские бояре упорно вели переговоры с польским королем Сигизмундом III о возведении на русский престол королевича Владислава. Этим переговорам решительно воспротивился Патриарх всея Руси Гермоген, разославший тайные грамоты, в которых призывал не присягать ни Сигизмунду, ни его сыну. Поляки взяли его под стражу. Наряду с грамотой, ходящей по рукам, в это время появилось множество «подметных» писем, также призывающих на борьбу с польскими и литовскими оккупантами.

В такой атмосфере формируются первые народные ополчения на периферии Российского царства. Под Москвой собирается войско П. П. Ляпунова. Во все концы «преславного Российского царства» направляются «отписки», «грамоты», «письма» и «воззвания» с призывом бороться против «литовских людей» за «православную христианскую веру» и за «Московское государство». Вся эта литература служила орудием в борьбе за национальную независимость и самостоятельность России.

Огромный вклад в это дело внесла «Новая повесть о Московском царстве». В отличие от кратких агитационных листовок она представляет собой яркое, цельное художественное произведение,

отличающееся эмоциональным языком и ярко выраженным лирическим характером. По сути, это своего рода клич, воззвание к добрым русским людям: вооружиться «на общих супостат наших», «удивиться пастырю нашему» Гермогену, «поревнуем и подивимся Смоленску», «умилитеся душею, содрогните сердцем и не давайте сами себя в руки врагов своих». На языке автора это звучит торжественно и многозначно.

«Вооружимся, — пишет он, — на общих супостатов наших и врагов и постоим вместе крепко за православную веру, за святые Божии церкви, за свои души и за своё отечество, за достояние, что нам Господь дал, и изберём славную смерть! И если выпадет нам эта участь, то лучше по смерти обрести царство небесное и вечное, чем здесь — бесчестное, позорное и горькое житье под властью врагов своих.

Станем подражать и подивимся тому великому нашему граду Смоленску, его обороне от Запада, как в нём наша же братия, православные христиане, в осаде сидят и великие всякие страдания и притеснения терпят, но стоят крепко за православную веру, и за святые Божии церкви, за свои души, и за всех за нас, а общему нашему супостату и врагу, королю, не покорятся и не сдадутся. Сами знаете, с какого времени сидят и всяческие великие притеснения терпят, но никакой малостью не поступятся и ни на какие их дьявольские соблазны и обещания не польстятся, на те, что обещает им сам наш супостат. И все стоят единодушно, непреклонно и неизменно умом и душою против их соблазнительных ложных обещаний. А душ своих в грехе не потопят и навеки загубить не хотят, но готовы лучше умереть со славой, нежели жить в бесчестии и горе. А какое мужество показали и какую славу и похвалу снискали во всем нашем российском государстве! Да и не только во всей нашей преславной земле, но и в иных землях, в Литовской, и Польской, и во многих других; чают, что и до Рима, или и ещё далее, снискали ту же славу и похвалу, что и у нас. Да и самого того короля, лютого врага, супостата нашего, поразили и его пособников (таких же безбожников, как и он, которые с ним там, под градом, стоят и город тот, как злые волки, похитить хотят и которые у нас здесь, в великом нашем граде, живут и на сердцах наших стоят и, как лютые львы, всегда поглотить нас хотят), а создателя нашего прославили. А ещё устрашили и в самое их злокозненное и злобствующее сердце их уязвили тем, что многих доброхотов их, а наших врагов, перерубили, и перегубили, и позорной смерти многих предали, да и ныне с Божьей помощью всегда их, врагов, губят и сильно их рубят. Чаем, что и малые дети, узнав, подивятся этой их, горожан, храбрости, мужеству, великодушию и непреклонности

духа. Если же Бог будет до конца их так укреплять, как ныне, и выдержат они эту суровую осаду и великое мученическое страдание за православную веру, за святые Божии церкви, за себя и за всех нас, и устоят, то этой своей стойкостью все царство наше сохранят от того лютого нашего супостата до той поры, что одному Господу известна, пока он неизреченными своими судьбами невидимо великую свою милость подаст всему нашему великому государству и избавит нас всех от таких непереносимых бед, изымет нас из-под власти врагов наших, как агнцев из уст волчьих. Тогда кто сможет описать эту их доблесть и мужество?! Тогда можно будет и прямо сказать, что не только в своей единственной земле, но и по многим иным странам: до Царьграда, и до Рима, и до Иерусалима, к самому востоку и западу, к северу и югу разнеслась эта слава: „В таком-то царстве и сам тот город спасся и других спас, а супостата и врага-короля попрал и прогнал и всё своё великое государство удержал“. Если бы таких несокрушимых городов, поборников веры, в Российском государстве хотя бы и немного было, не то чтобы все, никогда бы тем нашим врагам и злым волкам наша земля не была бы доступна, а проще сказать, — не было бы им и повадно».

Смоленск в данном случае выступает как знамя мужества и патриотизма. Город представлен в виде живого существа: «...Воистину великий град, крепко вооружился, и укрепился, и не покорился, и всё великое наше Российское государство держит». Автор новой повести с чувством восхищения восклицает: «Аще бы таких крепкостоятельных и поборательных по вере градов в Российском государстве хотя и немного было, не токмо что все, никако тем нашим врагам и злым волком было в нашу землю вход, но отнюд, просто рещи, и повадно».

Автор находит в Смоленске и нравственную опору, и всеобщую надежду, и прекрасный пример, Богом данный. Рядом с этим городом-героем померкла даже Москва, которая всеми «стенами и многими главами и душами врагом и губителем покорилася и предалася и в волю их далася».

Сопротивление города-героя, его стойкость и мужество художественно выражены яркими оценочными эпитетами, глагольными синонимами и другими средствами изображения: Смоленск «крепко вооружился, и укрепился, и не покорился, и не здался»; смоляне «многих наших врагов перерубили, и перегубили, и пазорныя смерти многим давали».

Патриотам, истинным защитникам отечества, противопоставлены враги и примкнувшие к ним изменники: войско польского короля названо «бесовским», сам король — «сатаною», «злодеем», а слуги

его — «бесами», изменниками отечества; это «разорители веры христианския», «первенцы сатанины». Среди них особо выделен Фёдор Андронов, которого автор называет Ихнилатом, расхищающим «великое царское сокровище».

Стиль повести совмещает книжную риторику с живым разговорным языком. В произведение введена стихотворная речь. Эмоциональность тона, яркость сатирических зарисовок, простота языка характеризуют «Новую повесть о преславном Российском царстве» как выдающееся произведение литературы эпохи Смуты.

Литература Смутного времени в основном исповедовала древнейшие идеалы и традиционные стилистические нормы длительного православного славянского средневековья. Её основным мотивом был искренний патриотизм, основанный на религиозном чувстве, воодушевлявший поколения прошлых столетий. Выступая против внешних и внутренних врагов, писатели, имея в виду именно эти идеалы столетнего их существования, обвиняли явных отступников от Христовой веры. Обвинения их были глубоко прочувствованы, их форма близка к известным риторическим моделям — со старой техникой цитат, библейских ссылок и призывов к защите наследия предков и святой православной Руси. Казалось, что в этой неспособности к обновлению чувствовалось проявление некоторой усталости, окончания векового цикла, его исчерпанности. Но это только на первый взгляд, потому что старые стандартизированные формулы художественной литературы дышат ещё современной страстностью, а главное, документально подтверждают устойчивость духовного наследия людей, которые крепко держатся за свои художественные национальные принципы. Единственным защитником отечества, сильным и непобедимым, писатели «смутной поры» считали патриарха Гермогена. Возврат к мысли о церкви как высшем синтезе традиций предков порождает один из главных мотивов времени — подчинение светской власти духовной власти.

В борьбе с католическим Западом Московская Русь сумела придать привлекательность старым, веками существующим формам, что продемонстрировало крепость и устойчивость её литературной традиции, которая останется основополагающей и впоследствии, когда страна выйдет из Смуты и в связи с этим претерпит глубокие изменения, включив свой собственный голос в культуру Европы.

Известный западноевропейский славист Риккардо Пиккио, подводя итог развитию литературы Смутного времени, отмечает, что драма человеческой жизни в истории борьбы импульсивного юноши и дьявольского Горя-Злочастия выступает в образе дохристианских суеверий. В другой же повести, о Савве Грудцыне, герой произведения, обуреваемый фаустовской жаждой славы и успеха,

вызывает на помощь дьявола, который в чужом обличье помогает ему осуществить его желания. Демонические мотивы звучат и в других произведениях, создавая для нее традиционный фон.

Библиографический список

1. Повесть о Савве Грудцыне // Золотой фонд души. Смоленщина от Бориса и Глеба. Смоленск: Маджента, 2009.
2. Ильин В. В. Художественное слово Древней Руси. Смоленск: Маджента, 2006.
3. Смоленский край в литературе и фольклоре / Под общей редакцией проф. Ильина В. В. Смоленск: Траст-Имаком, 1995.
4. Пиккио Риккардо. История древнерусской литературы. М.: Круг, 2002.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. СМОЛЕНСКИЕ ЛЮДИ ПОСЛЕ СМУТЫ

Открылась бездна звезд полна
Звездам числа нет, бездне — дна...
Никто не уповай навеки
На тщетну власть князей земных;
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.

М. В. Ломоносов

Время после Смуты начинается с утверждения господства рода Романовых на русском царском престоле. Впервые о Романовых как о выходцах из Смоленщины высказался смоленский дореволюционный историк И. И. Орловский. В книге «Смоленск в истории дома Романовых» он отметил, что, согласно восточным поверьям, тот, на кого падёт тень птицы Гамаюн, будет счастливым, богатым и даже может стать шахом. Можно по-разному относиться к поверьям древних, но факт остается фактом. Под сенью смоленского Гамаюна зарождалась трёхсотлетняя династия русских царей.

Историк проследил царскую родословную с середины XVI века и отметил, что она берёт своё начало с Андрея Ивановича Кобылы, смоленского боярина из-под Рославля, жившего в середине XVI века и имевшего пять сыновей, один из которых, Фёдор Андреевич, был прозван Кошкой. Сын Фёдора, Иван Кошкин, служил смоленским окольничим при воеводе. В 1389 году он поставил свою подпись под духовным завещанием Дмитрия Донского. Его сын, Захарий Иванович Кошкин, во время захвата Смоленска литовцами служил то московским, то литовским князьям, но сын его, Юрий Захарьевич Кошкин, в 1495 году стал московским боярином. Сын Юрия, Роман, служил московским окольничим. Он был отцом царицы Анастасии — первой жены Ивана Грозного, а

также её брата Никиты. С имени Никиты возникла фамилия Романовых. Её носил внук Романа, Фёдор Никитич, личность незаурядная, выдающаяся. По свидетельству современников, он был очень красив, умён, образован, отличался приветливым обращением, был любознателен, знал латынь. Никто лучше его не умел ездить верхом на лошади. Не было в Москве обаятельнее мужчины, чем он. Рассказывали, что портной, заканчивая кому-либо платье, обычно говорил заказчику, что теперь в новой одежде он выглядит точно как Фёдор Никитич.

Близкая связь Романовых с царским домом и добрая память о них вызывали недобрые отношения у Бориса Годунова, ставшего правителем страны после смерти сына Ивана Грозного, Фёдора. Борис безосновательно подозревал Романовых в недобрых делах. Особенно враждебно он отнёсся к Александру, Василию и Михаилу. Летописцы утверждают, что ссыльного Александра удавили на побережье Белого моря, Василий и Михаил были высланы в Пелым, где содержались в строжайшем режиме. Василий вскоре умер, Михаила долго держали в земляной тюрьме в Выборской волости.

Фёдор Никитич при Годунове тоже попал в немилость. Кончилось тем, что этот острый на язык красавец и весельчак был насильно пострижен в монахи в Софийском монастыре (под именем Филарета). К нему приставили стражу, следившую за каждым его шагом и докладывавшую Борису Годунову о каждом его действии и произнесённом вслух слове. Его жена Ксения из рода Шестовых тоже была пострижена в монахини (под именем Марфы).

Филарет, конечно, сильно переживал по поводу случившегося, тосковал по семье, с которой его разлучили. «Милые мои детки, маленькие остаются, кто-то будет их кормить, поить… — жаловался он. — Ох, мне лихо, что жена и дети. Как помянешь их, так словно рогатиною в сердце кольнёт. Хоть бы их раньше Бог прибрал».

Однако со смертью Годунова и воцарением Лжедмитрия судьба Филарета и его семьи изменилась. И сам он переменился. Он отогнал от себя надсмотрщиков. Один из них потом выразился так: «Живёт старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется… Старцев бранит и бить хочет и говорит им: увидите, каков я вперёд буду». Неизвестно, как относился Филарет к самозванцам на русском престоле, но Ростов, где он был митрополитом, не присягнул тушинскому вору. Когда поляки внезапно напали на город, Филарет облачился в архиерейские одежды и стал в церкви агитировать жителей города не отступать от законной власти. Н. И. Костомаров, ссылаясь на исторические источники, пишет, что, когда враги сорвали с него одежды, надели сермягу, покрыли ему голову татарской шапкой и повезли в Тушино, он продолжал стоять

на своём. Об этом упоминает и другой его современник, Авраамий Палицын, утверждая: «Филарет был разумен, не склонился ни направо, ни налево».

Когда распался тушинский лагерь, Филарет оказался в Москве. По благословению патриарха Гермогена и князя В. В. Шуйского, его во главе посольства отправили на переговоры к королю Сигизмунду. Когда посольство прибыло в осаждённый поляками Смоленск, от них потребовали, чтобы посольство официально предложило смолянам сдать город королю. Филарет в ответ заявил, что они не имеют права решать этот вопрос без совета с патриархом и со всей русской землей. Своих посольских товарищей и смолян, запершихся в городе, он убеждал быть стойкими. «Если мы, — говорил он им, — пустим хотя одного королевского человека в Смоленск, то нам Смоленска не видать более. Пусть лучше король возьмёт Смоленск силой против договора и крестного целования, а мы слабостью своею не отдадим Смоленска».

Когда Семибоярщина, находившаяся на царском престоле в Москве, прислала грамоту с требованием сдать Смоленск и присягнуть польскому королю, Филарет сказал: «Эта грамота написана без патриаршего согласия. Хотя бы мне смерть принять, я без патриаршей грамоты о крестном целовании на королевское имя никакими мерами ничего не буду делать». После этого всё русское посольство заключили под стражу и оставили в польском стане под Смоленском. После пожара в Москве посольство снова стали принуждать к тому, чтобы оно подействовало на воеводу Б. Шеина и решило вопрос о сдаче города. Но Филарет снова отказался выполнить это требование. «Нас, — говорил он полякам, — отправила вся русская земля и во-первых патриарх. Теперь патриарх, наш начальный человек, под стражею, а Московского государства люди пришли под Москву и бьются с королевскими людьми. Одно средство — отойдите от Смоленска и утвердите договор, с которым мы приехали, тогда мы напишем подмосковному войску, чтобы оно разошлось».

На все уговоры и угрозы Филарет мужественно отвечал: «Я всё согласен претерпеть, а этого не сделаю, пока не утвердите всего, что вам подано в договоре».

13 апреля 1611 года русское посольство под конвоем отправили водным путём в Польшу как военнопленных. В плену Филарет пробыл до 1618 года. За это время произошли важные события в жизни растерзанной интервентами России. Михаил Фёдорович Романов, шестнадцатилетний сын ростовского митрополита Филарета, на Земском соборе в 1613 году был избран Московским государем. Он положил начало царской, а с 1721 года императорской династии в России, правившей до 1917 года. Первой русской

царицей этой династии стала Евдокия, жена Михаила Фёдоровича, дочь вяземского боярина Лукъяна Стрешнева.

14 июля 1618 года Филарет вернулся из плена в Москву. Как утверждает Н. И. Костомаров, царь встретил его за городом при бессчётном множестве народа и поклонился ему в ноги, а Филарет пал в ноги царю. И оба лежали на земле, проливая слезы. В то же время в Москве гостил Патриарх иерусалимский Феофан. По царскому прошению он 24 июня посвятил Филарета в сан московского патриарха.

Юный царь был человеком кроткого нрава, мягкосердечным, поэтому он только по имени был самодержцем. Всё управление государством осуществлял его отец, человек с твёрдым характером. Захватив в свои руки власть, он оказывал влияние не только на духовные, но и на светские дела всей страны. Патриарх и сын носили титул великого государя. Сын не смел делать ничего без благословения патриарха-отца. Филарет скончался в октябре 1633 года и погребен был в Успенском соборе.

«Бунташный» XVII век известен в истории нашей страны не только своими трудными временами. Он дал великие открытия в области культуры, направив её по новому пути. Мощное развитие получило сатирическое искусство, которое затем проникло и в эпос, и в лирику, и в драму. Развитие сатиры было одним из лучших показателей роста русского общественного самосознания.

Сатирические ноты были отчётливо слышны в нашей художественной литературе с древнейших времён, когда создавались «Книга Велеса», а потом и «Повесть временных лет». Юмор в них часто переходил в сатиру, пронизывал не только художественное повествование, но и публицистику, что ярко проявилось в сочинениях Ивана Пересветова и в переписке царя Грозного с Курбским. Однако только со второй половины XVII века сатира вышла на торную дорогу, начала формироваться как своеобразный литературный род с особым содержанием и художественным «оперением».

Содержание сатиры было направлено против разных негативных сторон русской жизни: против чиновничества с его «приказным» волокитством, произволом и формализмом, против взяточничества, недостатков в жизни духовенства и церкви. Сатира бичевала также привилегированных иностранцев и затрагивала недостатки в жизни, особенно в быту. Основной её формой была пародия. Осмеивались судебные протоколы, челобитные заявления, церковные службы и т. п.

По своей проблематике она была реалистической, поэтому имела большой общественный резонанс. Стилистика сатиры по преимуществу ироническая. Из фольклора авторы сатирического жанра

использовали манеру «складной речи», т. е. рифмованной прозы, а также пословицы, поговорки, прибаутки и пр. Сатирические произведения свидетельствовали о несомненной демократизации русской литературы. Поиски новых форм, характерные для писателей этого времени, в целом обогащали литературу новыми выразительными и изобразительными средствами.

Большим достижением отечественной культуры того времени явилось создание своего национального театра как массового вида развлечения. Набожного русского царя Алексея Михайловича всячески побуждала к открытию «зрелищной хоромины» в Москве молодая царица Наталья Кирилловна Нарышкина — женщина умная, начитанная, широко образованная, свободная от предрассудков. Современники рассказывают, что, когда она, молодая и энергичная, пришла хозяйкой в царский дворец, в нём совершенно изменилась вся атмосфера. На всех царедворцев повеяло каким-то свежим ветерком. В Кремле установились новые порядки.

О Наталье Кирилловне Нарышкиной необходимо сказать особо, поскольку она сыграла ведущую роль в культурных преобразованиях Кремля. Известны некоторые подробности её детства и отрочества.

В 1663 году в Вознесенский монастырь в Смоленске, восстановленный после освобождения города от поляков, была приглашена из Кутеинского монастыря, который располагался неподалеку от Орши, игуменья Ираида Куракина, родственница князя Федора Куракина, смоленского боярина и воеводы.

Игуменья слыла женщиной образованной для своего времени. Именно такие деятельные люди были тогда нередки на Руси. Прибыв из Орши, она открыла при Вознесенском монастыре в Смоленске специальное училище для обучения и воспитания детей служилого дворянства православной шляхты.

Как видно из сохранившихся архивных документов, игуменья Ираида «имела при себе в учении... дочь бывшего полковника Кириллы Полуехтовича Нарышкина, который по совершенном возрасте, по именному повелению царя Алексея Михайловича, бывшего тогда во вдовстве, взята в Москву и учинилась его царскому величеству супругою». Если эти канцелярские записи перевести на обычный разговорный язык, то дело обстояло следующим образом: Наталья Кирилловна, дочь военного человека, который служил в смоленском гарнизоне военачальником, стала царицей. «Инспектируя» смоленское воинство, Алексей Михайлович приметил её и уже не смог выйти из поля её очарования.

Таким образом, в женском училище, которое основала игуменья Ираида Куракина при Вознесенском девичьем монастыре,

получила образование вторая жена царя Алексея Михайловича — Наталья Кирилловна. Знакомство её с царём произошло в 1660-х годах, когда её отец служил «головою» одного из стрелецких полков в Смоленске, посланных в освобождённый от поляков город для усиления его гарнизона.

По архивным материалам можно установить, что Кирилл Полуехтович Нарышкин принадлежал к числу небогатых смоленских дворян. Из этих документов известно, что при приближении московского войска Нарышкин с женою и детьми укрылся в смоленской крепости, занятой поляками. А когда в Смоленске начался голод, он написал письмо своему свояку Артамону Матвееву с просьбой обменять его и семью на пленных поляков. Артамон Матвеев состоял тогда в должности стрелецкого головы в московском войске, которое прибыло под Смоленск для снятия осады города. Стрелецкий голова уговорил царя на предложенный обмен. Алексей Михайлович согласился. Так семья Нарышкина была вывезена из осаждённого Смоленска в русский лагерь. «Тогда-то он вблизи разглядел живую, черноглазую дочь Кириллы Полуехтовича».

На смоленское пребывание Кирилла Нарышкина и на его бедное состояние указывает реплика царевны Софьи. Преданный ей дьяк Шакловитый предложил преступную идею — умертвить Наталью Кирилловну. Дело в том, что после смерти царя Алексея Михайловича началась ожесточённая борьба за власть между двумя боярскими кланами — Милославскими и Нарышкиными. Именно в это время Шакловитый и сказал царевне Софье, которая метила на освободившийся царский трон: «Известно тебе, государыня, каков ее род и как в Смоленске в лаптехъ ходила она». Конечно, детство и юность Натальи Кирилловны были не из лёгких. Она рано потеряла мать, поэтому отец, занятый с утра до вечера на службе, отдал её на полное воспитание Ираиде Куракиной. После окончания училища её некуда было девать, и она постоянно находилась при отце, в гарнизоне. Именно там её впервые и увидел царь.

Такие сведения о русской царице сообщают отечественные источники. Имеются, конечно, и иностранные. Польские хроники называют Наталью Кирилловну дочерью смоленского капитана, «девицей из Смоленска». В архиве Министерства иностранных дел до революции 1917 года хранилась записка Кирилла Полуехтовича Нарышкина об уплате ему жалования за полковую службу в смоленском гарнизоне. Выходит, что он был не капитаном, как утверждает польская хроника, а полковником.

Такой была Наталья Кирилловна, поднявшаяся в молодости волею судеб на самую высокую ступеньку иерархической

лестницы — из низов в царицы. Родилась она 22 августа 1651 года. Судя по отзывам современников, она была обаятельна, красива, хорошо сложена, воспитана и образованна, остра на язык. Всё буквально горело в её ловких руках. Её не страшили дурные приметы, нарушение которых грозило несчастиями. Не боялась она кривотолков и пересудов, часто шла наперекор установленному порядку. Словом, она была совершенно не похожа на тех боярышень, которые сидели взаперти, жили по домостроевским правилам, располагались в глубинных комнатах с особыми входами, ключи от которых хранили у себя, никому их не доверяя. Такой домашней «тюрьмы» избежала будущая царица, живя в Смоленске, а затем в Москве. Надо сказать, что славянский мир нельзя обвинить в стремлении в какой-то мере поработить женщину. Напротив, он готов был упрочить за ней её привлекательное положение.

Ревнители старины и установленных традиций домостроевщины со страхом и с какой-то затаённой завистью наблюдали из своих зарешёченных окон, как молодая царица проезжала утром по белокаменной столице в открытой коляске, у всех на виду. Этим она решительно отличалась от своих предшественниц, русских царевен и цариц, в том числе и от Софьи, которая, по сути, жила взаперти, опасаясь показаться на людях. Если им и доводилось проезжать по московским улицам, то они старались проскочить незаметно, подальше от людских глаз. Наталье Кирилловне незачем было скрывать свои прелести, прятать под вуалью настоящую русскую красоту.

Необычайная смелость молодой царицы, её полная раскованность проявились и в том, что она часто сопровождала царя на охоте, хотя для неё это было связано с большими неудобствами. Но и отпускать мужа одного на охоту было для неё рискованно: недоброжелатели могли что угодно нашептать ему о ней. Поэтому приходилось привыкать к походной жизни, сопровождать мужа и быть участницей всех тех пирушек, которые обычно устраивались после охоты.

Много всяких новых начинаний исходило от русской женщины, оказавшейся во главе царского двора. Важно отметить одну особенность: несмотря на строжайшие порядки, установившиеся на Руси по отношению к женщине (ей нельзя было появляться на людях с непокрытой головой, с открытым лицом), установленный веками порядок не порабощал её, а, напротив, упрочивал за нею привлекательное положение.

К высокому общественному положению Натальи Кирилловны следует добавить, как характерную черту, её общительность. Она, как правило, заводила знакомства и дружбу с умными людьми,

от которых можно было получить много нужных сведений, обогатить свою память. Долгие годы она дружила с Павлом Менезием — человеком, который говорил и писал чуть ли не на всех европейских языках, что, безусловно, отражалось на их взаимоотношениях, на мировоззрении царицы, способствовало выработке и закреплению тех утонченных вкусов и симпатий, которые она столь настойчиво проявляла при дворе Алексея Михайловича, когда стала его женой. Очевидно, она внушила своему царственному мужу мысль о необходимости создания придворного театра. В этом деле она имела прочную поддержку со стороны своего родственника Артамона Матвеева — видного боярина, который оказывал влияние на самого царя и который в 1664 году организовал в своём поместье комедийную хоромину, свой домашний театр, а потом способствовал развитию придворного театра. С ним было тесно связано зарождение оригинальной русской драматургии.

Огромным достижением в литературе, кроме театра и драматургии, явилось мощное развитие отечественной поэзии. В нашей науке надолго закрепилось мнение, будто стихи начали появляться с семнадцатого столетия. Однако никто из учёных, разделяющих эту точку зрения, не осмелился сказать, что до этого времени у нас не было поэзии, не существовало стихов. Иначе своими домыслами они зачеркнули бы фольклор с его былинами, историческими, лирическими, обрядовыми песнями и церковное молитвословие. Стихи, конечно, существовали и раньше на Руси. Они звучали, пелись, писались и исполнялись.

Древнерусские литературные памятники убедительно доказывают существование напевного, безрифменного стиха. Что касается создателей древнерусской поэзии, то стих, безусловно, доставлял им большое удовольствие и нередко уносил их одухотворённую мысль в заоблачные выси. В нём были зачатки лиризма, изобразительности, гражданственности.

Развитие русского стихосложения — явление необыкновенно сложное. Русь, как известно, приняла христианство от Византии. Однако заметных следов византийской поэзии в русской литературе почти не обнаруживается. Следовательно, стихи возникли из собственных эстетических и литературных побуждений. Ритмы существовали с самых глубоких исторических пор. Так, уже в «Гимне Бояна» (IV век) представлены стихи: «Если Боян видит князя Словена, сердце трепещет, как древа лист, застит тучею очи!.. И как Златогор отца воспевал старой былины слогом, так и я, Боян, ныне пою и славлю, кого люблю». «Книга Велеса» (IX век) тоже начинается стихами о Боге в трёх лицах — Свароге, Перуне и Свентовите:

И вот начните,
во-первых, главу
пред Триглавом склоните,
так мы начинали,
великую славу ему воспевали...

В XVII веке стихосложение на Руси развивалось настолько интенсивно и зримо, что уже можно говорить о двух направлениях в его триумфальном шествии — досиллабические стихи и силлабические.

На исконнорусские досиллабические стихи, конечно, оказывала сильное влияние народная поэзия. Такими стихами написана «Повесть о Горе и Злосчастии». В начале XX века известный фольклорист В. Н. Добровольский записал на Смоленщине большое по объёму древнейшее фольклорное произведение «Святые Борис и Глеб и Святополк окаянный» — нечто вроде духовной песни, былины или поэмы, заканчивающейся стихами:

Состарилась и содвигнулась
Пресвященная каменная церкоу
С присвятого Глеба-Бориса
Пристол яго звиличаючи,
Аллилуйия воспиваючи.

В купели досиллабического стихотворства зародилась и любовная лирика. Примером этому может служить песня Квашнина, стольника царицы Прасковьи:

Много-то гулено,
Много-то видено,
Такова же друга не наживано:
Нрава был послушного,
Слова был утешного,
Очами был ясен сокол,
Лицом был как белый снег,
Черны кудри шапкою...

Досиллабические стихи представляли собой рифмованные неравносложные строки, обычно парные, но иногда и в большем количестве. Рифмы в них были по преимуществу мужские (с ударением на последний слог) и женские (с ударением на предпоследний слог), реже — дактилические. По содержанию они разные. Ими создавались сатирические повести, подписывались лубочные картинки, молитвы, поучения и т. п.

Неравносложные стихи писал Савка Карцев для возлюбленной своего господина, который был глуп и бездарен. Вот одно из его стихотворений 1698 года:

Очей моих преславну свету
Здрава буди, душа моя, многия лета,
И не забывай праведного твоего обета –
Как мы с тобой перед Богом обещалися,
В короткое время перстнями поменялися.

Рифмы в этих стихах обычно глагольные: обещалися – поменялися. Встречались и деепричастные рифмы, реже – от прилагательных и существительных: свету – совету, лета – обета и др.

Вторая ветвь – это силлабическое стихотворство. Оно укрепилось с конца XVI века. Андрей Курбский, из рода смоленских князей, в послании 1572 года отмечал, что переложил «от римского языка во словенской… реченный вирш или стих». Милентий Смотрицкий пытался подвести под виршевую поэзию теоретическую базу. Именно в это время рифмовкой охватывается всё произведение от начала до конца, независимо от того, большое оно или маленькое. Именно в таком направлении развивалась виршевая поэзия и в Смоленске.

Ярким примером служат стихи Евфимии Смоленской. Её стихотворение-поэма «Молитва Господу Богу благодарная и песнь плачевная» с подзаголовком «Предикатора некоего сожителницы с треми чады» трагическая по содержанию.

В самом начале автор сообщает автобиографические сведения. Она – жена предиктора, который нёс службу при поляках. После освобождения Смоленщины судьба этой талантливой женщины сложилась печально, о чём она и повествует в поэме, рассказывая о своей злосчастной доле. Повествуя библейским слогом, «гласом прекрасных пустынь и прекрасного Иосифа», она обращается к Богу и, согласно требованиям литературной традиции того времени, воздаёт ему славу:

О, Владыко Божо Святый,
от аггелов препетый,
царю вышний, нам страшный,
и всей твари ужасный!
Величество твое и мудрость,
сила твоя и крепость
вышним чином недозрима,
человеком недостижима.

Отметив благие дела Всевышнего, Евфимия далее рассказывает о своём любимом муже, «святый церкви служителе», из-за разлуки с которым она глубоко переживает:

Любовный мой сожитель.
внезапу от мене отлучися, —
глава с телом разлучися.

Чтобы освободиться от своих печальных переживаний, как это обычно бывает в таких случаях, любящая женщина проливает неудержимые горькие слёзы, не пряча их от взоров посторонних людей, а рассказывая обо всём этом наглядно, так сказать, в натуральном виде, конечно же, всегда используя приёмы поэтической речи:

Не могу скорьби престати
и от сердца не рыдати! —
Видех любимаго связанна,
ноги и выя окованна,
бесчестно от нас ведома,
в незнанну страну везома.

Вместе с детьми её, горемычную, насильственно увозят в чужие неведомые края, отрывают от родимого места, от дома. Она, конечно, глубоко переживает по поводу случившегося: солнце для неё затянулось густыми облаками, как и её тревожные думы. Перебирая в памяти день за днём, она так и не находит для себя веской вины. И всё это ещё более печалит и угнетает её:

Сама жизнь отлучися!
Во граде, где не родися,
детки со мною младенки,
сиротки остались маленки.
Но что мне се сотворися?
Зачто тако устроися? —
Солнце облаком покрыся,
и день во мрак преложися
Много о сем размышлала
И вины о том искала.
Токмо едину обрела:
сия бо вся мне содела,
егда без скорби живяше,
о души своей не радяше,

волю Божию преступая,
во гресех дни изживая.
Достойна бых посечения
и вечнаго мучения.

Ощутив милость Божью, она, видимо, постепенно исцеляется от своей кручины. И за это исцеление души она снова благодарит Бога, который настолько щедр и великодушен к ней, что простил все её прошлые прегрешения:

Неисчетная милость велия Божия
и благость окаянней мне даровася,
внезапна душа моя не отъяся.
Даде мне исцеление,
душевное обновление,
беды бо душю убеляют,
грехов струпы ицелюют.

После прославления Бога, уже по контрасту, который часто используется в поэтической речи, она обращает взоры на себя, говоря при этом:

Творца всех и содетеля,
я, Еуфимия, о сем хвалю,
с малыми детми благодарю.

Упомянув о себе и своих расстроенных чувствах, она считает необходимым подробно рассказать теперь о своих детях, причём характеризуя каждого из них по отдельности:

Первый я болший аз сын,
именуемый Савин.
Годен жезлом ранен быти
и многи язвы носити.
С материю господу всех воспеваю,
благодателю возсылаю.
И средний аз, Леонтей,
достоин есмь многих плетей...

Повествование о детях заканчивается осанной Всевышнему и прообразами героев библейских историй:

Осанна в вышних грядый
во имя господне пришедый!
Благословен царь исраилев,
от Июды востаяй лев,
пришел бы еси пас спасти,
в царстве твое привести!
Слышали старых глупость,
младенцев же ссущих мудрость?
Млеком беленая уста,
но аггелскому чину сопристa,
духом божиим се воспеше,
иже тем солнц краснейше.
Его же и аз призываю
и вкупе с вами воспеваю:
Благословен еси, Боже,
твориши, что тебе гоже,
легко раны нам налагая,
сим к воли своей нас притягая,
малым жезлом наказуя,
к заповедем своим привязуя,
струпы грехов исцеляя,
души паши убеляя,
не хотя нам вечной муки,
да не впадем бесом в руки;
но хощеши спасенном (нам) бьпи
и во царствии твоем жити.
Сего ради благоволил, —
в скорби нам быти зде изволил,
разлучил от нас родителя,
во юности нам учителя.
Три брата младые рыдаем,
слезны реки проливаем,
яко умами несвершенни,
душами своими украшени.
О, нашего окаянства,
глупости же и безумства!
Егда он, любимый
родитель наш, с нами бывый,
учаше нас во благое,
небрегше же мы яко злое,
учению не внимахом,
в послушании не быхом,
вся дни живуще в делех злых,

небрегохом же о добрых,
о церкви бо не радиша,
в праздности болше пребыша;
егда же убо входихом,
без страха во службе пребыхом,
из церкви много скачюще,
игры безумны творяще;
немилостиви пребыхом,
сирых и нищих оскорбихом.
Ныне же сами осиревше
и яко нищи быхом,
вельми уничижаеми,
от безумных посмеваеми,
от разумных оплакани,
от премудрых обрыдани.
Ныне же зло свое познахом,
к тебе, Боже, прибегохом,
мати с чады притекохом,
и глас умилен вознесохом,
в покаянии зовуще,
с плачем горким вопиюще,
яко мытарь, в перси биюще, возрыдаем
и яко хананея от всея силы воззываем:
О, Боже благий и милосердый,
Господи, владыко всещедрый,
остави нам пресогрешение
и даруй во всем прощение!
Будущих мук нас избави
и в десных себе постави,
нашедшую скорбь отведи
и в радостны дни приведи.
Не яко отметаем ся от тебе наносимых на ся,
но благо да не приимаем,
пластырь душевный прилагаем,
терпкое скорбей снедаем
и пелынь беды испиваем.
Но вкратце даждь нам сия носити,
долго в том не можем пребыти
по немощи человечестей,
ума нашего несвершенстве,
бесовскаго ради навета
и злаго от них совета.
Люто нас они смущают

и во отчаяние влагают,
благодарити тя воспрещают
и в хулу к тебе поущают,
хотяще нас поглотити,
ядь сладку себе сотворити;
уж челюсти разширыша
и зубы своя в нас вонзиша.
Восхити изо уст змиевых
нас, грешных, из ногтей львовых,
ускори, щедрый, в помощь нашу,
разбей пелынную чашу,
посеки скорби терния,
изсуши реки слезныя,
разгони облаки темныя
от нас — печали сердечныя,
излей струю милости,
источник чистый благости,
даждь нам сот медвен сладости,
напои нас вином радости, —
возврати церкви служителя,
мене, грешной, сожителя —
возлюбленнаго ми друга,
и востану от скорби недуга.
Нам же трем младым братом — родителя,
во юности наказателя.
Да не в глупости погибнем,
от воли твоей ся отринем.
Но отныне ся накажем
и послушни ся покажем
твоему повелению
и отческому учению.
Даждь нам здрава его видети
и лице с веселием зрети.

Евфимия Смоленская предстает перед читателем как глубоко начитанная женщина. Часто она ссылается на божественное писание, упоминает странника Иосифа из библейского сюжета, смысл которого таков: Иосиф, сын Иакова, был избит и брошен в колодец, а потом продан в рабство своими же братьями. Духовные стихи в его честь бытовали ещё в XVI веке, прославляли идеал «пустынножительства». Упоминается и другой библейский сказ — селение Вифания, на склоне горы Елеонской, расположенное в трёх километрах от Иерусалима. Библия глубоко проникает в художественную

ткань произведения: «Осанна в вышних грядый…» — спаси же, о Господи! Упоминая мытаря-пустынника, автор имеет в виду евангельскую притчу о мытаре и фарисее. А жители Ханаана — это население Палестинской провинции, покорённое, согласно Библии, израильтянами.

Поэма Евфимии представляет собой наглядный пример виршевой поэзии «бунташного» века, который произвёл решительные перемены во взглядах и психологии русского общества. В это время, когда Россия освободилась от иностранной интервенции и изгнала захватчиков за пределы своей отчизны, чётко проявилась, говоря словами академика Д. С. Лихачёва, идея «ценности человеческой личности самой по себе, вне зависимости от её официального положения». Именно в такое время стало возможным появление на литературной арене женщины, активно приобщившейся к творческому труду, в данном случае к поэзии.

Смоленская поэтесса опиралась, конечно, на традиции «красно украшенной» речи и проявила свой незаурядный талант в виршевом стихотворстве, которое внедрил во второй половине XVII столетия Симеон Полоцкий, выходец из Белоруссии, следы влияния коего оставили жирный отпечаток на её стихотворстве.

Идя от конкретного образа, Полоцкий обычно большое внимание уделял его описанию. Часто отдельный предмет перерастал под его пером в целую картину, не лишённую выразительности и драматического движения. В силу расширения поэтического образа, в его сборниках нередки большие по объёму повести в стихах. В произведении Евфинии тоже много длиннот и повторений одного и того же типа. Но и все небольшие стихотворения в 2—4 строки, и обширные повести строились в поэзии XVII века по одному и тому же принципу: от конкретного предмета — к абстрактному его осмыслению. И поэтому разница между ними только чисто в количественном отношении. И в больших, и в малых стихотворных произведениях конкретный образ переводился на язык понятий и логических абстракций. Так поступала и Евхимия Смоленская.

Подводя итог, можно сказать, что сам по себе, в своей осязаемой конкретности, образ не привлекал её творческого внимания. Свою эстетическую и литературную ценность он приобретал только тогда, когда обнаруживал возможность переосмысления.

Такова общая художественная природа поэтического стиля и Симеона Полоцкого, и Евфении Смоленской, и других стихотворцев того времени. Все они опирались на производный от господствующего тогда в литературе стиля барокко, что в буквальном переводе с итальянского на русский язык означает «жемчужину неправильной формы». Характерной чертой литературы барокко было

конкретное сочетание аллегорий с натуралистическими описаниями. Стилю барокко присущи крайняя сложность, мозаичность, обильное употребление метафор и сравнений. Вместе с тем выдающиеся писатели, создавая свои стихи в этом стиле, нередко обращались к античной мифологии и литературе. Это была плодотворная струя в литературе и искусстве барочного стиля. Трудно сказать, пользовалась ли античными аксессуарами Евфимия Смоленская, так как нам известно только одно её сочинение. Что касается С. Полоцкого, то он часто прибегал к античной мифологии в своём творчестве. В его стихотворениях упоминаются едва ли не все античные боги и герои, канонизированные литературой Ренессанса. У Полоцкого можно встретить и Аполлона, и Афину, и Диану, и Зевса, и Нептуна. Здесь и герои Древней Эллады — Геркулес и Эней. В стихах поэта-просветителя нашли пристанище и античные поэты, ораторы, философы: Гомер, Эврипид, Вергилий, Демосфен, Цицерон, Аристотель.

«Молитва Господу Богу благодарная и песнь плачевная предикатора некоего сожительницы с тремя чады» воспевала на библейские мотивы «Прекрасныя пустынника и Прекрасного Иосифа».

Евфимия с тремя детьми в 1654 году была разлучена с любимым мужем, насильственно высланным в другой город. Царская политика состояла в том, чтобы «очистить» Смоленск от польской «скверны», ибо многие его жители, находясь долгое время под оккупацией, испытывали влияние чужой и чуждой им веры. Видимо, по этой причине попал в опалу и муж поэтессы, хотя он состоял в должности священника православной церкви. Чтобы в какой-то мере реабилитировать его, оправдать в глазах честных людей, и было написано сочинение. По своему жанру оно представляет молитву — популярную в то время форму виршевого стихотворства. По размеру это девятисложник, отличающийся от других произведений того времени неподдельным лиризмом. Молитва Богу и песнь плачевная были, видимо, адресованы либо царю и патриарху, либо кому-то из их приближенных.

Борьба за личностное начало наиболее часто и зримо запечатлевалась в те времена в акростихиде. Заключённое в её оболочку имя автора было практически неуязвимо от внешнего вмешательства, оно было надёжно защищено от покушений со стороны. Чтобы уничтожить, стереть его в акростихе, надо было разрушить весь его текст. Акростихов Евфимии мы не знаем, но интерес к интимному миру человека, художественно отражённый в её творчестве, свидетельствует о развитии жанра стихотворной молитвы, что было в стиле того времени. Известна «Молитва против разлучения супружества» поэта С. И. Шаховского — Хари. Шесть раз

его ссылали в отдалённые края. По существующему христианскому канону человек мог жениться только три раза. Шаховской же привел четвёртую жену. Прошло несколько лет после свадьбы. У супружеской пары появились дети. И тут грянул гром. За нарушение церковного канона его насильственно разлучили с любимой женщиной и отторгли от семьи. В Тобольске он написал свою «Молитву». Современники считали его большим поэтом, знатоком «книжной премудрости». Он был автором «Послания князю Д. М. Пожарскому», а также «Послания к некоему другу зело полезно...» и сочинителем указанной выше «Молитвы».

Следует отметить не только новую тему, которую довольно успешно осваивали в своём творчестве стихотворцы XVII столетия, не только явно преобладающий, сугубо интимный характер повествования, но и стремление заглянуть в открывающуюся перспективу, проникнуть в тайны отечественной поэзии. В стихотворениях Шаховского привлекает внимание оригинальная форма трёхстишия с соответствующей тройной рифмой («царю — мою — ю»), что использовано было впервые в русской поэзии.

В жанре стихотворной молитвы успешно выступала и Евфимия Смоленская. Её произведение также свидетельствует о высокой поэтической культуре, о начитанности автора, о знакомстве его не только с традиционной книжностью и духовной поэзией, но и с некоторыми приёмами схоластического искусства Запада. Здесь явно чувствуется влияние поэтической культуры Белоруссии, Литвы и Польши.

Как отмечают современные исследователи русской поэзии XVII века, стихотворство всё более и более становилось в это время оригинальным. Оно решительно преодолевало традицию переводческого искусства с греческого и польского языков. Уже в XV веке многие тексты церковной славянской гимнографии трудно воспринимались как факты русской поэзии, потому что они сделаны были как переводы нерусские, а более с языков южных славян и лишь потом переписаны были у нас. Но с XVII века, в связи с наступившим половодьем оригинального сочинительства, в стихах бьют ключи русской действительности в её историческом и повседневном дыхании.

Явление рифмы было знакомо русской словесности с древних времён. Ею пользовались, но нерегулярно, от случая к случаю, скорее даже в прозаических произведениях, чем в стихотворных. В XVI веке она изредка даёт о себе знать и в стихотворных сочинениях. И только в XVII веке рифмовка становится регулярной, охватывающей весь в целом текст стихотворения, будь оно маленькое или большое по объёму. Нормой становится и независимость текста

от напева — самостоятельность поэтического слова, гораздо реже сказывавшаяся в предшествующие времена, когда стих предпочитали «пети», а не «глаголати» [1].

Библиографический список

1. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М.: Советская Россия, 1989. С. 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. «НЕ В ХУДОЙ ЗЕМЛЕ, НЕ В НЕВЕДОМОЙ»

О, светло светлая и украсно украшена земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси...
Всего еси испольнена земля Руьская,
О правоверьная вера крестияньская!

Слово о погибели Русской земли

Как одна из древнейших земель в составе Древней Руси, Смоленщина собиралась в течение тысячелетий, поэтому накопила огромную традицию. Конечно, никто не может определить, каков её возраст. В 1963 году смоляне отметили её 1100-летие: в Устюжской летописи впервые Смоленщина упомянута в 863 году, хотя другие источники упоминают Смоленск гораздо раньше. Немецкая «Сага о Тидрике Бернском» повествует о штурме в V веке «Смоланда» конунгом гуннов Атиллой и о взятии его после длительного приступа. Атилла умер в 454 году. Если это учесть, то Смоленску более 1500 лет.

Сага, где фигурирует Смоленская земля, представляет собой один из жанров фольклора, которые В. Даль относил к устнопоэтическим образованиям: «думам, сказаниям, былинам». Следует иметь в виду, что в последнее десятилетие появилось непонятное и необъяснимое пренебрежение к фольклорным источникам. Ретивые «прорабы» науки считают произведения устного поэтического народного творчества лёгкими «побасёнками» и под всяким предлогом пытаются столкнуть их с «учёного Олимпа». А ведь эти памятники представляют собой закодированную в устойчивых художественных образах «родовую коллективную память народа». Само слово здесь особенно ёмко, потому что несёт огромный палеонтологический заряд. Отдельные слова и выражения здесь существуют десятки, сотни, а то и тысяч лет. За это время они многократно

дополнялись и обновлялись, сохраняя при этом свою изначальную основу. В этом плане язык весьма консервативен, особенно если речь касается названий озёр, рек, городов, весей и других понятий.

Названия наших городов восходят к далёким изначальным временам Древней Руси. Существует несколько гипотез, легенд и преданий о происхождении названий Смоленска, Вязьмы («ви аз» означает «говорю я»), Дорогобужа («наслаждающийся властью и благами»), Рудни (от Руды – языческого божества) и т. д.

В наше время огромный интерес науки вызывает Гнёздовский феномен – предполагаемый зачаток древнего Смоленска. Его загадочные курганы давно привлекают внимание многих исследователей разных стран.

Ещё академик А. А. Шахматов (1864–1920) в начале прошлого века предложил свой оригинальный ретроспективный метод осмысления русских летописей. Сличая разные летописные своды, он путём сравнения отдельных литературных памятников обнажал в них древнейшую первооснову. Так были обнаружены следы многих погибших памятников нашей словесной культуры. Углубляясь в культурный слой, он находил предметы старинного быта. Как русский филолог, имея дело со словесным материалом, он вскрывал древнейшие пласты в летописных сводах, счищая с них позднейшие наслоения.

Аналогичную ретроспективную акцию применительно к устному народному творчеству осуществил академик Ф. И. Буслаев (1818–1897). Это были неутомимые поиски точных методов познания в области гуманитарных наук. Такую же задачу поставил перед филологией и академик Д. С. Лихачёв. По его убеждению, филологическая наука так же точна, как и математика. Литература и фольклор с их особым словесным обрамлением так же строго очерчены, как и любая геометрическая фигура. Для тех, кто отрицает значение устного слова и литературного художественного образа, следует напомнить слова Иисуса Христа, первого создателя притч, о том, что слова могут проникать в глубины человеческого сознания. Ведь и Библия, и Евангелие основаны на устных источниках. Всемирно известная Гомеровская «Илиада» (XIII век до н. э.) была записана греками триста лет спустя после падения Трои также на основе существующих устных преданий. В наше время идёт спор, на каком языке существовал этот героический эпос. Во время Троянской войны там проживали этруски, основавшие Трою и другие города, в том числе и Рим. Оставшиеся после них письменные памятники (более тысячи) были впервые расшифрованы на основе славянского языка Е. Классеном, Ф. Воланским, Д. Чертковым, позднее В. Чудиновым. Этруски, сотворившие «Илиаду» и «Одиссею», были, выходит, предками славян.

Из фольклорных произведений о древнем Смоленске можно выделить былину о Михаиле Потоке, отражающую языческую пору. Герой-богатырь отправляется в поход, чтобы покорить «корбу темную у грязи у черной», а грязи чёрные — это «грязи-то смоленские». До сих пор народное сознание сохраняет название «грязей смоленских», расположенных подле Гнёздова.

В былине фигурируют Иван Окульевич, языческий смоленский царь, и его дочь Мария Белая Лебедь. Увидев девицу-красавицу в чистом поле, русский богатырь Михайло выбежал из шатра и хотел её обнять. Она же сказала ему: «А не целуй меня, красной девушки. А у меня кеста были поганые, А есть-то ведь уж веры и не ваши. Не вашей-то ведь веры есть, поганая».

Три раза Мария Белая Лебедь хитростью и коварством побеждала христианского богатыря. В последний раз, пьяного и сонного, она прибила его по рукам и ногам к городской стене, и лишь Настасья Ивановна, младшая дочь смоленского царя-язычника, влюблённая в приезжего витязя, спасла его.

Былина позволяет восстановить древние дохристианские нравы, обряды и обычаи смолян. Записана она на среднерусском диалекте. В ней явно проступает смоленский языковой слой. Так, Мария Белая Лебедь «побежала быстро в кузницу», «сковала тут она да ведь пять гвоздов», чтобы прибить Михайлу к городской стене. Эти «пять гвоздов», как и «протверезился», «давает» вместо «даёт», «26 богатырев» вместо «богатырей», «три годы» и другие выражения, взяты из диалектной лексики смоленских говоров. Произведение явно отражает языческое, мифологическое сознание наших далёких предков. Главная героиня, Мария Белая Лебедь, фольклорный художественный персонаж, соткан из легенд, преданий, волшебных сказок, обожествлявших природу и связывающих с нею человека самыми тесными узами. Предстаёт она перед нами как «лань златорогая», как Лебедь Белая, летающая «по тихим по заводям», как «дочка-та царская мудрёная», перевоплощаясь прямо у нас на глазах.

Былину о Михаиле Потоке дополняют легенды и сказы, тоже отражающие доисторическое мифологическое сознание смолян. Одну из таких «старин» воспроизводит Ф. И. Буслаев. По дороге в Чернигов, начинающейся в Смоленске от Смядыни, на тридцатой версте от нынешнего города (напротив Гнёздова и Купринского озера), смоленские девы собирались на игры, вроде как на карнавал. Проезжавший мимо них Георгий Победоносец, герой христианского эпоса, стал отговаривать их, чтобы они не бесновались. Они же на его слова «нелепо возбраняли с великим срамим». И тогда он проклял их, в результате чего они превратились в камни. Аналогичный сюжет воспроизводит и ещё одна легенда, повествующая о том, что возле деревни Болваны (Болваничи) святой муж обратил

пастуха и всё его стадо в камни. Можно умножить такие примеры. Четырёхтомный «Этнографический сборник» В. Н. Добровольского, вышедший в начале XX века, включает сотни подобных фольклорных произведений разных жанров, записанных на Смоленщине.

Получив многожанровое развитие в течение тысячелетий, устное народное творчество способствовало раннему появлению на Смоленщине литературы, которая непосредственно связана с развитием письменности. Самое древнее славянское слово («ГОРОУХЩА»), начертанное на глиняной амфоре, найдено в 1949 году при раскопе Лесной группы Гнёздовских курганов. Что оно обозначает? Существует несколько его толкований: горчичное семя, собственное имя Горух (или Горун), Гар-Уда — имя самого сильного и значимого у славян бога. Часто он принимал облик орла, его тело сияло как солнце, не было уязвимо ни для какого оружия. Миссия этого всемогущего бога, по ведическому учению, заключалась в том, чтобы помочь людям «из мира материального подняться в мир беспредельный».

Зачатки литературной формы можно обнаружить также и в берестяных грамотах. Первая смоленская берестяная грамота найдена в раскопе УС-Ш, через год после открытия этой древнейшей славянской формы письма в Новгороде Великом, в 1952 году. Всего в Смоленске обнаружено 15 таких грамот. Среди чисто хозяйственных записей встречаются грамоты-диалоги, представляющие собой переписку смолян с новгородцами. Некоторые из них раскрывают личные чувства их авторов. В одной из них написано: «Никита к Ульянице. Поди за меня. Я хочу тебя, а ты меня».

Это, безусловно, лишь крохи из того, что существовало в дохристианской литературе наших предков. После крещения Руси все ведические книги были уничтожены. Поэтому приходится пользоваться только источниками христианской поры, которые освещают события языческой Руси сквозь фильтры православия. В «Повести временных лет», особенно в её Радзивиловском списке, Смоленщина представлена довольно широко. Отдавая явное предпочтение смоленским князьям, составители летописи тем не менее пытаются сохранить объективность при освещении фактов и событий. Когда дети или внуки Владимира Мономаха творили зло, летописцы строго их осуждали. С укором они повествуют, например, о захвате в 1203 году Рюриком Ростиславичем Киева и о варварском разграблении древнерусской столицы.

Своё художественное отражение Смоленщина нашла и в «Слове о полку Игореве». Из 28 современных автору русских князей двое с оговоркой (Роман и Мстислав), а пятеро без всяких оговорок оказались выходцами из Смоленской земли: Рюрик, Давыд и «все три Мстиславичи», проявившие себя в борьбе против степных кочевников.

Смоленщина оказала значительное влияние на духовную жизнь Древней Руси. Её князья, начиная «со старого Владимира» Мономаха, управляли Киевом — центром Южной Руси. Его дети, внуки и правнуки неоднократно сидели на «золотом» киевском столе более двух столетий. Поэтому культура Киевской Руси складывалась и оформлялась с явным смоленским акцентом. Выходцы из Смоленщины открыто подчёркивали свои прежние связи. Митрополит Климент, определивший в XII веке вектор образования и культуры на долголетие, называл себя смолятичем, подчёркивая свои неразрывные связи со Смоленщиной. Основатель смоленского княжеского дома Ростислав Мстиславич составил Уложение — своего рода свод законов духовной и светской жизни. В XIII веке святые русской церкви Авраамий и Меркурий тоже вошли в историю с именами Смоленские.

Общая культура смолян в те времена стояла на очень высоком уровне. Именно в Смоленске существовали первые училища со скрипториями, тиражировавшие книги. Некто Авраамка в XV веке составил летописный сборник. В это же время в Смоленске была изготовлена огромная «лицевая» летопись. Всё это — вехи большого пути, пройденного за пятнадцать столетий христианства. Через два столетия Смоленщина сделает ещё один скачок, выйдя на вполне европейский уровень в театральном искусстве и стихотворстве. Смоленщина, вынужденная ориентироваться на католический Запад, так как находилась около двухсот лет под властью Литвы и Польши, сумела сохранить, как неприкасаемое базисное ядро, православную культуру, оставив смолянам место для «самовластия души». В этом неприятии католичества и уклонении от византийского христианства немаловажную роль сыграло не только славянское, но и русское язычество. В этом смысле Климент Смолятич, продолжая, сохраняя и умножая традиции первого русского митрополита Илариона, был выразителем мировоззрения собственно «русского рода». Это важно подчеркнуть, так как вся литература и искусство русского Средневековья базируется на религиозной православной основе, ставя себе целью проникнуть в толщу народного сознания.

Как равная среди других регионов, после спада бурной волны смуты Смоленщина вышла к Европе не с пустыми руками, а с произведениями глубокого содержания и высокого художественного достоинства. Отнюдь не случайно «лицевая» Радзивиловская летопись оказалась в книгохранилище Кёнигсбергской библиотеки, а Авраамкин летописный сборник — в Виленской библиотеке. Забудем на мгновенье, какими путями они туда попали. В данном случае важнее другое: они оказались востребованы там как ценная литературная продукция. А это означает, что создавались они «не в безвестной и захудалой земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли».